

Блытов В.

Мы-плавсостав! (сборник рассказов)

Москва
2004 - 2018 годы

Чем дальше от службы и своих кораблей мы уходим - тем память о ней и кораблях становится нам дороже!

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФЛОТСКОГО ОФИЦЕРА

Рассказ 1. КОГДА НАКАЗАНИЕ В РАДОСТЬ!

Введение

От автора: автор не ставил своей задачей описать реальные события и личности и поэтому совпадение имен, фамилий, названий кораблей не имеет ничего общего с реальными и не направлено против кого-то. Хотя Совпадение фамилий, имен и мест является случайным и к действительности не имеет никакого отношения.

Это истории о флоте, о нелегкой службе на флоте в период, когда флот становился на ноги. Мы были там, мы видели это, мы участвовали в этом. Военные корабли СССР выходили в океан для защиты интересов Родины. Мы участвовали в этом при жестком противодействии противостоящих этому военно-морских флотов и авиации НАТО и прежде всего США. Мы, это плавсостав ВМФ. И этим сказано все! Мы защищали нашу Родину с морских направлений, мы были готовы отдать этому важному для страны делу свою молодость, а порой даже жизнь. Иногда дело доходило до прямых столкновений и применении военной силы, когда интересы нашей Державы расходились в понимании и действиях интересам США.

В районе греческих островов американские корабли встречали иногда наши военные корабли провокационным семафором «Поздравляем с благополучным прибытием в наши воды! Желаем вам не задерживаться здесь».

На этих кораблях, выходявших практически на прямое столкновение интересов противостоящих друг другу держав, были простые советские люди – адмиралы офицеры, мичманы, старшины и матросы.

Эта книга эта о тех, людях, которые служили в плавсоставе – адмиралах, офицерах, мичманах, старшинах, матросах. Эти собранные рассказы о службе на кораблях ВМФ СССР, о тех особенностях службы, которые были. Рассказы о плохом и хорошем.

Вся служба на кораблях ВМФ определялась Корабельным уставом ВМФ, так же и жизнь на корабле была строго расписана и определена рамками статей Корабельного и общевоинских уставов, приказаний командиров и начальников, наставлений и руководств. И все военные моряки в соответствии с требованиями присяги обязаны стойко преодолевать все тяготы и лишения воинской службы.

Но надо помнить, что на кораблях все же служат обыкновенные люди со своими эмоциями, со своими наклонностями, со своими недостатками, со своими желаниями, со своими привычками, со своим воспитанием и со своим пониманием службы и жизни. Не всегда получалось, как хотелось и даже как надо было делать. Молодость это все же пора романтики и пора мечтаний и самых сумасшедших свершений. Но все моряки знали одно, что боевая обстановка – это боевая обстановка и в случае необходимости были готовы сделать и отдать все, что можно и нужно, для выполнения боевой задачи. А если потребуется, то и свои молодые жизни, как делали в свои эпохи и годы их отцы, деды и прадеды.

Теперь о наказаниях. За нерадивость, нарушения порядка исполнения воинской службы нарушители оной в соответствии с требованиями руководящих документов партии и Советского правительства должны были подвергаться методам убеждения и принуждения. Начальники предпочитали прежде всего использовать второй метод. Как говорили он чувствительнее и доходчивее с точки зрения воспитания. Как говорили тогда, был бы человек, а наказать его всегда найдется за что. Наказания на моряков накладывались в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооружённых сил СССР. Но начальники, порой использовали не только методы, разрешенные уставами. Но и могли оскорбить подчиненного, обругать последними словами. И подчиненные должны были, в соответствии с уставами терпеть, подобное отношение. Дуэли были запрещены, а посягнуть на здоровье или честь начальника было невозможно, так как их защищал в этих случаях закон уголовный кодекс. И тем не менее, были случаи, когда подчиненный ставил распоясавшегося начальника на место.

Наказание — применение каких-либо, правовых или неправовых, неприятных или нежелательных мер в отношении человека, или их групп в ответ на неповиновение или на неуютное или морально неправильное поведение.

Для наказаний в Вооруженных силах использовался дисциплинарный устав ВС СССР от 23.08.1960.

В соответствии со статьей 69 на офицеров могли налагаться следующие взыскания:

- а) замечание;
- б) выговор;
- в) строгий выговор;
- г) арест с содержанием на гауптвахте: младших офицеров — до 10 суток, старших офицеров — до 5 суток;
- д) предупреждение о неполном служебном соответствии (два предупреждения грозило снятием с должности);
- е) снижение в должности;
- ж) снижение в воинском звании на одну ступень.

Александр Покровский в своем незабвенном и уважаемом на флоте труде «Расстрелять» писал, что можно сделать с офицером. Как правило, не просто с офицером добавил бы я, а с лейтенантом, потому что после некоторых годов службы у офицера появляются зубы, и он уже может постоять за себя в определенных моментах, особенно если он прав.

Так что же можно писал Александр Покровский?

Офицера можно:

- лишить очередного воинского звания или должности, или обещанной награды, чтоб он лучше служил;
- не лишать его этого звания, а просто задержать его на время, на какой-то срок - лучше на неопределенный, - чтоб он все время чувствовал;
- не отпускать в академию или на офицерские курсы; или отпустить его, но в последний день, и он туда опоздает, - и все это для того, чтобы он ощутил, чтоб он понял, чтоб дошло до него, что не все так просто;
- запретить ему сход на берег, если, конечно, это корабельный офицер, или объявить ему лично оргпериод, чтоб он организовался; или спускать его такими порциями, чтоб понял он, наконец, что ему нужно лучше себя вести в повседневной жизни;
- отослать его в командировку или туда, где ему будут меньше платить, где он лишится северных надбавок; а еще ему можно продлить на второй срок службу в плавсоставе или продлить ее ему на третий срок, или на четвертый; или можно все время отправлять его в море, на полигон, на боевое дежурство, в тартарары - или еще куда-нибудь, а квартиру ему не давать, - и жена его, в конце концов, уедет из гарнизона, потому что кто же ей продлит разрешение на въезд - муж-то очень далеко;
- дать ему квартиру - "Берите, видите, как о вас заботятся", - но не сразу, а лет через пять - восемь, пятнадцать - восемнадцать, - пусть немного еще послужит, проявит себя;
- объявить ему, мерзавцу, взыскание - выговор, или строгий выговор, или там «предупреждение о неполном служебном соответствии» - объявить и посмотреть, как он реагирует.
- сделать так, что он никуда не переведется после своих десяти "безупречных лет" и будет вечно гнить, сдавая "на допуск к самостоятельному управлению";

- контролировать каждый его шаг: и на корабле, и в быту; можно устраивать ему внезапные "проверки" какого-нибудь "наличия" - или комиссии, учения, предъявления, тревоги:

- не дать ему какую-нибудь очень нудную "характеристику" или "рекомендации" - или дать, но такую, что он очень долго будет отплеиваться;

- можно лишить его премии, "четырнадцатого оклада" полностью или частично;

- не отпускать его в отпуск - или отпустить, но тогда, когда никто из нормальных в отпуск не ходит, или отпустить его по всем приказам, а отпускной билет его у него же за что-нибудь отобрать и положить его в сейф, а самому уехать куда-нибудь на неделю - пусть побегает.

- заставить его во время отпуска ходить на службу и проверять его там ежедневно и докладывать о нем ежечасно;

- посадить его, сукина сына, на цепь! То есть я хотел сказать, на гауптвахту - и с нее отпускать только в море! только в море!

- уволить его в запас, когда он этого не хочет, или, наоборот, не увольнять его, когда он сам того всеми силами души желает, пусть понервничает, пусть у него пена изо рта пойдет;

- нарезать ему пенсию меньше той, на которую он рассчитывал, или рассчитать ему при увольнении неправильно выслугу лет - пусть пострадает; или рассчитать его за день до полного месяца или до полного года, чтоб ему на полную выслугу не хватило одного дня.

И вообще, с офицером можно сделать столько! Столько с ним можно сделать! Столько с ним можно совершить! Что грудь моя от восторга переполняется, и от этого восторга я просто немею.

А я бы добавил, что некоторым начальникам тех времен просто нравилось поглумиться, поиздеваться над подчинёнными офицерами, мичманами, старшинами и матросами, используя свое служебное положение.

Какие только издевательские перлы не выходили порой из этих начальников, желательно чтобы больше подчинённых слышали, как такой орел-начальник может построить любого, особенно строптивого лейтенанта при необходимости в три шеренги, сбить с него не только не только спесь, но и остатки человеческого достоинства и гордости. Оскорбить не просто так, а с матерными переливами, вспоминая его родных и близких и все самое дорогое, что может быть в этой жизни.

Было и такое в нашей жизни – жизни плавсостава. Самое желаемое, что было после многомесячных плаваний – это сход на берег. А именно его и старались лишить или ограничить в первую очередь. Бить по самому больному. И не всегда бить по делу, а бить обязательно по делу и без дела, чтобы молодые знали свое место.

- Куда вам на берег? А в первую очередь у нас будут сходить только женатые, во вторую старшие по должности и званию. А вы пока не женитесь, не выслужите чины и звания сидите, служите Родине на корабле, учите уставы и корабельные правила, сдавайте зачеты, воспитывайте своих подчиненных, приводите в порядок своих заведования и объекты приборки. Кстати у вас в гальюне наверняка сейчас и пахнет плохо и не все блестит. Так в гальюне блестит только после приборки до первого человека. Вот и добивайтесь, чтобы у вас все время блестело, а вот когда приведете все в порядок будем говорить и о сходе.

Или были иногда такие высказывания:

- К вам приехала мать или сестра из другого города? Ну и что? Какой сход? Куда и зачем? Вам, что с ними спасть? Сидите на корабле и молчите. Пусть без вас осмотрят город, погуляют, а в отпуске вы ними пообщаетесь.

Могут иногда и отпустить. Но потом через полчаса, после вашего ухода прислать оповестителя и вызвать вас срочно назад на корабль, проверяя время прибытия по секундомеру. А потом даже если вы уложились по времени, то извиниться и отменить сход. Мол надо посидеть на корабле или заступить срочно на какую-то вахту или дежурство. Да мало ли причин?

1. Лейтенант

Лейтенант Миша Степанов был назначен служить на Черноморский флот после окончания радиоэлектронной «военно-морской бурсы» под названием ВВМУРЭ имени Попова. Конкретное место службы должно было быть определено, при прибытии лейтенанта на флот.

— Хочу на торпедные катера как папа – мечтал Миша.

С детства Миша полюбил торпедные катера с их огромной скоростью, выходом на редан,

героическими подвигами во время Великой Отечественной войны.

Жили они под Ригой в финских домиках в небольшом поселке Болдерая. Поселок располагался на берегу небольшой речки Лиелупе, впадавшей в Рижский залив. Отец, как и большинство мужчин поселка служил на дивизии торпедных катеров. Каждую весну катера уходили на отработку мероприятий боевой подготовки на эстонский остров Сааремаа.

Миша не мог забыть, как торпедные катера по звеньям, дивизионам и бригадам проходили мимо поселка. Маленькие красивые, юркие и самое главное быстроходные.

Проводить своих близких на берег выскакивали все женщины и дети из поселка.

— Вон мой папа. Вон мой папа пошел — кричали мальчишки до боли в глазах высматривавшие своих отцов.

Женщины молчали и вытирали платочками слезы, выступавшие на глазах.

А когда катера возвращались, то радости не было предела. Встречал отцов с моря на берегу Лиелупе весь поселок.

— Предлагается вам должность командира группы специальной связи на вертолетоносце «Севастополь» — сказал лейтенанту Степанову невысокий и лысоватый капитан 2 ранга с огромной орденой колодкой.

— Наверно воевал где-то — неприязненно подумал Миша — возможно и с Отечественной войны, но потом мысленно прикинув возраст кап два — ну лет максимум 30-35. Не получается, но кто его знает.

— Лейтенант ты доволен? — спросил недоуменно кап два увидев, что лейтенант задумался — пора бросаться мне в знак благодарности на грудь, целовать и бежать в магазин за бутылкой коньяка.

— Не понял, я же просился на ракетные катера — недоуменно спросил Миша — я там практику проходил. На меня пришел вызов.

— Это я не понял? — перебил его кап два — тебе лейтенант предлагается лучшая должность, новый корабль, флагман Черноморского флота, вертолетоносец, а ты, что кочевряжишься? Да если я эту вакансию отдам твоим однокашникам — они оторвут ее с руками.

— Я не кочевряжусь — сбавил пары Миша — но я хочу служить на катерах. Это мечта всей моей жизни. У меня папа служил на торпедных катерах в годы войны.

— Кто у нас папа сейчас? — заинтересовался кадровик — главком, маршал?

— Капитан 2 ранга. Служит помощником оперативного дежурного Балтийского флота — выдохнул с надеждой Миша.

— Ах Балтийского флота, капитан 2 ранга — заулыбался кадровик — а я то думал, что он минимум главком и надо прыгать вокруг вас, товарищ лейтенант, и выполнять все ваши желания. Видишь ли, он хочет, он не хочет? — кадровик посмотрел на симпатичную полную блондинку Веру Семеновну — а что из того, что ты хочешь? — сделал хищное выражение на лице кап два — я, что должен краковяк танцевать перед тобой из-за того, что ты хочешь? Я тоже много чего хочу. Вот к примеру — он задумался посмотрел опять на Веру Семеновну, и видимо не найдя ответа или мысли его были весьма нескромные, продолжил, — но я человек военный и не имею права хотеть или не хотеть, прежде всего я обязан выполнять приказы своих начальников. Или вас не учили выполнять приказы? Что написано в уставе внутренней службы — выполни приказ, а потом обсуждай его сколько угодно. Ты тоже должен сказать мне — есть, понял, даже если в чем-то не согласен и убить служить на предложенный тебе корабль. И только потом выражать свое неудовольствие в виде рапортов или жалоб. И запомни раз и навсегда, что я могу и передумать, если ты разозлишь меня и тогда поедешь служить на самый не плавающий, полуразваленный эсминец в Потти или Санузлав. Знаешь, что такое Санузлав?

— Нет — пожал плечами расстроенный Миша.

— Есть такое бывшее озеро недалеко от Евпатории, называется Донузлав. Среди офицеров, получило название Санузлав. Почему? Могу сказать одно, что недаром получило. Самая главная дырка на флоте. Так скажи мне голуба, переписывать тебе предписание или все же поедешь служить на «Севастополь» — наклонил он голову в сторону, а сам незаметно подмигнул Вере Семеновне.

Вера Семеновна надула ярко накрашенные губки. Не первый это лейтенант, не согласный с назначением. Но ничего сломают и поедет куда скажут, как миленький.

Миша немного подумал, глубоко вздохнул и потом выдохнул:

— «Севастополь», так «Севастополь» пишите на «Севастополь».

Уж очень не хотелось ехать в этот неизвестный Санузлав. А Севастополь как не смотри все же лучше. Но на душе было муторно. Все же он так рассчитывал служить на ракетных катерах.

2. Служба!

Третий месяц вертолетоносец «Севастополь» стоял на внешнем рейде города Феодосия. На корабле производились полеты самолетов.

«Севастополь» – был первым советским вертолетоносцем с кормовой полетной палубой, предназначенной для посадки и взлета одновременно четырех вертолетов. На корабле были два ангара для хранения и обслуживания вертолетной техники. Это был первый шаг в создании реальных авианосцев в СССР.

В 1970 году Главкоматом ВМФ было принято решение переоборудовать вертолетоносец «Севастополь» для испытаний первых палубных самолетов вертикального взлета и посадки ЯК-36.

На корме «Севастополя» была наварена, металлическая самолетная палуба, предназначенная для предотвращения прожигания палубы корабля двигателями, садящихся вертикально самолетов. Самолетная палуба представляла собой большой металлический квадрат, размером 15х15 метров.

Первая посадка самолета на корабль — была незабываемым зрелищем. 25 февраля 1972 года самолет совершил вертикальную посадку на палубу вертолетоносца «Севастополь». Летчик-испытатель Михаил Сергеевич Дексбах на самолете ЯК-36 М с номером 02 сел на палубу корабля.

Когда самолет выключил двигатели на палубу сразу же выскочили моряки, представители авиационной и кораблестроительной промышленности, летчики-испытатели, вертолетчики. Вылезшего из самолета летчика стали качать. А потом командир корабля подарил ему тельняшку и черную корабельную пилотку.

Это была первая посадка самолета непосредственно на корабль в истории Российского и Советского флота.

Миша Степанов, во время исторической посадки, находился в стеклянном куполе стартового командного пункта рядом с руководителем полетов фирмы Яковлева Героем Советского Союза Комаровым Василием Архиповичем и отвечал за наличие связи с самолетом. Ответственность за наличие связи была весьма простой, но пугающей.

Когда Миша перед посадкой самолета проверял ВПС (выносной пульт связи) высокий и стройный мужчина в темном костюме со знаком Героя Советского Союза поймал его за рукав и спросил:

— Лейтенант ты обеспечиваешь меня связью? Я руководитель полетов Комаров Василий Архипович.

— Да – это я лейтенант Степанов Михаил Андреевич — ответил робко Миша, не понимая, что хочет он него аж целый Герой Советского Союза.

— Вот что лейтенант, сядешь здесь рядом со мной здесь. Будешь сидеть и отвечать за наличие связи с самолетом – приказал голосом не требующем возражения Герой – если связь пропадет, я тебя просто застрелю — и он отодвинув полу пиджака и показал Мише пистолет висевший у него под мышкой в специальной кобуре.

Лицо его было непроницаемым и не выражало ничего хорошего. Миша так и не понял шутит он или нет. Внутренне Миша похолодел ведь кто его знает какие у них правила и законы.

— Разрешите проверить еще раз средства связи. Мало ли что? – попросил Миша.

— Не вздумай сбежать – напутствовал его руководитель полетов.

Миша подозвал к себе старшину 2 статьи Дьяконова, отвечавшего за средства связи на СКПВ (стартовый командный пункт вертолетов) и рассказал ему суть угрозы руководителя полетов.

— Так ведь вас застрелит товарищ лейтенант, а не меня – улыбнулся старшина.

— Знаешь, что Василий, а посажу я тебя рядом с этим Героем. Пост твой, техника твоя. Вот и отвечай. Пусть тебя стреляет, если что – взял Миша старшину за рукав.

— Да шучу я, шучу – изменился в лице старшина – вы уж офицер. Вы и сидите, а тут буду обеспечивать, чтобы все работало, как надо. Что я не понимаю ответственность. Если что подам на ВПС резервную станцию.

— Передай в КПС, чтобы контролировали работу «Привода СВ» и напутствуй всех. Что не шутки, а боевая работа и последствия могут быть самые тяжелые для тех, по чьей вине будут сбои.

Старшина молча кивнул головой и побежал выполнять приказание лейтенанта.

Миша вернулся в фонарь СКПВ со сложным чувством. Само нахождение рядом с такими выдающимися людьми, Героями Советского Союза и заслуженными летчиками делали его как бы сопричастным с их подвигами, и от этого было радостно на душе. Но угроза руководителя полетов, его смутила здорово. Кто ж его знает, что там да как у них в авиации или у испытателей?

Первая посадка самолета на корабль прошла успешно.

После первой посадки, последовал взлет, а затем начались полномасштабные испытания использования самолета с палубы корабля. Каждый раз Миша сидел рядом с Комаровым в фонаре СКПВ и к нему все быстро привыкли. Прибывая на СКПВ летчики испытатели, летные генералы здоровались с Мишей за руку. На приготовлении к полетам, он обязательно докладывал о готовности средств связи к обеспечению полетов, выдавал позывные, частоты и пароли, используемые в ходе испытаний. По окончании полетов он присутствовал обязательно на разборе.

Испытания использования самолета проходили в Феодосии и корабль стоял на внешнем рейде. С берега было хорошо видно, как на набережной и пляжах собирались отдыхающие и наблюдают за взлетами и посадками самолета. Было лето и отдыхающих было очень много. И испытания видимо вызывали определенный интерес.

Сигнальщики в бинокли и визеры во все глаза разглядывали полураздетых девушек на пляжах и набережных. Несмотря на то, что корабль находился в Феодосии уже пару месяцев схода офицерского и мичманского состава на берег не предусматривалось. Про увольнение матросов вообще никто не заикался.

— Нечего им делать на берегу. Обойдутся! – бросил командир, когда к нему обратился по этому вопросу кто-то из командиров боевых частей – и офицеры ваше не сахарные посидят месяца четыре на борту. Ничего с ними не станется. Меньше женам будут изменять. Знаю я вас.

— Холера на берегу! – объяснял офицерам замполит — Вот если вас отпустить, потом неприятностей не оберешься. Вы же все по ресторанам разбредетесь и принесете замечание на корабль. Потом разбирайся с комендатурой.

— Да нечего там офицеру в Феодосии делать. Провинциальный городишко, ничего нет кроме галереи Айвазовского и Генуэзской крепости — поддерживал замполита командир — Лучше здесь на корабле отдохнете — посмотрите новые фильмы, устроим соревнование по перетягиванию каната и все будут отдохнувши и довольны. Устроим соревнования по боксу – пусть матросы друг другу морды бьют, если так желают, чем гражданским.

Правда командование корабля периодически сходили на берег, «на совещание в штаб базы», несмотря на объявленную «холеру».

Офицеры, как могли, пытались сгладить это многомесячное сидение на корабле. Миша и его друг штурман Саша Орлов организовали хождение по рейду на шлюпке под веслами и с парусом. Правда потом, что-то командиру не понравилось и спуски шлюпок были категорически запрещены.

— Наверно приснилось, что шлюпка утонула, как у Соболева написано в морских рассказах – Иронизировал Саша Орлов.

— Лишнюю проблему нам ищите, а вдруг шлюпка перевернется, и кто-нибудь не дай Господь утонет? Нет категорически нет! Лучше занимайтесь вашими матросами и материальной частью – останавливал командир корабля, энтузиастские попытки офицеров, сгладить матросам корабельный досуг.

— Может в Феодосию на купание сводить матросов по очереди, человек по двадцать не более? На пляже все организуем» — пытался убедить командира Саша Орлов – ведь воскресенье полетов нет.

— Какая Феодосия? Какие пляжи? Какое купание? А приказ командующего флота знаете о категорическом запрещении купания. На крейсере «Адмирал Нахимов» лет пять или десять назад, вот у таких же энтузиастов, матрос утонул. С тех пор и запретили категорически, даже думать об этом –

отвергал командир с лёта предложения Саши.

— Служить на Черном море и не иметь возможности искупаться летом – это нонсенс – отводил душу Мише его друг.

После этих предложений командир корабля собрал офицеров и приказал по росписи довести до мичманов и матросов запрещение командующего флотом купаться на Черноморском флоте.

Вообще изучение приказов, наставлений и уставов было одним из самых любимых занятий на корабле, чем могли занять одновременно офицеров и мичманов, а заодно и матросов.

— Расписался и утонул – твоя ответственность, а утонул и не расписался – ответственность командира корабля – смеялся Саша Орлов.

— Организуйте викторину для матросов, КВН что ли, или соревнование по разворачиванию пожарного шланга на время, если вам так уж делать нечего. Да сколько у офицеров возможностей развлечь матросов есть – бокс, борьба, шахматы, шашки, крестики-нолики наконец, подтягивание на количество раз, одевание химкомплекта. Да только захотеть нужно. Гимн СССР с матросами, в конце концов, разучите наизусть — и время, и польза!» — перечислял офицерам возможности по организации корабельного досуга замполит – и более со своими глупостями не приставайте к нам с командиром, займитесь матросами, и вся дурь и дурные мысли пройдут сразу.

Лето, Крым, Черное море, а экипаж третий месяц сидит на корабле. Молодые люди в своей родной базе месяцами не видят берега, свежих овощей и фруктов, прекрасных южных женщин.

Вечерами «ленинградцы» (так мы называли выпускников ленинградских военно-морских учебных заведений) собирались у Миши в каюте. Почему у Миши? Да потому, что его напарник по каюте тоже командир группы связи Сева Мягков находился в командировке, и Миша пока жил один.

Молодые офицеры обсуждали различные варианты и возможности проникновения на берег. Но никто ничего толкового никто не мог предложить. И поэтому ночами иногда расписывали пулюку в преферанс.

В июле месяце у Миши был день рождения. Ему исполнилось 23 года. Это был значительный праздник.

— Иди к командиру, попросись на сход. Авось войдет в положение и отпустит позвонить родителям. Поздравить — напутствовал Мишу Саша Орлов.

— Вы, что Степанов не понимаете, что холера в Феодосии. Я не могу рисковать вами и всем экипажем, тем более, что вы завязаны на испытания самолетов. Мне никто этого не простит — категорически заявил командир.

— Но вы то с замполитом сходите, представители промышленности сходят, и даже офицеры штаба сходят и бояться никакой холеры вроде нет — пытался убедить командира Миша.

— А, что вы смотрите на нас. Мы ходим аккуратно, как правило по вызову своего командования и только в политотдел или штаб базы. А вы побежите сразу есть холерные овощи и фрукты. Пойдете в рестораны или по другим значным местам, будете иметь контакты с падшими женщинами. У вас ведь какие мысли, я знаю, сам был лейтенантом. Мы – это мы и не надо равняться. Вот дослужитесь до наших должностей и эполетов, тоже будете сходить на берег.

— Так это когда будет? Вся жизнь пройдет.

— Хватит плакаться. У вас есть уникальнейшая возможность каждый день и каждый час заниматься своим личным составом — остановил он потуги Миши добиться желаемого.

Миша пришел в каюту и рассказал друзьям о неудачном походе к командиру.

— Да ладно, чего унывать? Итак, отпразднуем день рождения на корабле — сказал Мише Саша Орлов – у тебя спирт есть?

— Есть немного.

— Сколько немного?

— Литра два осталось. Но это на протирку контактов в аппаратуре.

— Запомни мой юный друг – связист – назидательным тоном сказал Мише штурман, подняв указательный палец вверх – если техника работает нормально, лучше ее не трогать. Пусть работает. Вот если она отказала, тогда другое дело. Тогда и надо протирать.

— А если откажет? У нас сейчас полеты. Ответственность огромная – сказал Миша – если, что мне не простят – виновато улыбнулся он.

— Вот и оставь себе на это грамм двести не больше, а остальное все на стол. День рождения – это

праздник. Один раз в жизни празднуешь 23 года. Потом адмиралом в кабинете, где-нибудь в Москве с улыбкой будешь вспоминать, как мы праздновали этот твой день рождения. Я договорюсь о закуске. Мой вестовой в салоне командира достанет изыски. Доктор еще поможет.

— Сань, а кого приглашать?

— Думаю наших всех ленинградских. Механика, эртээсовцев, доктора.

Штурман разбавил спирт, выданный ему Сашей. Доктор принес медицинский спирт настоящий на витаминах. Закуски было хоть отбавляй из салона командира. Стол получился прекрасным и ломился от спиртного и закуски.

Праздновать сели после отбоя.

— За именинника – провозгласил первый тост штурман.

Стукнулись стаканы над столом.

Внезапно в дверь раздался условный стук. Так называемая «семерка».

— Ты кого-нибудь еще приглашал? – спросил шепотом штурман.

— Нет — недоуменно посмотрел на него Миша.

Открыли дверь. Оказалось, что пришли поздравлять Мишу с днем рождения руководитель полетов Комаров и летчик-испытатель Дексбах. В качестве подарка они принесли свои летные разносолы и бутылку хорошего армянского коньяка. Было сказано много хороших тостов, рассказано много замечательных историй. Застолье получилось прекрасным, а рассказы летчиков-испытателей об их службе, лишь украсили день рождения. Сидели почти до трех часов ночи, и всем было очень интересно.

3. Преступление и наказание

А утром Миша проспал утреннее построение обеспечивающей смены на полетной палубе. Обеспечивающая смена строиться в пять часов тридцать минут. Она проверяется инструктируется помощником или старпомом и потом в пять сорок пять поднимает старшин, а в шесть весь остальной личный состав. Офицеры, мичмана и старшины контролируют подъем личного состава, выход на физзарядку, умывание, завтрак и малую приборку. Так делается на всех кораблях ВМФ.

Опоздание на утреннее построение весьма нежелательно.

Вроде Миша только прилег, как его из сладкого сна вырвал грубый стук в дверь. Он проснулся, посмотрел корабельные на часы, висевший над столом и с ужасов увидел время пять часов тридцать одна минута. Это уже серьезное опоздание, и оно чревато серьезным наказанием.

Старпом проверяет точность выполнения всех команд на корабле с точностью до секунды. Вахтенные офицеры сдают вахту за не вовремя поданные команды, не вовремя отправленный баркас или катер. Заступая на вахту офицеры выставляют свои часы по часам в каюте старпома.

— Товарищ лейтенант вас срочно вызывает на построение офицеров старший помощник командира – продолжался стук в дверь и раздавался через закрытую дверь голос рассыльного матроса — товарищ лейтенант! Вставайте! Откройте дверь. Вас срочно вызывает старпом на полетную палубу.

Миша вскочил и стал лихорадочно натягивать носки и брюки. Схватив синюю куртку и пилотку он выскочил из каюты.

Увидев искомого лейтенанта матрос моментально растворился в лабиринтах коридоров третьей палубы, а Миша понесся на полетную палубу перепрыгивая на ходу через комингсы и надевая на ходу свою синюю куртку.

На палубе стояла строй построенных офицеров и мичманов. Перед строем с явно недовольным видом, посматривая в сторону выхода на полетную палубу прохаживался старпом. Периодически он смотрел на свои часы. Увидев выскочившего из-за тяжелой двери лейтенанта Степанова он тяжело задышал, нахмурил брови и лицо старпома покрылось красными пятнами.

— Сейчас крокодил (кличка старпома среди офицеров) перекусит Мишку пополам – шепнул штурман, стоявшему рядом с ним доктору.

Мишка за десять шагов остановил бег и перешел на строевой шаг. За три метра до старпома он остановился, отдал честь и громко отрапортовал:

— Товарищ капитан 3 ранга! Лейтенант Степанов по вашему приказанию прибыл. Разрешите встать в строй!

— Так, а кто это к нам соизволил прийти с опозданием на три минуты. Сам господин-товарищ лейтенант Степанов изволил проснуться. Вы что же товарищ лейтенант изволили отпить кофе, почитать

книжку и теперь почтили вас своим присутствием?

— Никак нет, как только проснулся сразу прибежал на полетную палубу. Проспал.

— Ах так вы изволили проспять? Ай, яй, яй. А мы еще оркестр не построили для вашей встречи. Разрешите встречать вас без оркестра товарищ лейтенант — начал издевался надо Мишей старпом.

На флоте была нехорошая привычка начальников издеваться над младшими по званию и чину. Считалось тогда хорошим тоном, максимально унижить подчиненного, особенно лейтенанта, в случае нарушения ими дисциплины, уставов или распорядка дня. Крылатые выражения таких начальников до сих пор ходят в качестве флотского фольклора и передаются на кораблях из поколения в поколение. И каждый из таких начальников старался внести свой неповторимый вклад, в эти сложные взаимоотношения с подчиненными. Быть подчиненных руками запрещено, еще со времен императорского флота, а вот отхлестать словами, максимально унижить перед всеми — это весьма можно и даже периодически использовалось. Перлы таких командиров и старпомов ходили среди офицеров, как образцы высокого юмора. Благо на дуэль вызвать своего начальника было невозможно. Соответственно подчиненные спускали эти оскорбления ниже и ниже на мичманов, старшин и матросов. Какие учителя — такие и ученики.

Находясь еще под некоторым воздействием винных паров и не отойдя полностью от сна Миша, не ожидая от себя внезапно ответил в тон старпому:

— Оркестр разрешаю не строить. Попить кофе еще не успел, но надеюсь, что скоро позавтракаю.

Над палубой повисла тишина и было слышно, как на ветру ударяется по железу какое-то металлическое крепление и за кормой кричат чайки.

— Сейчас Мишку растерзают. «Крокодил» ему такого не простит — еле слышно прошептал соседу штурман.

Старпом покраснел, лицо сжалось от напряжения, на щеках заходили желваки.

— Так этот лейтенант, над нами всеми еще и издевается еще. Мало того, что он грубо нарушил корабельный распорядок, так он имеет наглость еще и грубить? Доложите товарищ лейтенант громко всем нам причину вашего опоздания на построение — уже строевым тоном и с какой-то злостью в голосе сказал старпом.

— Проспал товарищ капитан 3 ранга. Больше не повториться — четко и без запинаний ответил Миша.

— Объявляю вам пять суток ареста, за опоздание на построение без уважительной причины — внезапно объявил свое решение старпом.

Миша не знал, расстраиваться или смеяться. Схода на берег в ближайшие месяц не предвидится, арест при каюте давно отменен уставами.

— И так все сидим на корабле третий месяц, как под арестом — подумал он.

И он сделал то, что не следовало делать. Он улыбнулся и громко ответил:

— Есть пять суток ареста.

Улыбка лейтенанта все же доконала старпома. Он подошел к Мише вплотную, сжал руки в кулаки и уже не контролируя себя бросил ему в лицо:

— Вам сегодня же убыть на гауптвахту в Феодосию, будете там искупать свою вину.

Руки старпома были сжаты в кулаки, и Миша даже подумал, что сейчас он его ударит. Ситуация была очень сложная и если бы старпом ударил, то Миша бы ответил. так он решил для самого себя. Но потом все же взял себя в руки.

— Есть убыть на гауптвахту сегодня же в Феодосию — пытаюсь спрятать глупую улыбку ответил ему Миша.

За завтраком, а потом и за обедом в кают-компании арест Миши оживленно обсуждался на лейтенантском конце стола.

— Миша тебе очень повезло. Старпом наградил тебя сходом на берег аж на пять суток. Не каждому такое достанется — радовался за меня Саша Орлов — Если бы я знал, что будет такой царский подарок, то тоже опоздал бы на построение и делал старпому дурацкие рожи, как ты.

— Я не делал никаких рож, просто так получилось, Саша и заметь не на берег меня отправляют, а на гауптвахту. А это очень большая разница — пытался урезонить Орлова Миша.

— Ты ничего не понимаешь. По дороге на гауптвахту и обратно можно сходить на пляж позагорать, искупаться, познакомиться с хорошенькими девчонками, а если успеешь, то и.... Сам понимаешь, что успеешь. А не хочешь, так хотя бы наестся до пуза свежих овощей и фруктов, и наконец ты можешь

посетить галерею Айвазовского, полазить по развалинам генуэзской крепости — перечислял Саша достоинства посадки на гауптвахту.

Убедившись действительно, что появился шанс вырваться с корабля, Миша передал специальные документы и свои обязанности старшине команды специальной связи мичману Белькову. Проинструктировал что делать при объявлении полетов. И только после этого отправился в строевую часть оформлять записку об арестовании и выписывать продовольственный аттестат.

Бланки для подписи и печати оказались готовыми только после обеда, и Миша скрепя сердцем пошел ее подписывать их к старпому.

На записке об арестовании требовалась еще подпись доктора, что Миша здоров и может отбывать наказание на гауптвахте.

Доктор долго рассматривал на записку об арестовании, и что-то шептал губами.

— Давай подписывай скорее, а то мне еще к старпому идти – торопил доктора Миша.

— Ты не забудешь мне «Мускат игристый» привезти две бутылки — доктор внимательно и проникновенно посмотрел в глаза Миши – а то не подпишу.

— Вы что одурели? Я вам должен целый винный магазин с берега приволоочь.

— Ладно иди, садись на гауптвахту – усмехнулся врач – и помни, что у тебя не все близкие друзья, как я и Саня?

Миша промолчал, схватил подписанную записку и понесся к старпому.

Время для подписания было самым неудачным. И Миша это понимал, как никто другой. Но дело есть дело – а значит надо решать. Дело в том, что на кораблях ВМФ после обеда объявляется «адмиральский час» — час послеобеденного отдыха, который считается священным и неприкосновенным. Этот обычай пошел еще на флоте еще со времен Петра Великого и считалось, что никто не имеет права посягнуть на этот «священный адмиральский час».

Подойдя к двери каюты старпома Миша аккуратно постучал. В каюте молчали, он постучал громче еще раз.

Подумав он надавил на ручку и дверь открылась. Из-за шторы кровати раздавалось равномерное дыхание.

— Старпом спит. Тем хуже для меня – подумал Миша и решительно переступил комингс каюты старпома.

Зайдя, он постучал еще громче в уже открытую дверь и громко сказал

– Товарищ капитан 3 ранга лейтенант Степанов. Подпишите пожалуйста мне записку об арестовании и продовольственный аттестат. Через полчаса баркас на берег, и я готов на нем убыть, и понести действительно заслуженное мной наказание.

За шторой раздалось недовольный кашель, и шторка, как-бы нехотя раздвинулась. За ней показалось недовольное лицо старпома

— Степанов – ты чего упал с печки? Какое наказание? Какие подписи? Сейчас адмиральский час и все должны спать. Иди отсюда не зли меня! — полусонным голосом скомандовал мне старпом и снова исчез за шторкой койки.

Миша помолчал немного, а потом решившись продолжил снова:

— Товарищ капитан 3 ранга! Я заслужил это наказание, и должен сесть на гауптвахту, несмотря на адмиральский час и так любимый мной сон – он посмотрел на часы и сказал, как ему казалось убедительную фразу – через двадцать минут баркас уйдет, и я не смогу выполнить свой воинский долг. Я переживаю, что не успею сесть на гауптвахте вовремя.

— Нет видимо ты так лейтенант не понимаешь. Пошел вон! Отсидишь на гауптвахте в Севастополе, когда вернемся!

— Так это будет нарушение дисциплинарного устава товарищ капитан 3 ранга – сказал Миша – я обязан отсидеть в течении месяца. А мы вернемся в Севастополь еще только через месяц.

— Степанов богом прошу уйди. Не доводи до греха – из-за шторы раздался раздраженный голос старпома — и вообще я пошутил. Ты дашь мне поспать! Я спать хочу! Ты понял, я тебе приказываю уйти! Я сказал все.

Миша не уходил, так как решил добиться своего, тем более что за ним стоял сейчас весь лейтенантский конец стола:

— Товарищ капитан 3 ранга! Вы наказали меня перед всем офицерским и мичманским составом

корабля. Все слышали ваше приказание сегодня же убыть на гауптвахту. Баркас отходит, а я не могу выполнить ваш приказ. Офицерская честь не позволяет мне, унижить вас необязательностью в исполнении этого приказанья! А что подумают о вас офицеры и мичмана, если я не убуду сегодня на гауптвахту? Что они будут думать о ваших приказаниях, если их исполнять необязательно. Я так не могу. Если вы все же дорожите своей честью. То вы просто обязаны мне подписать документы. Если вы мне откажете, то я буду вынужден по этому вопросу обратиться командиру корабля.

— Степанов! Да провались ты хоть в тартары! Убирайся на гауптвахту первым же плавсредством! Таких как ты оттуда вообще нельзя выпускать. Ты позор нашего корабля! Где твои записки и аттестаты? — прокричал старпом выскакивая со своей койки — я все тебе подпишу. Очень жаль то я не могу тебе дать более пяти суток — продолжал рычать старпом.

Он подписывал все документы и тут же ставил печати.

— Все?

— Так точно все по-уставному ответил Миша.

— Если тебе там комендант добавит еще сверху я буду только рад! А теперь пошел Вон!

Миша выскочил из каюты и услышал, как за его спиной повернулся ключ в замке.

— Теперь все — подумал он — главное не опоздать на баркас.

Сборы и проводы заняли немного времени. На левый трап Мишу пришли провожать все друзья. Он получил получку за два месяца, да и ребята надавали много денег на виноград, абрикосы, помидоры, огурцы и хорошее крымское вино.

Солнце повернуло уже в сторону заката, и Миша был не уверен, что сможет в этот день попасть на гауптвахту. Им в уме рассматривались несколько вариантов на этот случай. Во-первых, в Феодосии служил на узле связи базы Мишин однокашник по училищу Володя Белов, и Миша планировал, что в случае неудачи на гауптвахте переночевать у него. Во-вторых, можно на один день снять гостиницу и в-третьих можно переночевать на одном из кораблей Феодосийской бригады.

Вообще ночевки на военных кораблях на Черноморском флоте никогда не вызывали проблем. На любом корабле без вопросов с большим гостеприимством принимались, все офицеры, мичмана и матросы, не сумевшие попасть на корабли, стоявшие на рейде. Для таких на любом корабле всегда находилась свободная каюта или койка в каюте. А в кают компании всегда ждал стакан чая с хорошей закуской. А если везло, то можно было и нарваться на бутылку хорошего коньяка или марочного вина.

Баркас шел на берег с представителями промышленности, обеспечивающих полеты самолета и офицерами штаба бригады, которые практически каждый вечер сходили на берег.

Миша скромно проскользнул в баркас, и расположился в его носовой части вместе с представителями промышленности. Сел на баночку пониже, чтобы не светиться лишней раз на виду у офицеров штаба. Мелькать среди офицеров штаба бригады, всегда шедших на почетных местах в кормовой части баркаса, Мише не хотелось, тем более, что сейчас на берег сходил флагманский связист бригады, который мог задать Мише множество нелюбезных вопросов или вообще отменить его «командировку».

Баркас направился к берегу, а Мише с корабля махали руками и фуражками друзья. При входе в военную гавань он обратил внимание, что много кораблей имеет бортовые номера с добавлением букв ОС. ОС-152, ОС-131 и так далее. Это и была бригада «опытных кораблей» на которой изучались и отработывались новые виды вооружения и техники.

Баркас подошел к причалу и все сошедшие на берег направились в сторону проходной. Миша же направился в сторону штабного здания, оцетинившегося разнообразными антеннами.

— Не подскажите, как найти лейтенанта Белова? — обратился Миша к первому встреченному офицеру.

— А, он на узле связи. Вход оттуда. Домой собирается после дежурства — приветливо ответил Мише офицер.

Через несколько минут действительно из указанных офицером дверей вышел Мишин однокашник Володька Белов. Они не виделись уже почти целый год и поэтому обнялись

Наверно пять минут они стучали друг друга по бокам, обнимали, расспрашивали как дела и как жизнь. И только изрядно помяв и пообнимав друг друга отошли в сторону поговорить.

Володя Белов предложил направиться к нему домой, откушать что Бога послал и заодно поговорить.

Миша смутился и рассказал коротко Володе свои злоключения.

— Кто не сидел на гауптвахте – тот службу не знает – изрек наставительно Володя.

— Это точно – согласился с ним Миша.

Володя почесал лоб и предложил проводить Мишу до комендатуры:

— Нам по пути – это немного вверх пройти мимо ЖД вокзала. Заодно поговорим, а мне это по пути.

По дороге училищные друзья взахлеб рассказывали друг другу свои впечатления о службе, о службе других наших однокашниках о которых имели сведения. Договорились обязательно встретиться после решения Мишиных всех «проблем».

Миша надеялся, что время для встречи после гауптвахты немного времени найдется.

У входа в комендатуру они расстались

Володя написал на бумажке свои адрес и телефоны:

— Смотри не потеряй Мишка.

Миша заверил, что не потеряет. И они распрощались

Солнце светило ярко и Мише было весьма жарко в его кителе. Лето все же. Китель он надел, потому что на гауптвахте флотским офицерам положено сидеть в кителях. В полуботинках ноги совсем сопрели и из-за ходьбы по пыльным улицам они стали весьма пыльными.

Поэтому сорвав в придорожной канаве какие листочки Миша на всякий случай протер полуботинки, отряхнул брюки и китель и решительно открыл дверь в комендатуру.

4. Гауптвахта

Гауптва́хта (от нем. *Hauptwache*, буквально — главный караул) — первоначально — главный караул, позже в Русской армии — караульный дом, то есть место для размещения караула, теперь специальное здание с помещениями для содержания арестованных военнослужащих. Губа — разговорно-жаргонное название гауптвахты

В дверях его встретил солдатик со штык-ножом на боку, весь веснушчатый и потный от жары. По его лицу катился пот.

Увидев офицерские погоны спросил:

— Вы к кому товарищ лейтенант?

— К помощнику коменданта – ответил Миша.

— Подождите минуточку. Ваша фамилия?

— Лейтенант Степанов с вертолетоносца «Севастополь».

Солдатик с уважением посмотрел на него. Потом куда-то позвонил по телефону ТАИ с ручкой на боку и доложил о прибытии Миши, назвав его фамилию и место службы

Ему что-то говорили, за что-то ругали, и он оправдывался.

Наконец он проговорил:

– Проходите товарищ лейтенант. Сейчас помощник коменданта на инструктаже у коменданта.

Поэтому вам придется подождать или если можно, то решите свой вопрос с дежурным по комендатуре.

Миша зашел в зал комендатуры и замер. Ему никогда в жизни не приходилось бывать в комендатуре. Нет, на учет он становился, когда приезжал в отпуск. Но это было совсем другое. В Севастополе комендатура зверствовала, задерживала офицеров в ресторанах и улице. Потом по флоту проходили приказы о понижении в званиях и должностях офицеров, попавших в комендатуру. Поэтому по возможности Миша всегда старался обходить комендатуру, как можно дальше. А когда видел комендантский патруль, то старался перейти на другую сторону улицы.

Внутри в комендатуре шла своя жизнь. Кто-то куда-то бежал. Кто-то на кого-то кричал. Кто-то оправдывался. Какой-то старший лейтенант без флотских нашивок на кителе инструктировал нескольких стоявших перед ним офицеров с повязками «патруль».

Увидев окошко с надписью «дежурный по комендатуре», Миша подошел к нему.

Неприятное заведение, куда ему совсем не хотелось идти. «Но назвался груздем – полезай в кузов».

За окошком старший лейтенант во флотской форме с повязкой «дежурный по комендатуре» что-то записывал в толстый журнал.

Миша негромко кашлянул, и старший лейтенант обратил на него внимание, оторвавшись от своей книги:

— На учет становиться? В отпуск? Почему в кителе? – он сделал недовольное лицо — по какому адресу будете проживать? Ваш отпускной билет давайте пожалуйста – выпустил автоматную очередь старший лейтенант.

— Я не на учет и не в отпуск – начал мямлить Миша, внутренне стыдясь своего страха — я на гауптвахту садиться прибыл с вертолетоносца «Севастополь» направлен.

Голос Миши сразу почему-то осип.

Старлей сразу потерял интерес к Мише:

— Нет у нас офицерской гауптвахты. Максимум мичмана. Офицерская гауптвахта есть только в Севастополе. Поговорите если хотите с помощником коменданта. Он сейчас подойдет

Миша в сторону и стал ждать.

Наконец откуда-то появился старлей во флотском кителе без нашивок и с красными просветами на погонах. Он подошел к дежурному и тот что-то стал ему объяснять, показывая на Мишу.

– Здесь офицер с «Севастополя» прибыл на гауптвахту. Разберитесь с ним. Я ему сказал, что офицерских камер у нас нет, а он не уходит.

Старший лейтенант повернулся к Мише, критически оглядел его и сделав недовольное лицо пригласил к себе в кабинет.

Он вошел, уселся в кресло, а Миша встал перед ним.

— Чего это вас с «Севастополя» к нам на гауптвахту направили? У вас сам корабль — это постоянная гауптвахта. Вон у нас уже третий месяц функционирует. Мы планировали к вам на борт своих разгильдяев в качестве воспитания направлять. И так, сидите без сходов. Наши феодосийские женщины уже заждались «севастопольцев» на берегу, а их все нет и нет — с какой-то иронией сказал он Мише и потом сделав серьезно лицо сказал – нет у нас офицерских камер, только для мичманов и прапорщиков и те сейчас все заняты. Куда мне вас сажать. Документы есть?

Миша протянул ему удостоверение личности, записку об арестованные и продовольственный аттестат.

Ему идти назад на корабль с офицерами штаба бригады не улыбалось ни при каких обстоятельствах. Да и как показываться на глаза старпому и лейтенантам, не выполнив их просьб и пожеланий. Он же старпому напирал на офицерскую честь.

— Нет он должен сесть во что бы то не стало – думал Миша и потом сказал старлею — а я согласен на камеру вместе с мичманами и прапорщиками. Посадите с ними – мне надо отсидеть. Я заслужил. Мне надо – это дело чести.

— Чести? Там только по одной койке — проворчал старлей, глянув на Мишу – ну, ну. Вона как тебя достало?

— Если дадите матрас, то готов и на полу искупать свою вину – проговорил Миша, увидев в глазах старлея сочувственные огоньки.

Тот заулыбался:

— То есть готов в камеру к мичманам и прапорщикам, только бы не на корабль! А если я тебе скажу, что у нас только камеры для рядовых и подследственных остались? Ты и туда попросишься — сказал он, посмотрев на Мишу внимательно.

— Попрошусь. Для меня это вопрос чести. Отсидеть на гауптвахте.

— Что же ты натворил такое, что вдруг вопрос чести? – спросил старлей.

— Опоздал на утреннее построение офицеров на три минуты – Миша поднял голову и с вызовом посмотрел на старлея.

— На три минуты? – усмехнулся старлей – и на пять суток на гауптвахту? Хорошие у вас порядки.

— А почему вас на берег не спускают? Весь город шумит, что у вас карантин.

— Не у нас, а у вас – поправил Миша – у вас же холера.

— Какая холера? – не понял старлей.

— Ну нам объявили, что схода нет, потому что у вас в Феодосии эпидемия холеры.

Старлей захлопал глазами:

— Какая холера? Третий месяц? Не понял, если бы была холера, мы бы здесь первые знали. Да слышали, то ли в Абхазии, то ли в Грузии были заболевания, но в прошлом году и все – он улыбнулся — а может и не были, но указаний по линии минздрава или административных органов никаких нет.

— И все? Так нас обманывают? А зачем?

— Это ты своих спроси зачем. Мне сложно понять – старлей поморщился – наверно называется предохранением, вроде как презерватив в половой жизни. Как бы чего не случилось. Так действуют многие начальники. Кто-то утонул — запретить купаться всем, кто-то напился – запретить сходы и увольнения всем. Так начальникам проще жить. Все на корабле – значит ничего не случится.

Миша задумался, усмехнулся и потом выдал:

— Так как вы со мной решите?

— Да уж и не знаю, что с тобой делать – старлей почесал ухо — желание отсидеть за нарушение похвально. Но мне-то, что надо делать с тобой? Это вопрос. Пока не представляю! Отправлять тебя назад в такой обстановке на корабль не хочется. Давай подумаем немного, может что-то и придумаем. Значит пять суток дали за опоздание на утреннее построение.

— Да вчера у меня было день рождения, и мы посидели с друзьями до трех ночи. А в начале пятого я не проснулся и вышел на построение с опозданием на три минуты. Мы бы в ресторан сходили, так схода же нет.

— На три минуты? – усмехнулся старлей — а кто-нибудь тебя поздравил из командования с днем рождения. Ну тот, кто арестовал.

— Нет — нахмурился Миша – он не знает.

— Что у нас холера знает, а что у подчиненного день рождения не знает. Ну ладно это я так – сказал старлей, увидев, что Миша хочет протестовать.

Он что-то думал и рисовал какие-то фигурки на листочке, тихо шевеля губами.

Миша стоял и ждал своей участи. То, что старлей думал — это было уже хорошо. Хотел бы отказать сразу бы отправил назад на корабль.

— Вы какое училище закончил? Откуда родом? — спросил он Мишу, видимо обдумывая какое-то решение.

— Закончил ВВМУРЭ имени Попова в Петродворце. Сам из Калининграда.

— Ты смотри, а я закончил ВОКУ имени Кирова, тоже в Петродворце. Вот совпадение. Это мы с вами все время отношения из-за девушек выясняли? — заулыбался он.

— Я в драках не участвовал — сказал Миша — я у вас на манеже по гимнастике выступал несколько раз и есть знакомые ребята из вашей системы

— Я тоже выступал по гимнастике. Я по кандидатам, а ты?

— По первому разряду. А по кандидатам у нас выступал у нас Гоша Середняков.

— Как же я Гошу хорошо знаю. Он вроде на Север вроде уехал служить?

— Ну да на Севере служит.

— Мишку Белобородова ты знаешь? Петьку Супруна?

— Они старше меня были. А так конечно знал. А я знал из ваших Борю Елагина и Гранта Аветисова.

— О это хорошие гимнасты, как Грантик делал Азяряновский крест помнишь?

— Ну да конечно. Все собирались на него посмотреть, когда он на кольцах выступал.

— Грантика у нас забрали в военфиз Лесгафта.

— Правильно, он же у вас по мастерам выступал – согласился Миша – таких надо готовить на международные соревнования.

— Ты смотри. Оказывается, вместе с тобой и гимнастикой занимались – потянулся старлей — и даже выступали наверняка рядом.

Миша улыбнулся.

Старлей обрадовался, словно встретил старого знакомого.

— Значит, так. Принимаем такое решение – изменился в лице старлей – подожди меня пока в коридоре, а я постараюсь пока решить вопрос по тебе с комендантом.

5. Изменение ситуации (когда наказание становится поощрением)

Миша вышел в коридор. Через пять минут подошел старлей, открыл ключом свой кабинет и пригласил Мишу:

— Заходи – он повесил аккуратно фуражку на вешалку и сел за свой стол – занялся я тут решаючи все вопросы – он посмотрел на Мишу и улыбнулся.

— Решение принимаем такое. Комендант утвердил, но ты должен будешь молчать, как рыба о том, что мы сделаем. Молчать умеешь?

— Я же офицер – возмутился Миша.

— Вот и хорошо. Записку об арестовании и продовольственный аттестат, я забираю. Их надо отметить, ведь на вашем корабле тебя спросят?

— Конечно спросят. Старпом даже сказал, что не расстроится, если мне комендант здесь добавит.

— Так и сказал? – изумился старлей – другие наоборот поскорее хотят забрать своих офицеров. Видимо ты его сильно допек. Колись, что сделал?

— Ничего – пожал плечами Миша – все как я сказал.

— Тогда ладно. Если будешь вести себя хорошо, то и добавим тебе. Вот тебе ключ от моей квартиры – он положил на стол ключи. Мой адрес улица Дорожная дом три. Будешь отбывать наказание у меня дома. Комендант не против. Я тут снимаю комнату в доме, а диванчик запасной есть, пока жена не приехала с сынишкой. Ты кстати женат?

— Нет еще. Пока не думал. Курсантом не женился. А с корабля спускают только в отпуск.

— Это хорошо — усмехнулся старлей – мы тебя тут женим на федосеечке. Знаешь какие у нас дивчины гарные.

— Да вроде я пока не собираюсь – сопротивлялся Миша.

— Это даже хорошо, что не собирался. Беру все на себя. Пора и собираться значит – махнул он рукой — мы у меня вполне поместимся в комнате. Нашу хозяйку зовут Антонина Марковна – добрая женщина. Представишься, скажешь, что пять суток будете жить со мной. Она покажет тебе мою комнату, кухню. Душ в садике. За проживание платить ей не надо. Я заплатил за комнату за месяц. Приду домой после двенадцати часов. Придумай что-нибудь на ужин. Деньги есть?

— Есть. Мы тут на берег не сходим – усмехнулся Миша не веря до конца тому что сказал старлей.

— Ну и хорошо магазинчики есть на Крымской улице и Симферопольском шоссе. Купи чего-нибудь на твой вкус. Но сначала сходи на городской пляж и искупайся. Кроме формы есть что надеть?

— Нет я не думал.

— Надо подумать. На Крымской есть магазинчик там можно спортивные костюмы купить и кеды. По пути зайди. Если тебе не накладно.

— Не накладно.

— Тогда давай топай. У меня здесь работа. Приду домой — поговорим. А пока иди – старлей положил Мишины документы в стол и начал вставать.

— Как найти эту Дорожную? – виновато спросил Миша – я Феодосию не знаю.

— Очень просто. Садись здесь напротив на 6 автобус и выйдешь на остановке улица Анюноса. Там и магазины заодно. И рукой подать до Дорожной. Метров четыреста. Спросишь у народа, как пройти. Знаешь же, что язык до Киева доведет. У нас здесь люди добрые живут разъяснят все.

Старлей проводил Мишу до дверей комендатуры.

— Извини, а как тебя зовут. Как обращаться – виновато посмотрел Миша на старлея.

Тот хлопнул себя по голове:

— Идиот, я считаю, что все меня знают. А ты же не местный. Антохой нарекли меня родители. А фамилия самая русская, Егоров — и он протянул Мишу руку.

— Очень приятно познакомиться — сказал Миша и пожал Антону руку.

— Иди туда – Антон показал Мише направление. Там остановка автобуса с той стороны улицы – а я пошел трудиться, — он тяжело с улыбкой вздохнул, — разгильдяев надо воспитывать и службу трудную тянуть, чтобы она им раем не казалось.

Миша повернулся и пошел по улице в сторону остановки. На душе его было очень весело.

— Надо же какие бывают люди хорошие.

Он шел и думал над своей судьбой и службой.

Вечерело. Солнце заканчивало свой путь и всё отдыхающее в Феодосии сообщество в хороших одеждах стремилось к морю, на набережную. Одетые в легкие прозрачные платица красивые девушки проходили мимо, смеясь смотрели на Мишу, шедшего почему-то в другую сторону.

— Наверно к жене спешит? — услышал Миша издали высказывание наверно о себе.

— Ничего парень, только какой-то замученный. Как-будто его в концлагере держали?

— Точно похуже концлагеря будет – подумал Миша, глядя на эту веселость и красоту южного города – очень похоже. Шаг влево – расстрел, шаг вправо – расстрел. Нужен порядок в военной службе – нужен! – ответил он сам себе – но не палочный, а разумный.

Смеясь девушки исчезали. Где-то позади, внизу у моря гремела музыка, отдыхали люди. Южное вечернее тепло обволакивало тело, и радость грела душу, что вроде все проблемы решены. Миша радовался, что на берегу, что вырвался с корабля.

— На корабле сейчас уже готовятся к ужину – думал Миша – строгий корабельный распорядок не оставляет места для раздумий и личного. Все на корабле подчинено интересам службы. А кто на кораблях думает о людях? Никто. Есть у тебя амбиции, их надо сломать, растоптать.

Миша вспомнил высказывание старпома

– Не можешь научим, не хочешь заставим. Мордой по палубе будем возить, но научим уважать и любить нашу кораблятскую службу.

С одной стороны, хотелось петь песни, что вырвался с корабля, а с другой мучило, что-то такое что всей этой красоты и жизни корабельные офицеры, мичмана матросы лишены. И не просто лишены, а лишены на многие годы. А матросы? Три года в железе? Многие Мишины подчиненные старшины и матросы за три года службы ни разу не увольнялись с корабля. Есть офицеры и мичманы, которые не видят берег месяцами. И это считается нормальной службой?

Подошел автобус и Миша сел на него. Мимо пролетали домишки, учреждения, магазины. Было приятно смотреть на эту неизвестную жизнь, от которой Миша совсем успел отвыкнуть. Как-будто он прибыл из чужого государства. За окном люди спешат по своим делам, закончилась работа и всем спешат домой и на отдых.

Пожилая кондукторша громко объявляла остановки. Автобус качало на поворотах. И Миша опять углубился в свои мысли:

— Целых пять дней без корабля. Целых пять дней на свободе, как в отпуске. Море, солнце, девушки и никакой службы. Об этом можно только мечтать. Если бы его увидел сейчас Саша Орлов или доктор, – внезапно подумал он и настроение его поднялось – они ведь думают, что он сидит сейчас в камере и ждет на ужин макароны по-флотски, глядя на четыре стены и замки на дверях. А если бы узнал старпом?

— Остановка улица Анюноса – прокричала громко кондукторша – кто спрашивал?

Миша выскочил из автобуса. Вот и продмаг, а там дальше спортивный магазин.

Миша зашел в спортивный магазин, присмотрел и купил себе хороший синий костюм, пару маечек, легкие кеды, а заодно плавки и ласты с маской и трубкой.

Любил Миша море и купание:

— Море. Наверняка можно будет искупаться, наплаваться вдоволь.

Миша представил, как теплое море обхватывает его тело и ему стало от этого веселей.

Потом он зашел в продовольственный магазин и купил огурчиков, помидорчиков, килограмм винограда, персиков, бутылку массандровского вина.

Он шел нагруженный в сторону улицы Дорожной и искал дом, указанный Мишей.

— Этот Антоха вроде парень хороший, хотя и помощник коменданта. Нет, чтобы так повезло просто нереально. А где-то там, на внешнем рейде стоит «Севастополь». На ней сидят ребята уже третий месяц без сходов на берег и даже без их перспектив в ближайший месяц. До чего порочна эта государственная служба, которая не подразумевает нормального отдыха, а построена, как правило, на унижении человека, служащего этому государству. Хотя наверно мы все же служим не государству, а народу. Ну почему не спустить на берег офицеров, мичманов, старшин, матросов? Не дать им нормально отдохнуть. А женатики. У них есть жены и дети в Севастополе и долг перед ними. А холостяков за что так маринуют на корабле? Ка здесь жениться, если на берег даже не пускают. Держат без сходов, и думают, что мы будем лучше служить. И это на юге, куда стремиться на отдых весь Советский Союз. А сколько здесь девушек?

От таких мыслей настроение Миши испортилось.

Внезапно Миша увидел за невысоким забором аккуратный одноэтажный домик во дворе, накрытый синей крышей, с номером 6 на калитке.

— Кстати, а вот и дом, где живет Антон. Дошел – подумал он.

Рядом с калиткой был небольшой электрический звонок, прикрытый сверху небольшим металлическим навесом.

Миша позвонил. Через минуты три ему открыла калитку невысокая плотная женщина с уже начинающими седеть волосами в цветастом платье.

— Вечир добрый. А вам кого? – спросила женщина с легким украинским акцентом.

— Меня зовут Миша. Миша Степанов. Я знакомый Антона и он сказал, что у вас можно будет пожить в его комнате несколько дней.

Она заулыбалась:

— Добре проходите Миша. Друзьям Антона я дуже рада. Мене зовуть Антонина Марковна.

Она посторонилась пропуская Мишу вперед. Чтобы пройти в дом надо было пройти через небольшой садик. На крыльце сидел и щурился от солнца большой красивый кот с ярко синими глазами.

— То кит Светик. Я его дуже люблю. Він мишей ловит и мои хворобы ликуе.

Они прошли в дом. В доме приятно пахло вкусной едой и в животе Антона что-то заурчало.

Антонина Марковна показала комнату Антона,

— Тут спит Антон, а туточки будете спати вы.

Миша сел на стул, стоявший перед небольшим круглым столом.

Антонина Марковна принесла из другой комнаты пахнувшее свежестью чистое постельное белье и положила его на диван.

— То вам наисвежайшее.

Потом села на стул напротив Миши и стала расспрашивать:

— Звидки ти такий приїхал?

— Так я с «Севастополя» я не приехал. Мы стоим у вас на рейде.

— Так и живи, скільки надо. А що це за гарны самолэты летают з вашого «Севастопіля»? У нас уси бабы тилько об этом и мовят. Гудють, гудьть цельный день. Мовят шо самолэт – це авіаносец и лэтают на нем наши фэодосійцы але тэж крымчане – спросила она.

— Черт, черт, черт! Только не это — нас предупреждали, что бы ни с кем никаких разговоров об испытаниях самолета не вести — все это военная тайна. Не хватает потом проблем с особистами. А женщины все здесь знают не хуже, пожалуй, нас, а возможно, что и больше. Говорят, что женский телеграф — страшная штука и от него нет никаких тайн. Да и что за тайна, если с утра до вечера каждый день проходят полеты у всей Феодосии на виду.

— Да так это только просто испытания. Проверяют. Я особо ничего не знаю. Я не занимаюсь этими испытаниями — уклончиво ответил Миша.

— Розумею шо це велика военна тайна. У мэнэ кум мичманом був на флоте. Кухня у нас там на вулочке у садочку, — она увидела Мишины пакеты с едой — колы хотите, могу приготовить для вас. Помочь как бы — предложила она.

— Так я купил Антону, Он со службы придет уставший и его надо накормить.

— А навищо ви купили помидори, огирки. У мене все свое, домашне. Давайте усе сюды. Я приготую гарну вечерю и вам и Антону. Вы е дуже хотите?

Миша только кивнул головой и вежливо попросил:

— Ну если только чая, а ужинать у буду с Антоном вместе.

— Так ходимо на кухню, я вам зроблю чай с пирожками. Сама спекла – она заулыбалась.

— Через час накормленный до пуза Миша, уже все знал об Антонине Марковне.

Она родилась на Украине недалеко от Полтавы. Во время войны, когда наступали Советские войска она познакомилась с симпатичным солдатиком из Крыма по имени Павел. Между ними возникла любовь. После войны она перебралась в Крым на его родину в Феодосию. Разрушено здесь все было. Восстанавливали. В свободное время строили. Война изрядно перепыхала весь Крым. Особенно досталось Севастополю, Феодосии и Керчи. Павел ходил в море, ловил барабулю, бычков и прочую морскую рыбу, а Антонина Марковна закончила курсы бухгалтеров и работала на небольшом автобусном предприятии. Так и жили. Бог детишек не дал, поэтому жили вдвоем. Жили очень дружно. А десять лет

назад Павел не вернулся с моря. Шторм, смерч или еще что? Кто ж его знает. Погоревала Антонина Марковна и мирно доживала в домике на улице Дорожной, где жила ранее мать Павла. Рядом теперь живут подруги. называют бабьем царством. Мужья уже умерли, а женщины остались в одиночестве доживать свой век.

— А как, к морю пройти? — спросил Миша — я хотел бы съездить и искупаться.

Антонина Марковна заулыбалась:

— Конечно съезди. Так у нас ходит шестой автобус до набережной. А там рядом городской пляж, где можно искупаться.

— А если я съезжу сейчас искупаться.

— Так иди звичайно – вытерла руки о фартук Антонина Марковна — Антон ще не скоро придет. А вечерю приготую вам. Мени з вами веселийше. Все не одна.

— А сколько я буду вам должен за пять дней?

— Так не скильки. Антон за все заплатив за месяц. Я йому кимнату здала. Вин мени, як ридный син став.

— Хорошо. Позже разберемся Антонина Марковна, когда Антон придет.

— Та не надо

6. Море!

Антон быстро надел новый спортивный костюм, взял ласты и маску и побежал к остановке автобуса.

— На Мишка визьми рушник. Вытеретися – уже калитке сунула ему Антонина Марковна пакет с большим полотенцем.

Через полчаса он уже окунулся в море. Где-то там на рейде стоял его «Севастополь». На далекой палубе были видны белые и темные фигурки матросов и офицеров, строившихся на полетной палубе.

Мише не хотелось выходить из воды. Солнце уже скрывалось за горизонтом и мало то купался. А он все не мог накупаться и наныряться.

Наконец, вылез на берег, когда на «Севастополе» горном заиграли «Зарю». Он стал вытираться большим полотенцем Антонины Марковны.

— Встать к борту. На флаг и гюйс смирно! – до берега доносились команды с «Севастополя».

Миша машинально принял стойку «смирно». В крови у него было это. Честь флага!!!

Горн затынул свою грустную мелодию.

Миша, вышедший на берег тоже инстинктивно принял команду смирно. Где-то рядом раздался смех.

— Девчата, смотрите, как у них все строго – тихо за спиной Миши, сказала одна девушка.

— Не строго, а все очень красиво – ответила ей другая.

— Флаг и гюйс спустить! – донеслась команда с корабля.

Горн быстро заиграл другую мелодию и на фоне зашедшего уже солнца, флаг и гюйс на корабле быстро поползли вниз.

Горн пикнул два раза и до Миши донеслась команда — «Вольно».

Миша хорошо знал эту церемонию. Каждый день приходилось слышать, а когда стоял на вахте, то и командовать самому.

И опять на память пришли неприятные воспоминания о старпоме.

— Сдать вахту товарищ лейтенант и заступить снова через полчаса. Вы опоздали с командой на спуск флага на пять секунд и исказили командные слова.

— Так я все команды давал по часам в рубке дежурного. А они проверялись штурманами.

— Самые точные на корабле часы в каюте старпома. Вот и сверяйте время по ним.

Миша обернулся назад посмотреть на девушек, комментировавших спуск флага. Но увидел только

две стройные фигурки в цветастых юбках и одинаковых красных кофточках, поднимающиеся по лестнице на набережную.

— Надо будет познакомиться – решил он – если конечно они еще придут сюда.

И подумав о девушке горестно улыбнулся.

К вечеру стол был накрыт в ожидании Антона. Салаты, свежая картошечка, посыпанная своим укропчиком, со свежими поджаренными по особому рецепту Антониной Марковной куриными ножками. Посреди стола стояла открытая бутылка массандровского вина.

Когда Антон вернулся, то он был очень удивлен.

— Так неплохо, однако после рабочего дня так приходиться домой. Так бы каждый день. Антонина Марковна садитесь с нами.

Она села, Антон разлил в красивые хрустальные фужеры вино.

— За знакомство!

Все чокнулись и выпили.

— Теперь по тебе Миша. С комендантом я все вопросы по тебе решил. Так, что отдыхай по полной пять суток. Утром пляж, днем изучение города и окрестностей, ну а вечером мы отдыхаем вместе — обрисовал он Мише проведение им ареста.

— Так это же санаторий — подумал Миша.

Он не мог даже поверить в свое везение. Пять дней в раю. О таком даже присниться не может. Потом даже на корабль возвращаться не захочется.

Ночью Миша лежал на диванчике и из его глаз непроизвольно капали слезы.

Он любил морскую службу. Он тянулся к ней и детства мечтал стать моряком. Но он ненавидел солдафонство, издевательства и унижение младших по званию и должности.

На память пришел случай, произошедший с доктором, прибывшим служить на корабль с военно-медицинской академии.

На корабль летом пришел, закончивший медицинскую академию лейтенант медицинской службы Игорь Муратов. Подтянутый, стройный, невысокого роста, со значком мастера спорта по спортивной гимнастике на новом кителе.

Пришел он в кают-компанию вместе со старпомом.

Надо добавить, что офицеры на «Севастополе» в кают-компанию обязаны были прибывать за пять минут до начала приема пищи. По корабельной команде «команде руки мыть», когда весь экипаж выстраивается у умывальников для помывки рук перед обедом, офицеры, так и не помыв руки (вода подается в умывальники только по этой команде) собираются в салоне кают-компании. Называлось это получением «палки чая». Старпом по корабельному уставу являющийся руководителем офицерской кают-компании, каждый перед приемом пищи желает всем офицерам «приятного аппетита».

Это «Приятного аппетита», как правило состоит из унижений, оскорблений и даже мата, как считал старпом обучение нерадивых офицеров. То есть, как считал он, если не испорчено всем офицерам настроение и аппетит, то обед не удался.

Бывали случаи, что офицеры получив такое пожелание перед приемом пищи просто отказывались от нее и уходили переживать в каюту.

В тот раз старпом придя с новым офицером представил его собравшимся офицерам:

— К нам на корабль прибыл новый авиационный врач, лейтенант выпускник медицинской академии, мастер спорта по гимнастике. Он будет вам по желанию, а некоторым и по моей персональной просьбе ставить клизмы.

Врач покраснел, но ничего не сказал, а лишь задумался, вроде хотел сначала ответить, но вроде как-то замкнулся, ожидая дальнейшей развязки представления.

Старпом же, выполнив свой долг по представлению, накинулся на командира трюмной группы и в матерном изложении объяснил ему, кто он такой и, что с ним надо сделать и со всеми его ближайшими родственниками за его упущения по службе.

Еще обругав после этого нескольких офицеров причем в матерной форме, старпом спросил если у кого-нибудь объявления касающиеся всех офицеров?

Внезапно для старпома, руку поднял только, что представленный молодой врач:

— Товарищ капитан 3 ранга. Прошу разрешения.

Старпом так ничего не поняв, лишь кивнул головой:

— Давайте быстрее.

И врач продолжил, четко выговаривая каждое слово:

— Товарищ капитан 3 ранга! Прошу в моем присутствии больше никогда не выражаться матом, тем более в офицерской кают-компании, коя для этого не предназначена. Впредь я вам не разрешаю в своем присутствии оскорблять и унижать офицеров и позорить вам высокое звание офицер Советского военноморского флота. Если есть за что наказать офицера – вызовите к себе в каюту и накажите офицера в соответствии с действующим дисциплинарным уставом.

Все затихли сразу, как будто только, что по кают-компании прошел ураган. Даже что-то шептавшие друг другу механики немедленно замолкли. Все поняли, что случилось что-то такое, что выходит за рамки простой предобеденной палки чая. Все ждали, что старпом растерзает, разорвет, порвет на молекулы «зарвавшегося лейтенанта» и переживали за него неразумного, посмевшего посягнуть на самое «святое», что есть на корабле.

Но у старпома больше не было слов. Он стоял в столбняке, раскрыв от изумления рот, Челюсть отвалилась вниз, и он глубоко дышал, лицо покраснело. Он видимо соображал, что ему сделать с этим зарвавшимся лейтенантом.

— Старпом приглашайте всех к столу – нарушил молчание замполит – Врач прав. Надо повышать культуру общения офицеров в кают-компании. Я вообще хочу запретить здесь матерные выражения.

Старпом переводил взгляд с замполита на врача и у него не было слов.

Немного придя в себя, он еле проговорил:

— Приглашаю к столу.

Офицеры подождав пока из салона в помещение кают компании прошли старпом, замполит и командир БЧ-2.

— Старпом шел с покрасневшим лицом рядом с командиром БЧ-2 (ракетно-артиллерийской боевой части) и еле прошептал, чтобы никто не слышал:

— Николаич что это было?

Командир БЧ-2 усмехнулся:

— Клизму тебе поставил первому наш врач, как ты и заказывал.

— Да я его.

— Не надо не советую – прошептал ему на ухо командир БЧ-2 – тебе же дороже обойдется.

Старпом видимо никак не мог понять, как лейтенант, который как любил говорить сам старпом «вылупившийся вчера из сперматозоида» посмел сделать замечание «Ему» — грозе всего крейсера, старшему в кают компании офицеров, единовластному владыке всего и вся на крейсере, второму человеку на корабле сделать замечание. Да еще в тот момент, когда он выполнял свой непосредственный долг – учил жизни офицеров, как он считал необходимым. В его мозгах не сходились крестики с ноликами. Ведь это только он имеет право ставить всех лейтенантов на корабле в колена-локтевое положение, а не его. А здесь Как говорил Михаил Задорнов: «Программа дала сбой»

Надо сказать, чтобы с тех пор старпом немного изменил свое поведение. Прежде, чем кого-либо из офицеров обругать, унизить или оскорбить, он осматривал всех офицеров, присутствовавших на совещании или построении, а нет ли среди них врача, спрашивал с некоторым испугом: «Врач здесь?» И если врача не было, то спускал на виновного всех собак, в самом гнусном виде, но если присутствовал рядом был врач, то переносил экзекуцию виновного к себе в каюту, где можно было наслаждаться издевательствами по полной форме, не получая никакого отпора.

Потом мысли о старпome ушли куда-то далеко. И голову Миши заполнили планы об этом, неожиданно свалившимся на его голову отпуске. Миша начал засыпать, когда к нем на ноги запрыгнул кот Светик с нереально синими глазами и что-то по-своему по-кошачьему промурлыкал.

Ногам сразу стало тепло, и Миша моментально уснул.

7. Феодосия

Феодосия (укр. Феодосія, крымско-тат. Кефе, Kefe) — город в Крыму, на юго-восточном побережье Чёрного моря. Образует городской округ Феодосия (Феодосийский горсовет). Город воинской славы (с 2015 г.)

Утром Миша лежал на пляже и наблюдал с берега, как с его вертолетоносца «Севастополя» взлетает и садиться самолет. Идут испытания.

Солнце было теплым, греющим и он даже немного приспнул. Легкий накат волны слегка убаюкивал. А далекий гул самолетов ему не мешал.

Потом он проснулся прошел на набережную и в маленьком кафе устроил легкий легкий перекусон. Чай с булочкой.

Прошелся по набережной, зашел в магазины и немного подумав, купил «Жигулевского» пива. После этого он снова пошел посидеть на пляже, полюбоваться на море и на девушек.

А девушек было на пляже столько, что глаза быстро устали разглядывать. И блондинки, и брюнетки и рыженькие. С длинными ногами, распущенными волосами. Большинство были в купальниках. Купались, смеялись, бегали, играли в волейбол, купали своих детей, целовались с парнями.

— Как мне повезло думал Миша и очень жалел, что с ним нет его друзей, которые сидят на корабле.

Пиво закончилось, он выкинул бутылку в урну, а уходить не хотелось. Сидел и думал, что всего этого лишен уже третий месяц не только он, но и весь экипаж огромного корабля.

— Эй коршун, чего нос на губу повесил? — внезапно раздался сзади женский голос.

Миша повернулся и увидел вчерашних девчонок. Они были в легких цветных мокрых купальниках, по лицу и телу стекала вода.

Увидев его смущение, девушки заразительно рассмеялись.

И Миша, представив себя со стороны, тоже улыбнулся.

— Маску не дадите понырять – спросила более светленькая, стройная и высокая.

Вторая ниже, потемнее и поплотнее заметила:

— Не даст! Он жадина по лицу видно.

— Жадина, говядина, пустая шоколадина – пропела первая.

— Как же не дам? – смутился Миша – конечно берите, если хотите. А вы умеете плавать с маской и ластами.

— А ласты на нас подойдут? – спросила улыбаясь первая.

— Давайте примерим – предложил Миша – видите здесь сзади есть резинка, ее можно подтянуть на любой размер ноги.

— И на мой тоже подойдет? – спросила девушка, глядя Мише в глаза, и подошла почти вплотную.

Миша смутился. Он вообще смущался. Когда приходилось разговаривать с девушками. В училище он не смог перейти эту черту, всегда смущался и поэтому всячески сторонился общения с девушками. Видимо поэтому из 25 человек, учившихся с ним только он один из всех, выпустился из училища холостым.

А светлая девушка протянула ему ногу:

— Примеряйте.

Миша сразу покраснел. Лицо стало нестерпимо гореть, как при температуре. Он никогда еще в жизни не дотрагивался до женских ног своими руками. Он не представлял, как это делается, как это можно просто взять девушку за ноги. Девушки всегда казались ему неземными созданиями. Его прошел пот и зубы сами стали выбивать дробь. Он растерялся.

Девушка повелительно смотрела на него:

— Что вы ждете? Примеряйте ваши ласты.

И Миша взял ласту и начал натягивать на ногу девушки. Резина мешала и ластва не лезла. Он старался надеть не дотрагиваясь до ноги, но у него это не получалось.

— Ну что же вы? – повелительно сказал девушка — помогите себе второй рукой.

Миша выдохнул воздух и взяв тоненькую, маленькую ножку девушки надел на нее ласту. Потом придерживая ногу за лодыжку и стал обтягивать крепящую резинку. Щиколотка маленькой ножки была у него в руке, но его так заклинило, что он никак не мог ее отпустить.

Девушка почувствовала неловкость, но ножку не вырывала.

— Ну как? — спросила она смеясь у подружки – похожа я на Ихтиандра?

— Больше похожа на Гутиерас, а наш молодой человек напоминает мне Ихтиандра. Я тоже могу примерить? – спросила она Мишу.

— Да конечно – ответил он еще больше смущаясь.

Когда он снял ласту с ноги светловолосой, и встал, то она протянула ему руку:

— Меня зовут Наталья, а вас как?

— Меня Андрей – почему-то сказал он, но потом сразу поправился – вернее Миша, Михаил.

Обе девушки звонко рассмеялись.

— Так Андрей ты или Миша? – спросила темненькая – или с утра Андрей, а к вечеру Миша?

И опять обе звонко засмеялись. Мише от этого стало еще хуже, и он густо покраснел. Что-то надо было говорить.

— Меня зовут Миша. Это правильное имя.

— А почему же вы тогда сказали Андрей.

— Леночка не смущай нашего молодого человека. Видишь, как он покраснел. Миша — значит Миша. Пусть будет так. Мы с Леночкой студентки из Ленинграда. А вы?

Миша хотел сказать, что он офицер, что учился в Ленинграде. Но потом подумал и решил об этом не говорить.

— А я закончил институт и работаю здесь в Севастополе. А в Феодосии я на отдыхе.

Он не любил врать. Но сказать правду он тоже не мог. Потому, что теперь эта правда была, не только его тайной. Антон уже взял ответственность за него, и он не имел права его подвести.

— А какой институт вы закончили? – спросила Наташа – и кто вы по профессии?

— Инженер по радиосвязи – назвал Миша специальность, указанную в его дипломе.

— Где вы учились? В каком городе?

— В Ленинграде, на переулке Гривцова, рядом с площадью Мира.

— Ааа, так вы закончили ЛИТМО – проявила осведомленность Леночка – а жили или дома или в общежитии на Новоизмайловском?

— Вы что тоже из Питера? – обрадовался Миша.

— Да мы в универе учимся, на филфаке на третьем курсе – с гордостью сказала Наташа.

— А жил я на Новоизмайловском действительно. Вы угадали — и он улыбнулся.

Миша знал хорошо ЛИТМО, так как там учился его товарищ по Калининграду и ему приходилось иногда у него бывать и в общежитии, и на Гривцова. Он даже помнил, как товарищ попросил сдать за него математику. И это прошло.

В последующие полчаса они примеряли ласты, маску, учились дышать через трубку.

Наконец пришло время идти в воду. Миша быстро разделся и полез в воду вместе с Наташей. Он учил ее заходить в ластах в воду, поддерживал ее за руку, когда она заходила.

Потом, когда она поплыла, он плыл рядом, страхуя ее.

— Руками можно не грести – учил он ее – просто вытяните их вперед и толкайтесь ногами как в фильме про Ихтиандра. Снимайте ласты я вам покажу как это делать правильно – сказал он, когда они подплыли к берегу.

Он стал снимать с нее ласты, а она сохраняя равновесие ухватила его за шею и на какой-то момент прижалась к нему всем телом.

Миша даже почувствовал, как бьется ее сердце. Его же сердце, было вообще готово вырваться из груди.

Но она почувствовала эту неловкость и быстро отстранилась от него.

— Извините Миша. Вы не подумайте, чего плохого. Я просто потеряла равновесие.

— Да нет конечно Наташа. Не в коем случае. Вот смотрите я надеваю ласты, маску, трубку беру в рот и сразу продуваю ее воздухом.

Наташа внимательно смотрела на него.

Он посмотрел на нее и нырнул выткнув тело вперед. Ноги его бешено заработали, и в мгновение ока он проскочил метров пятнадцать. Потом остановился, повернулся и посмотрел на Наташу. На берегу он увидел Леночку, стоящую у воды. В душе его запела музыка и повернувшись в сторону моря, он поплыл брасом брасом, не вынимая голову из воды, так дышал через трубку. Потом внезапно, резко повернулся и поплыл к берегу, туда где в воде стояла Наташа. И не доплывая до нее он нырнул и под водой подплыл к ней и нежно взял за щиколотки обеих ног и сразу вынырнул из воды перед ней.

— Испугались? — спросил он вынув трубку изо рта.

— Нет улыбнулась она. Зачем? Мне было очень приятно.

— Правда?

— Да — сказала она уже серьезно.

И потом резко сменила разговор:

— Там на берегу Леночка ждет. Теперь ее поучите поплавать.

Через час у обеих девушек получалось плавать в маске с ластами и дышать. Миша научил их нырять и продуваться, когда выныривают.

— Вы Миша очень хороший учитель. А где вы живете?

А там — махнул он рукой в сторону берега — у товарища. Он снимает комнату. А я к нему на несколько дней приехал. Скоро уезжаю в Севастополь.

— А нас с собой возьмете? Нам очень хочется посмотреть этот город — она еще хотел что-то сказать, но Миша заметил, что Наташа наступила ей на ногу, и Леночка замолчала.

— Какие у вас планы на сегодня и на вечер? — спросила немного отворачиваясь Наташа, переводя разговор на другую тему.

— Я свободен — сказал Миша — а в Севастополь? Так я сразу уезжаю в командировку и меня не будет там.

— А что за командировка — продолжала его пытаться Леночка — вы какой-то засекреченный весь.

— Да нет — нахмурился Миша — просто я уезжаю в другой город. А вы если захотите можете съездить в Севастополь сами.

— Вы сказали, что свободны сегодня? Может сходим вместе на танцплощадку. Здесь есть хорошая.

Они уже оделись и пошли к лестнице, ведущей на набережную.

— Нам с Леночкой надо будет сейчас уйти, а вечером пойдем на танцы.

— А где встретимся? — спросил Миша, лихорадочно просчитывая свои возможности.

— Так лучше всего у галереи Айвазовского — предложила Наташа — а друга у вас здесь нет?

— Нет к сожалению — опять смутился Миша.

— Тогда у галереи Айвазовского — утвердила Наташа — в семь часов. Придется вам за двоих отдуваться и танцевать сразу с двумя девушками. За себя и за своего друга. Потяните?

— Потяну — сказал Миша.

Они помахали ему и легкой подпрыгивающей походкой скрылись в переулке.

Миша смотрел им в след. А сам думал о Наташе.

— Какая же она красивая, неземная, богиня — думал он.

Весь день у него прошел в ожидании встречи. Он сходил посмотрел где музей Айвазовского. Погулял по городу и поехал к Антонине Марковне готовиться к вечеру.

Она накормила его обедом.

— Иж синачек борщ. Бери бильше сметани. Шо ти такой смурный?

— Да вот Антонина Марковна познакомилась в городе с двумя девушками. Они студентки из

Ленинграда. Вечером решили сходить на танцы, а мне надеть нечего. Брюки есть флотские, полуботинки есть, а синей спортивной кофте не пойдешь же.

— А ти Антонову червоную сорочку надинь.

— Так неудобно без него – сказал с отчаянием Антон

— Так можна з автомата йому зателефонувати на службу. А сама подзвоню йому. А ты поки хладь штаны и сорочку. А я поспишаю. Тут поруч.

Пока Миша гладил рубашку и брюки Антонина Марковна сбегала и позвонила Антону.

— Дозволив надети, коли я йому сказала, шт ты пийдешь на побаченя з дивчиной. Усе добре.

Когда Миша был готов идти на танцы, то Антонина Марковна оглядела его и сказала:

— Ти Миша справжий наречений.

Миша понял, что она назвала его женихом и сильно смутился.

— Да это так знакомые просто. Вы лучше посоветуйте может им подарить по букету цветов или еще что?

— А шо девчата будуть потом робити с квітами. Ви ж кудысь збираетесь потим?

— На танцы собираемся идти, а может в кино.

— Квити на танцях будут им тильки заважати. Треба їх дарувати, коли додому пидуть. Ти их краще в кафе зводи и чем-нибудь пригости.

Антонина Марковна улыбнулась, но ничего ему не сказала и лишь, когда он выходил за ворота, она его тайком перекрестила и тихо сказала про себя:

— Нехай тебе синок пощастить с дивчинами.

8. Наташа

Миша пришел за полчаса до встречи. Он гулял около галереи. Посмотрел соседние магазины, кафе, сувенирные лавки.

Ровно в шесть часов появились у входа в музей в красивых белых платьях Лена и Наташа. Миша смотрел на них со стороны и наглядеться не мог. Он восхищался, какие они были воздушные и красивые.

Подойдя к музею девушки стали оглядываться по сторонам видимо ища его взглядами.

Миша пошел быстро к ним.

— А я вас уже полчаса жду. Предлагаю на набережную в кафе сходить и поесть мороженое. Если вы не против. А потом пойдём на танцы в Комсомольский парк.

— Мы не против – засияли глазами девушки.

В кафе со смешным названием «Снежинка» Миша угостил девушек ленинградским мороженым, которое все они съели с большим наслаждением.

Миша считал, что ленинградское мороженое является одним из лучших и девушки-ленинградки поддержали его мнение.

Наташа внезапно Мишу спросила и улыбнулась:

— А как ты относишься к военным? К офицерам? Не думал пойти служить в армию или на флот? Вон какой красивый корабль стоит на рейде и с него самолет летает. Ты видел?

— Видел — покраснел Миша – но там служба как в концлагере. На берег не сходят даже.

Лена посмотрела на Наташу, но промолчала и лишь тоже улыбнулась от чего на щеках появились ямочки.

Он не знал, что сказать, как объяснить и ему казалось, что девушки к военным, раз спросили, относятся отрицательно и в конце концов решил ругать военную службу.

— Ходжа Насреддин сказал, что кто имеет медный щит, тот имеет медный лоб. Как можно относиться к военным. Мне кажется, что они люди, весьма ограниченные во многих вопросах. И потом кто у нас шел в военные училища? Те, кто не смогли поступить в гражданские ВУЗы.

Наташа вроде с ним согласилась и кивнула головой. И Лена тоже согласилась, усмехнувшись посмотрев на Наташу.

На танцах Миша танцевал только с Наташей, а Лену пригласил танцевать невысокий, но плотный парень из Симферополя, временно приехавший к родителям в Феодосию по имени Николай.

Так у них сколотился дружный коллектив. Вчетвером они после танцев пошли домой провожать девушек. По пути Миша и Николай купили девушкам по букету георгинов у бабульки, продававшей цветы у танцплощадки.

У дома Миша прощался с Наташей, а Николай с Леной.

Глаза у девушек сверкали веселыми огоньками. Лена и Николай отошли немного в сторону, и Миша с Наташей остались вдвоем.

— Тебе не холодно — внезапно спросил Миша.

— Прохладненько — ответила улыбнувшись в темноте Наташа — а ты, что рубашку с себя снимешь и укроешь ей меня?

— Сниму — внезапно для самого себя сказал Миша и начал стягивать рубаху.

— Не надо — ответила Наташа и внезапно прижалась к Мише своим телом.

— Он ощутил запах хороших духов и встречно прижался к ней погрузив свое лицо в ее шикарные светлые волосы.

Так они стояли и молчали.

Мише не хотелось расставаться. Он чувствовал себя на седьмом небе. Он вдыхал свежий и ранее неизвестный запах ее волос, чувствовал манящую, мягкую теплоту ее тела и ему хотелось, чтобы это продолжалось вечно.

Сзади внезапно раздался веселый смех Лены.

— Наталья! Вы долго будете так обниматься. Целуйтесь быстрее и пошли домой.

Наталья отстранилась, посмотрела из темноты в его глаза и внезапно встав на цыпочки, дотянулась до его щеки и поцеловала, а потом резко отпрянула и побежала за Леной в подъезд дома.

В дверях дома раздался Наташин смех, как звон колокольчиков.

— завтра на пляже на том же месте — раздался ее голос.

Дверь закрылась и девушки исчезли.

К Мише сзади подошел Николай.

— Хорошие девушки — сказал он.

Миша вздохнул и ничего не ответил.

— Закуривай «Шипка» — предложил Николай, доставая из кармана пачку сигарет.

— Я не курю — ответил Миша, продолжая смотреть на дверь подъезда.

— Тогда может бутылочку «Биомицина» возьмем? (Биомицином называлось тогда вино Било мицне).

— Нет не буду — ответил Миша — извини тоже не хочется.

— Ну ты парень даешь. Прямо как не мужик — сказал Николай.

А Миша стоял как в столбняке, глядя на закрывшуюся дверь подъезда.

— Эй на шхуне! Просыпайтесь — сказал Николай, проведя рукой перед глазами Миши — домой пора. Наверно уже ждут родители?

— Да, надо идти. Очень хорошие девчата. Откуда такие — очнулся внезапно Миша, поняв, что она ушла и больше сегодня не вернется. Он тяжело вздохнул, видимо что-то вспоминая.

— Откуда, откуда? Откуда и все берутся — усмехнулся, закуривая Николай — идем. А ты где живешь?

— На улице Дорожной. На автобусе надо ехать.

В темноте лицо Николая высвечивал огонек сигареты.

— А знаю где остановка. Провожу тебя, мне все равно по пути.

— Пойдем — улыбнулся в темноте Миша новому знакомому

— Ты знаешь Миша — сказал Николай затягиваясь сигаретой — ты на танцах будь осторожнее в другой раз. Там была карантинская шпана была с Гришкой Магнитом, могли тебе наkostenять. Повезло тебе, что там же были железнодорожные, а я хорошо знаю их жоака Сашку Япончика и так как я был с вами, они вас не тронули. Но реально могут и побить и деньги стянуть и девушек обидеть. Вы уж без меня на танцы не ходите, а то не все может случиться.

— А я шпану не боюсь – сказал Миша поживаясь от холода – приходилось сталкиваться в Питере.

— Так ты что тоже из Питера – весело спросил Николай – не скажи так про шпану так. Наваляться человек десять и даже со знанием карате не отобьешься.

— Я учился там в Питере, а сейчас я из Севастополя приехал.

— Военный что ли? – спросил Николай.

— Да нет – уклончиво ответил Миша – электронщик я работаю в Севастополе по распределению.

— А сам откуда?

— Из Калининграда я. Родители там живут.

— Это где – опять затягиваясь, спросил Николай.

— На Балтийском море. С Польшей и Литвой граничит.

— Нет не знаю – ответил Николай – Балтийское море холодное.

Миша усмехнулся. Так за разговорами они дошли до автобусной остановки. Внезапно появился автобус, и Миша пожав руку Николаю прыгнул в салон автобуса.

Дома его ждали Антонина Марковна и Антон.

— Добрий вечір Мішенька. Чаю хочеш? Як провів час? Як дівчата? Квіти подарував?

— Я смотрю ты времени даром не теряешь? — спросил Антон – рассказывай.

Антонина Марковна уже накрыла стол. На столе стояли красивые чашки, в вазочке лежали пирожки. В хрустальных розеточках стояло привлекательное на вид варенье.

— Ижте хлопчики. Варення смачне и булочки сама зпекла з варенням и з картоплею.

Ребят не надо было упрашивать, и они за обе щеки уплетали булочки и запивали чаем. За чаем Миша рассказал о Наташе и о походе на танцы. Рассказал и о Лене и Николае.

— Карантинские говоришь? Ну да есть здесь такая шпана. И Гришка Магнит – известный персонаж. И железнодорожные там были?

Миша кивнул головой.

— Ну наверняка драка была после танцев и им не до вас было – усмехнулся Антон – а вообще надо осторожнее. На прошлой неделе эти ребята избили двух матросов с бригады. У них отношение к приезжим сложное. Милиция работает, но за всем не уследишь. Так говоришь, что девушки тебе понравились? Ну, ну.

— Не обе, одна Наташа. Они из Питера, учатся в университете на филфаке.

— Отлично. Ухаживай. Я рад за тебя. Пользуйся моментом. Только меня не подведи – он усмехнулся.

В районе двенадцати часов они улеглись спать и кот Светик снова пришел спать в ноги к Мише.

Ощущая на щеке поцелуй Наташи, Миша уснул.

На следующий день они вчетвером встретились на пляже. Купались, дурачились, заплывали за буйки. И им было очень весело.

Прощаясь днем Наташа, глядя Мише в глаза, сказала:

— Вечером я буду собираться, а завтра я уезжаю. У меня родители в санатории отдыхают в Ялте, и мама позвонила, сказала, чтобы я завтра приехала к ним. Так что моя Феодосия к сожалению, заканчивается. – она виновато улыбнулась.

— Как в Ялту? – тихим голосом спросил Миша – насовсем? А как же я?

Он почувствовал, как внутри его все опустилось.

— Да – опустила голову Наташа – родители требуют, чтобы я была с ними. Очень беспокоятся за мой облик мореле. А на следующей неделе мы вместе улетим на самолете в Питер – она виновато улыбнулась – отпуск заканчивается. Все хорошее, когда-то должно закончиться. И Лена завтра едет в Симферополь. Тоже улетает. Ее проводит Николай. Мое хорошее заканчивается сегодня.

— А как же я? – опять спросил Миша.

Наташа улыбнулась:

— Я тебе дам свой телефон и адрес. Ты же сможешь мне позвонить или приехать в Питер? Ты этого хочешь? – испытывающе посмотрела она на Мишу — или нет? Ты хочешь еще увидеть меня? — потянулась она.

- Хочу. Обязательно хочу – ответил Миша – очень хочу увидеть тебя. Ты поедешь в Ялту на автобусе? Я вообще хочу видеть тебя каждый день – внезапно сознался он.

Она лукаво улыбнулась:

- Так уж каждый день?

- Да это так – он виновато опустил голову.

— Ловлю тебя н слове. Поеду в Ялту на «Комете», это с крыльях, от того причала – она показала рукой в сторону причала, куда подходили кораблики.

— А можно я с тобой? До Ялты, провожу?

— Конечно можно. Я буду очень рада – обрадовалась и запрыгала от радости Наташа.

Глаза ее заблестели теми неподражаемыми огоньками, которые так нравились Мише.

— Во сколько встретимся?

— Завтра в девять часов идет «Комета» до Ялты. Давай полдевятого на причале. Возьми плавки, полотенце, покупаемся там.

Вечером дома собрался совет.

— Антон нехай он иде, може це його доля. Може вин полюбив цы дивчину? Як можно цьому заважати?

— Да я не против – говорил Антон – но он же военный человек и ему нужно командировочное предписание или отпускной билет.

— Так намалуй ему все, шо треба – настаивала Антонина Марковна – нехай иде.

— Хорошо сделаю – вздохнув согласился Антон – чувствую, что подведешь меня Миша под монастырь. Завтра в Ялту, а послезавтра у тебя заканчивается срок ареста. А если ты не сможешь приехать? Мало ли что?

— Антошк миленький, я приеду, обязательно приеду.

— Ладно – согласился Антон — завтра с утра в комендатуру со мной я дам тебе бумагу. Отпущу тебя по семейным обстоятельствам в отпуск на одни сутки. И заодно одень мои джинсы и возьми вьетнамки, а то в черных брюках вроде жарко, да и в полуботинках на курорт не здорово. Какой у тебя размер.

— Сорок второй – ответил Миша и радостно повизгивая обнял Антона.

— Пользуйся моей добротой – улыбнулся Антон – надеюсь тебе все же это поможет завоевать сердце – и он широко улыбнулся.

Утром Миша в джинсах и красной Антоновой безрукавке с короткими рукавами и с маленьким свертком, где были полотенце и плавки, ждал Наташу на причале.

Наташа появилась как всегда внезапно. Она была в красивом воздушном белом платье с небольшой сумкой в руках. Мише казалась, что она не шла, а летела.

Он побежал ей навстречу, взял тяжелую сумку из ее рук, и они вместе пошли покупать билеты на «Комету».

9. Ялта

Ялта город-курорт всесоюзного значения на южном берегу Крыма. По наиболее распространённой версии, название города происходит от греческого *γαλός* (ялос) — «берег», однако имеются гипотезы, что название города имеет тюркское происхождение. Первое упоминание о Ялте, датированное 1154 годом, в трудах арабского историка Аль-Идриси. Галиту, Каулиту или Джалиту, он называет куманским (половецким) городом на черноморском побережье. С крымско-татарского *ялыда* переводится как «на берегу».

Ровно в назначенное время «Комета» отчалила и начала выходить в море.

Миша и Наташа, оставив сумку в салоне на своих местах, пошли на небольшое открытое возвышение между первым и вторым салонами и стали разглядывать море и берег.

Курс «Кометы» проходил в непосредственной близости от стоявшего на внешнем рейде вертолетоносца «Севастополь».

На «Севастополе» шло приготовление к полетам. На палубе ходили люди, слышались команды по громкоговорящей связи, на реях поднимались разноцветные флаги.

— Флаг перенести – прошла команда по верхней палубе.

— Что это значит? – спросила Мишу Наташа.

— Видишь на корме спускают флаг, сейчас его поднимут на нок рее за трубой.

И действительно флаг на корме спустили, а за трубой маленький флажок взлетел вверх.

— А зачем это делают? Не знаешь?

— Полеты будут сейчас и флашток – это такая труба на которой на корме заваливается, то есть убирается.

И действительно два матроса ловко стали отсоединять трубу. И скоро она исчезла.

— Откуда ты все знаешь? – спросила Наташа.

Миша сжав зубы промолчал.

С легким свистом в лопасть с палубы взмыл маленький вертолётчик бело-красного цвета.

— Это разведчик погоды, а заодно спасательный вертолет полетел – пояснил Миша.

Наташа была поражена величиной и мощностью военного корабля.

— Если бы я была мужчиной, то обязательно служила бы на этом корабле – сказала внезапно она.

И Миша немного смис, услышав такие откровения.

Кто-то с сигнального мостика махал проходившей мимо «Комете», и Наташа сняв синий платок с шеи замахала им кораблю. С палубы тоже присоединились матросы и стали махать бескозырками.

— Они увидели меня. Ты видел?

Миша кивнул головой. Он чувствовал себя каким-то вором, укравшим свой отдых. Все на корабле занимаются делами, а он отдыхает.

«Комета» прошла «Севастополь», повернула направо и вдоль берега направилась в сторону Ялты. Мишин «Севастополь» исчезал вдаль, уменьшался в размерах. «Комета» начала набирать скорость встав на крылья.

Берег был великолепно виден и Миша, и Наташа разглядывали его наперебой стараясь угадать места которые проходили мимо.

У Алушты усилился ветер и появилась волна. «Комета» сбавила скорость. Нос захлестывало и брызги залетали в открытую часть.

— Пойдем в салон – предложил Миша и Наташа с ним согласилась.

С беспокойством Миша отметил, что лицо Наташи начинает белеть. В салоне Наташа совсем раскисла.

Волны усиливались и теперь «Комета» шла как по стиральной доске, ударяясь крыльями о волны.

— Пойдем на свежий воздух – предложил Миша.

— Мне плохо. Меня сейчас вырвет. Дай мне пакет.

Миша заметался в поисках пакета и увидел спустившегося в салон матроса. Матрос сноровисто открыл один из ящиков и достал из него коричневые пакеты.

Миша видел такие раздавали только в самолетах. Он подошел к матросу и попросил один из пакетов. Матрос дал ему сразу несколько.

— Одним не обойдешься – сказал он.

Миша принес пакет и отдал Наташе и ее тут же вырвало в пакет.

Она смотрела с каким-то отчаянием смотрела на него.

— Извини. Мне стало плохо.

— Ничего — сказал Миша – это бывает с непривычки.

— А тебе почему неплохо. Смотри что твориться.

Миша осмотрелся и увидел, что многие пассажиры держат пакеты и многим уже стало плохо. Матросик бегал между пассажирами, брал пакеты и выбрасывал их в открытые в бортах входы на «Комету».

Миша дал новый пакет Наташе, а сам побежал выбрасывать уже использованный пакет.

Там он столкнулся с матросом, выбрасывающим сразу несколько пакетов.

— Слушай парень я вижу, что ты переносишь качку нормально. Помоги мне пожалуйста выбрасывать использованные пакеты. Я один не справляюсь извини – и он виновато улыбнулся – а остальные все в других салонах также выбрасывают.

Миша стал ему помогать, хотя сердце и душа всегда были рядом и вместе с Наташей. Ему было жалко смотреть как она мучается.

Где-то через час подошли к Ялте. «Комета» начала подходить к причалу и мол закрыл ее от волн. Перестало качать, и Миша вернулся к Наташе.

— Объясни-ка мне друг Миша, а почему ты не укачиваешься? — еще бледная от пережитого, спросила она.

— Ты понимаешь отец служил на торпедных катерах, и я часто ходил с ним в море и привык.

— Так у тебя отец военный? Что же ты так негативно относишься к военным?

— Понимаешь я встречал рядом с отцом разных людей и многие мне не нравились.

— Да моряк из меня не получится – сказал грустно улыбаясь Наташа, видимо удовлетворенная его ответом.

«Комета» причалила к причалу и по трансляции объявили, что могут выходить пассажиры первого салона. Мимо Миши и Наташи стали проходить бледные люди из первого салона.

Наконец настала их очередь. Они вышли на причал и их слегка покачивало.

Можно было подняться наверх и идти по набережной, а можно было пройти низом.

— Пойдем снизу — предложила Наташа.

— Там же смотри волны – показал Миша на бьющиеся о нижнюю набережную волны – смотри какие брызги летят.

— Я хочу пройти там по нижней набережной – сказала Наташа – там свежее и у меня сразу пройдет.

Миша пошел рядом с ней.

Волны бились в причал и брызги летели. Сначала это было весело. Но потом внезапно большая волна захлестнула причал. Наташа успела поднять платье вверх, показав свои белые кружевные трусики, а Миша смог поднять вверх только Наташину сумку. Волна почти по пояс намочила их и ушла в море. У Наташи промокли только туфельки и трусики. Платье она все же спасла, подняв его. А вот Миша промок по пояс.

— Пойдем быстро сюда – предложил Миша, увидев лестницу наверх.

Они быстро пошли наверх. Наверху на набережной сидело много людей, которые видимо промокли так же и разложив на граните мокрые вещи сушились на солнце. Они наблюдали за причалом внизу и радостно приветствовали криками, когда кто-то попадал под волны, так же как Миша и Наташа.

— В нашем полку прибыло – кричал радостно какой-то пожилой и раздетый до пояса снизу мужчина – а этих смотрите как здорово окатило.

Осмотрев Мишу, Наташа вынесла свое заключение:

— Так идти к родителям нельзя. Давай-ка ты посохни пока здесь, а я схожу к родителям и успокою

их.

— А я не хочу идти к твоим родителям – запротестовал Миша.

— А тебя никто и не заставляет это делать. Я переоденусь в сухое, отдам дань почестей родителям и приду к тебе. А потом мы с тобой погуляем по Ялте. Ты точно не хочешь остаться здесь на завтра?

— Я хочу, но не могу. Мне завтра надо на работу с утра выходить.

— А ну работа – это святое. Жди меня здесь, и я скоро буду – улыбнулась Мише Наташа и взяв сумку пошла в противоположную сторону от порта.

Миша быстро разделся до плавок и разложил мокрые брюки на скамейке.

— Куда она – подумал Миша – я бы остался, но мне надо вернуться. Если бы не эта гауптвахта. Черт ее подери. Хотя, как и с какой стороны посмотреть. Если бы старпом меня не наказал, я бы не попал никогда в Феодосию, не познакомился с Антониной Марковной, Антоном и Наташей. Какая девушка, я даже не знал, что такие есть на белом свете. А если ей сделать предложение? Согласится? Нет нельзя я же ей соврал, не сказал, что я морской офицер, сидящий сейчас на гауптвахте – и он горько усмехнулся.

Мимо потерпевших от морских волн и теперь сушащихся, проходили толпы разряженных людей, было тепло и пахло очень приятно чем-то слегка сладковатым. На набережной росли пальмы и какие-то экзотические деревья с каким-то розовыми хохолками по типу былых одуванчиков.

Прошел наверно целый час и брюки на ярком солнце почти высохли. Мокрым оставался только пояс.

Пришла в голубом платье Наташа. Она незаметно подошла сзади и обняла Мишу и поцеловала в ушко.

— Это я — прошептала она на ухо, касаясь его губами — ты как? Не замучался меня ждать?

Миша повернулся и прижал к себе Наташу и стал покрывать ее лицо поцелуями. Она не отталкивала его.

— Мне очень приятно – прошептала она – что будем делать?

— Пойдем на пляж искупаемся – предложил Миша.

— Так там же волны – изумилась Наташа – ты что мало уже искупался?

— Так волны смотри стали ниже. Ветер затихает уже.

Она посмотрела вокруг. Почему-то вздохнула и сказала:

— Пойдем мой повелитель, твоя просьба для меня закон.

И они пошли в сторону санатория ее родителей на городской пляж.

Миша разделся до плавок и спросил Наташу:

— Ты будешь купаться?

— Во-первых я не взяла купальник. Надо идти в санаторий за ним, а я не хочу. Во-вторых, после сегодняшней прогулки мне не особенно хочется в море, так что ты купайся, а я буду наслаждаться солнцем и видом моря издалека – подчеркнула она.

Миша пошел к морю. Первая волна сбила его с ног, но он встал и прыгнул в следующую волну головой вперед.

Наташа видел, как выплыл он выплыл уже за волной, пронырнув ее, сразу красиво заработал руками и поплыл подальше от берега, в сторону буйков.

— Какой красивый, начитанный и приятный парень — подумала она – какое-то чудо мы с ним познакомились. Ведь я должна была уже уехать в Ялту и задержалась из-за Лены на один день. И что получилось? Этого не может быть. А может он моя судьба? – она старалась отогнать такие мысли, но они продолжали приходиться и будоражить ее – какие у него губы. Но он явно всего не договаривает. Есть в нем какая-то тайна и мне очень хочется ее раскрыть.

10. Грабеж

Грабеж - открытое хищение чужого имущества. Выражается в похищении имущества, совершённом без насилия над личностью или с насилием, которое не опасно для жизни и здоровья.

Внезапно ее мысли прервали два парня в спортивных костюмах, севшие с двух сторон.

— Чего такая куколка сучает.

— Ребята идите своей дорогой. Я жду своего жениха. Он купается – сказала она, пытаясь встать.

— Сиди тихо куколка и потихоньку давай свои часики, сережки и все что у тебя есть.

— Я буду кричать.

— Не будешь — сказал тот что сидел рядом с ней слева – а если крикнешь. То это будет твой последний крик в этой жизни.

И она почувствовала, как что-то острое уткнулось ей в бок. Она посмотрела и увидела у своего бока острый нож и загорелую руку в татуировках.

— Давай быстрее, все что я сказал – угрюмо повторил тот, что сидел слева.

Она посмотрела на того, что бы справа и увидела, что он тоже держит руку, видимо на ноже, в кармане и ехидно улыбается через железные зубы.

Наташа выдохнула воздух и стала снимать с себя сережки и часы.

Вокруг было много людей, но Наташа знала, что никто ей не поможет, а Миша был далеко, где-то у самых буйков.

Миша увидел издали, что рядом с Наташей сели какие-то два парня и изо всех сил, он поплыл к берегу.

Миша выскочил из воды и огромными шагами побежал, к сидевшей у бетонной стеночки Наташе. Боковым зрением он увидел от Наташи небольшого ростом бегущего парня в зеленой кепочке.

— Что случилось? – он подбежал к Наташе.

— Они – она говорила, сквозь рыдания и даже заикалась видимо от волнения.

Вокруг стали собираться люди.

— Они отобрали у меня сережки золотые, сумочку и часики. В сумочке все мои деньги и паспорт.

— Бери мои вещи и беги за мной – бросил Миша, уже прыгая через две ступеньки вверх за парнями.

Наташа послушно собрала Мишины вещи и стала подниматься вверх.

— Осторожно у них ножи – закричала она Мише, но он на бегу лишь отмахнулся от нее рукой

Парень увидев погоню, бросил открытую Наташину сумочку. Видимо успел что-то вынуть и на бегу совал в карманы

Разъярённый Миша в два прыжка догнал, убегающего этого парня и сбил его ударом по ногам.

Тот покатился по асфальту. Вокруг сразу стали собираться люди.

— Был еще один — закричала Наташа, поднимая с земли свою сумочку – вон он побежал. У него мои сережки и часики. Смотри.

Упавший парень пятился от Миши задом, боясь что его сейчас будут бить. Его зеленая кепка валялась на земле.

Но Мише надо было догнать первого. И он, увидев в рядах собравшихся зевак плотного мужчину сказал быстро:

— Это воры их надо задержать и сдать в милицию. Свяжите его пожалуйста, а мне надо догнать первого – а сам бросился догонять убегающего.

Сзади раздались крики какой-то женщины:

— Держите его. Этот хулиган избил мальчика и теперь убегает.

Так уж принято на Руси, что всегда находятся сердобольные старушки, которые обязательно будут встречать во все происшествия и с умным видом излагать свои теории, как правило, не поддающиеся законам логики и тому, что произошло на самом деле.

Убегающего парня в синей рубашке было, видно издали. Он мчался лавируя между отдыхающими, идущими в сторону пляжа, и его белобрысая шевелюра мелькала впереди.

Он бежал, прыгая между навстречу отдыхающими, некоторых расталкивал руками. Раздавались протестующий крики. Миша его уверенно догонял.

Парень увидев погоню припустил еще быстрее и когда между ними оставалось метров пять, он вытащил из кармана пригоршню золотых сережек, колец и часов и бросил их на землю.

— Все забирай, мне ничего не надо.

Миша видел это перекошенное ненавистью и испугом лицо и не обращая внимания на покотившееся по асфальту золото практически догнал его. Парень бежал постоянно оглядываясь на Мишу, и налетел на какую-то женщину и сбил ее с ног. Это позволило Мише практически нагнать парня.

Парень остановился, развернулся. Дыхание его было тяжелым. В глазах его мелькали ненависть и страх.

— Тебе чего надо. Я все отдал. Смерти хочешь? – прорычал он, вытаскивая из кармана нож. Что-то щелкнуло и из ножа выскочило, сверкнувшее на солнце лезвие.

— Убивают — закричала какая-то женщина.

Ей вторила вторая, подхватившая этот крик. Моментально образовался из числа зевак большой круг, внутри которого сближались, глядя в глаза друг другу ходили Миша и парень.

— Убью – рычал парень – дай мне уйти. Я просто уйду.

— Нет, не могу. Ты слишком опасен для людей – спокойно отвечал Миша и начал боковое движение, стараясь поставить парня против солнца.

В год Мишиного поступления в училище в Сочи убили курсанта их училища Костю Несмияна. Он на танцах вышел против вооруженного преступника и погиб от ножевого ранения.

Миша в училище в спортивной секции занимался боевым самбо. Гимнастическая подготовка, как нельзя подходила для высоких достижений и уже на первом курсе его записали в сборную училища. Но на втором курсе Миша сломал ногу и пришлось со сборной расстаться. Но в секции он, по мере возможностей, старался заниматься. Майор Макашевский – руководитель секции боевого самбо, относился к нему достаточно хорошо и дополнительно обучал ребят приемам борьбы карате. Острые на язык курсанты эту адскую смесь борьбы самбо и карате стали называть между собой борьбой Макате, в честь своего преподавателя. На учебных занятиях Мише неоднократно приходилось отрабатывать приемы, против противника с ножом. И наверно поэтому он не испугался этого парня, угрожавшего ему ножом.

— Дай уйти – рычал парень, продолжая сближаться с Мишей.

Они ходили по кругу, выбирая удобное для нападения положение. Наконец Мише удалось поставить парня против солнца, и он пошел на сближение. Он очень внимательно смотрел за движением ножа и был готов в любой момент уклониться. Парень сделал выпад и махнул ножом, стараясь достать лицо Мишу. Миша легко уклонился.

— Милиция – кричала какая-то женщина – кто-нибудь вызовите милицию. Они сейчас убьют друг друга.

Парень сделал второй выпад, но Миша легко отразил удар, наклонившись и отведя удар в сторону.

— Следующий раз делаю блок и выбиваю нож – подумал он.

Парень еще раз оглянулся видимо стараясь найти или своего приятеля, или возможность отхода. Не найдя ничего, он снова сделал выпад ножом в сторону Миши.

Миша так же легко ушел от удара, отвел руку противника своей рукой, быстро проскользнул под нож, перехватил руку парня второй рукой и с силой ее вывернул.

Нож выпал и покатился по дороге, а Миша, дав подсечку, резко бросил парня на асфальт. Рука парня оставалась вывернутой и по теории надо было ногой сломать ее в локтевом суставе.

Миша медлил, выворачивая руку парня в сторону и тот ужу был вынужден скользить лицом по асфальту.

— Отпусти, убью – рычал тот, брызжа слюной.

Но Миша в толпе увидел протискивающихся милиционеров и принял решение руку парню не ломать.

— Что тут происходит? — протиснувшись спросил высокий милиционер.

— Убивают – закричала какая-то женщина – этот избивает этого.

— Он отобрал у девушки на пляже сережки и часы, ограбил ее, а потом пытался меня убить ножом. Вон его нож. Там наверняка есть отпечатки пальцев.

Подбежавший второй милиционер, вынул носовой платок и осторожно поднял нож с асфальта.

Первый подошел к Мише и помог, взяв за вторую руку поднять парня на ноги.

— Давай его в машину, помоги – попросил он.

И Миша с другой стороны помог отвести парня к стоявшей машине.

Люди перед ними расступались и лишь одна женщина протянула милиционеру пригоршню золотых колец, сережек и Наташины маленькие золотые часики

— Этот бандит, убегая выкинул, — показал она на парня — а я подобрала. Возьмите пожалуйста.

— Что ты лепишь старая. Я ничего не выкидывал. Это не мое – закричал парень – мне подкинули.

Милиционер положил, протянутое ему в свой карман и надавив парню на плечо заставил его замолчать, а сам мягко сказал женщине:

— Вам надо пройти в отделение и дать показания. Ваши показания очень важны для нас.

— Ничего я не бросал. Это не мое – кричал, пытаюсь вырваться парень.

Милиционер и Миша силой посадили его в задний отсек машины. Милиционер закрыл за ним дверь.

— Тут часики и сережка моей девушки – показал на карман милиционера Миша.

— С этим еще надо разобраться. А где ваша девушка? Будем разбираться в отделении.

— Так вот она – увидел Миша, протискивающуюся сквозь толпу Наташу с его вещами и сумочкой.

— Садитесь оба в машину. Надо проехать в отделение.

— Мне нельзя я спешу – внезапно Миша понял, что ему совсем нельзя попадать в отделение.

Он не заметил, как сзади подошел второй милиционер и толкнул его в спину:

— Садись быстрее, пока к тому в отсек не посадили. И вы девушка тоже садитесь. Вы с ним?

— Да мы вместе – ответила Наташа и покорно стала садиться в машину.

Оба милиционера сели спереди, а Миша и Наташа сзади.

В машине Наташа протянула Мише одежду, и он начал быстро одеваться. Трусы переодевать было негде, и он спрятал их в карман.

— Ты как? — спросил тихо Миша, глядя в светлые глаза Наташи.

— Я то нормально. Как ты? Сумочка нашлась. Денег нет, — усмехнулась она — а документы на месте.

— А второй где? В милиции?

— Так он вырвался и убежал – сказала Наташа нахмурившись – сразу же вырвался. Мужик его особенно и не держал. Уволок гад наверно мои деньги.

— Так не разговаривать – прикрикнул милиционер спереди – а то пересажу в отсек.

Миша и Наташа замолчали.

12. Изолятор временного содержания

Когда подъехали к отделению их встретили четыре здоровых милиционера. Два скрутили парня и увели, а двое заломили Мише руки, несмотря на крики Наташи и повели вслед за парнем.

— Что же вы делаете. Зачем вы руки ему выкручиваете? Он же герой спас меня и обезоружил преступников.

— Молчи деваха, пока тебя не посадили. Разберутся – посоветовал усатый милиционер.

Наташа стояла и внезапно к ней подошел милиционер с погонями капитана:

— Старший следователь капитан Ищенко Бронислав Семенович. Пройдемте девушка со мной и вы мне все расскажите, как что было.

Наташа пошла со следователем в здание куда увели Мишу.

Мишу обыскали, отобрали удостоверение личности, трусы, ремень и шнурки от кед и втолкнули в камеру.

В камере уже сидели два парня. Та было два деревянных топчана, стол и в углу стоял тазик,

накрытый газетой.

— Кто будешь? – строго спросил парень, глядя на Мишу.

— Никто – огрызнулся Миша, стоя у двери.

— Никто так никто и погоняло твое будет «Никто».

Миша не обратил на него никакого внимания, прошел и сел на топчан.

— За что замели? – дружелюбно спросил второй парень.

— Ни за что – ответил Миша.

— Ну мы тут все не за что? – рассмеялся второй – только потом судят и сроки дают, тоже ни за что.

Миша опустил глаза и задумался:

— Вот метаморфозы. Должен был сидеть за решеткой на гауптвахте, думал проехало так надо же нет. Сижу за решеткой подумал Миша.

Парни, увидев, что Миша с ними не хочет разговаривать, стали играть друг с другом в засаленные карты.

— Сыграем в винтаря, на интерес – предложил один.

Миша досадливо поморщился:

— Я не играю. Не умею – соврал он.

Парень улыбнулся, но ничего не сказал.

Прошел почти час.

Внезапно дверь открылась и показался усатый сержант:

— Степанов на выход.

Миша встал и пошел на выход. Милиционер пропустил его, а потом рявкнул:

— Лицом к стене и руки за спину.

Миша покорно выполнил приказание.

Милиционер закрыл дверь в камеру и скомандовал:

— Вперед по коридору. Руки за спиной.

Миша покорно выполнил приказание.

В длинном коридору у деревянной двери с цифрой шесть он увидел, сидящую на стуле Наташу.

Он хотел ей сказать, но тут же получил удар по спине.

— Не разговаривать – наорал на него, сопровождающий сержант.

Наташа встала хотела подойти к Мише, но сержант взмахом руки показал, что не следует это делать, и она покорно села на стул.

Дверь в кабинет открылась и показался невысокий и плотный капитан с начавшими уже сидеть волосами:

— Что за шум, а драки нет Сергиенко?

— Да вот пытаются нарушить правила. Товарищ капитан задержанный Степанов доставлен.

— Я не задержанный.

— Это мы сейчас посмотрим – усмехнулся капитан – а вы девушка свободны пока. Я вас отпустил.

— Мы с Мишей вместе, и я никуда не уйду пока вы его не отпустите.

Капитан потер щеку и потом усмехнувшись сказал сержанту:

— Сергиенко проводи барышню на выход. Здесь посторонним находиться запрещено.

Сержант взял Наташу за руку и силой повел на выход.

— Зачем вы так товарищ капитан.

— Проходи и запомни, что я для тебя не товарищ, а гражданин капитан. Понятно почему?

— Не понятно — сказал Миша проходя в кабинет.

13. Допрос

Капитан зашел за ним, аккуратно закрыл дверь и сев за стол, показал Мише на стул. Миша сел.

— Так вот гражданин Степанов. Я старший следователь капитан Ищенко Бронислав Семенович – буду вести ваше дело. Вы у нас пока задержанный и после беседы со мной, нам будет понятно свидетель вы или задержанный за драку в общественном месте, причем, обратите внимание, не просто драку, а драку с использованием холодного оружия.

— Хорошо, что я руку ему все же не сломал – подумал Миша – а то бы еще и увечья повесили на меня.

Капитан надел очки и внимательно посмотрел на Мишу

— Я думаю, что Наташа вам все рассказала, и вы все знаете, что и как было – почесав голову, начал горячо говорить Миша.

— Руки не поднимайте вверх, а то я вас буду вынужден связать. И так, кто вы у нас? – капитан открыл папку и достал из нее удостоверение личности Миши — что это у нас? Удостоверение личности офицера – он скривил губы – Понятно — министерство обороны, лейтенант. Ладно будем оформлять протокол, пока у нас дело не забрала военная прокуратура.

Миша поморщился, ему очень не хотелось этого протокола, и тем более военной прокуратуры. Он понимал, что влип и влип сильно. Сам-то это понятно. За себя отвечать всегда проще, но он очень сильно подвел Антона. А это было недопустимо.

— Что теперь будет? – подумал он.

Изменить он уже ничего не мог и надеялся, что капитан во всем разберется и в конце концов отпустит его. Теперь же, когда он упомянул военную прокуратуру, дело начинало принимать совсем нежелательный оборот. И Миша впервые пожалел, что не отпустил этого бандита. Пусть бы его ловила милиция и выполняла свои обязанности. А он влез, влип и подвел Антона, причем очень сильно.

— Так фамилия? Строго спросил капитан, заполняя какую-то форму.

— Степанов

— Имя и отчество?

— Степанов Михаил Александрович.

— Год и место рождения – тысяча девятьсот сорок девятый, город Рига, Латвийской ССР.

— Латыш?

— Нет русский, папа там служил на бригаде торпедных катеров.

— Понятно – протянул капитан и внимательно посмотрел на Мишу.

— Звание?

— Лейтенант – нахмурился Миша.

— Место службы?

— Войсковая часть 26952

— Что это?

— Ничего. Я не имею права вам называть объект где прохожу службу.

— Где находится эта войсковая часть?

— Сейчас в Феодосии.

— Должность?

— Командир группы специальной связи.

— Какой связи? – опять поднял глаза на Мишу капитан.

— Этого я вам тоже сказать не могу – ответил улыбнувшись Миша.

— Ну ладно лейтенант у нас и не такие пели здесь песни.

— А я петь не умею, мне с детства медведь на ухо наступил.

— Что делаете в Ялте – продолжил допрос капитан.

— В отпуске на одни сутки. Отпускной в удостоверении личности.

Капитан нашел отпускной, посмотрел на него внимательно.

— Почему не встали на учет в комендатуре?

— Так я на один день, только проводить Наташу. Если бы на несколько дней я бы обязательно встал бы на учет.

— Тоже понятно. Непонятно мне одно. Почему вы служите в войсковой части – он заглянул в свой протокол 26952, а отпускной у вас подписан командиром войсковой части 13035 подполковником Недайнадраться – он усмехнулся – что действительно такая фамилия?

Миша тоже улыбнулся:

— По фамилии ничего сказать не могу. Я туда откомандирован из своей войсковой части – он вздохнул – командира части не знаю лично и с ним не общался. С его заместителем, да общался и работаю.

— Тоже понятно. Теперь рассказывайте все подробно, что у вас там произошло и как получилось, что вы с гражданином Гридневым подрались с использованием холодного оружия типа нож.

Внезапно дверь в кабинет открылась и просунулась курчавая темная голова:

— Привет Ищенко.

— Что ты хочешь Петров. У меня допрос.

— Да я по делу. На минутку.

В кабинет вошел офицер с погонами майора и подошел к столу.

— Наши шаманы из лаборатории дали заключение, что на ноже только отпечатки пальцев Гриднева.

— И что? Мне этого отпустить?

— Да нет – поморщился майор – просто мне кажется пошел хороший цвет. По грабёжам на пляже у нас семь заявлений. Глухари и всяки – он почесал голову – но, что интересно, что среди цацек, брошенных Гридневым, есть колечко, проходящее по одному делу о грабеже. А еще судя по его внешности, он подходит под описание, сделанное всеми потерпевшими.

— Seriously, поздравлю – сказал капитан.

— Ладно пойду колоть Гриднева.

— А кто этот Гриднев, где живет, где работает?

Майор усмехнулся:

— Залетный он. Но могу сразу сказать, что это наш человек. У него справка об освобождении месяц назад. А сидел по 162-ой. Ты понял?

— Понял. Крепкий гусь.

— Да бандит он натуральный. Татуировки его бы посмотрел. Ладно ломай этого и заходи в гости. Попроедем. Мы с тобой отличились и сразу восемь дел раскрыли.

— Здорово – сказал капитан.

Майор вышел и плотно закрыл дверь. Капитан посмотрев на Мишу кивнул головой — мол продолжайте.

— Мы познакомились с Наташей в Феодосии три дня назад.

— Шустрые вы флотские лейтенанты. Три дня и в кровать.

— Я не в кровать я просто познакомился – взвился Миша.

— Да ладно рассказывай мне. Все знаю и без твоих рассказов. Фамилия Наташи?

— Не знаю. Мы об этом не разговаривали.

— Что секс не повод для знакомства.

— Не знаю, как, но секса не было. Она не такая?

— А, какая? – усмехнулся капитан – все они такие и нечего мне здесь заливать.

— Товарищ капитан, Бронислав Семенович – вспомнил имя и отчество капитана Миша – убедительно прошу вас при мне Наташу не оскорблять.

— А то, что на дуэль вызовешь? — капитан усмехнулся, но потом как то сразу стал серьезным — Ладно проехали. Фамилия твое пассии Серебрякова, чтобы ты знал – он заглянул в бумажку, лежавшую сбоку – Серебрякова Наталья Ильинична. Скажи мне, а где она живет, чем занимается?

— Я знаю. Что она учиться в ГГУ в Ленинграде. На факультете филологии. Закончила третий курс.

— Филологии – это философ будущий? – спросил капитан.

— Нет филология насколько я знаю – это наука по изучению культуры и языков различных народов? – ответил Миша.

— Переводчик?

— Да нет наверно намного шире, чем просто переводчик. Но филологи работают и переводчиками, и учителями иностранных языков, переводят на русский язык произведения иностранных писателей и поэтов.

— Хм мудрено, но в общем понятно – хмыкнул капитан и углубился в заполнение своих бумаг.

— Где и когда вы познакомились?

— Три дня назад на пляже. Она подошла ко мне с подружкой Леной.

— Инициатива исходила от них или от вас?

— Скорее всего инициатива была обоюдной. Если бы я не захотел, то знакомиться не стал бы.

— Фамилия и адрес Лены?

— Я не знаю. Она представилась, как Лена и фамилию не упоминала. Сказала, что учиться вместе с Наташей в ЛГУ и живет в Питере. Хотя возможно она и приезжая. Разговора об этом не была.

— Девушки знали, что вы офицер и где вы служите.

— Я об этом им не говорил.

— Вообще ни о чем не рассказывали?

— Ну о себе с точки зрения службы не говорил ничего – поморщился Миша.

Он хорошо помнил завещание отца, что никогда не ври. Не можешь сказать правду – лучше промолчи.

— А, что говорили? – посмотрел капитан со своей ухмылкой на Мишу.

— Старался обходить этот вопрос при разговорах. А когда спрашивали конкретно говорил, что закончил институт точной механики и оптики по радиоэлектронике и работаю по распределению в Севастополе. В Феодосии в командировке.

— Ну, ну – капитан снова углубился в чтение документа по допросу Наташи.

Миша посмотрел в окно, но там ничего не было видно, кроме двора.

— Вот и Наташа говорит, что вы гражданский специалист, работающий в Севастополе – капитан посмотрел на Мишу поверх очков – а почему правду было не сказать? Голову барышне крутили?

— Нет – смутился Миша и начал оправдываться, внутренне понимая, что этого делать не стоит, — во-первых, секретность, во-вторых сначала сказал, не считая нужным говорить незнакомым людям, а потом стыдно было признаться, что соврал.

— Понятно – усмехнулся капитан – давайте теперь как в Ялту попали.

— В Ялту я поехал провожать к родителям. Они здесь в санатории отдыхают. Через пару дней они летят в Питер.

— А родители кто?

— Я не знаю. Она не говорила, а я не спрашивал.

— Бывает так – капитан откинулся на своем стуле – один пел, что он сын сапожника, а потом выяснилось, что сын маршала. А когда выяснили, что ложь, то стал говорить, что с отцом в ссоре и вместе не живет уже три года. Во как бывает.

— Я не интересовался ее родителями.

— Ладно, в каком они в санатории отдыхают?

— Я не знаю.

Капитан опять усмехнулся:

— А, что она не ходила к родителям еще?

— Ходила. Но я ждал ее у порта. Волна нас окатила, и я промок до пояса. Она пошла к родителям, а я ее ждал.

— Что-то вы мне не договариваете лейтенант.

— Почему? Рассказываю, все что мне известно – Миша поморщился – зачем мне врать? Говорю то что знаю и то, что видел. И извините, мне кажется, что ваши вопросы не имеют к делу никакого отношения. Я вам задержал вооруженных преступников, можно сказать раскрыл кучу глухарей или как вы их там называете. А вы меня допрашиваете, как преступника. Пытаетесь поймать на лжи, держите в камере с настоящими преступниками.

— Спасибо вам – наклонил голову капитан – но здесь я определяю, что имеет отношение к делу, а что нет. А насчет камеры, так кто преступник, а кто нет определяет только суд. Кстати, как говорят – самый гуманный суд в мире. Не согласны?

— Пока не знаю – ответил Миша.

— Ладно продолжим – предложил капитан – расскажите, как оказались на пляже и что там произошло?

— На пляж предложил пойти я – сказал Миша – мне было жарко и захотелось охладиться и искупаться.

— Там же волны сильные.

— Я купался при более сильном волнении. И поэтому мы пошли на пляж. Наташа не захотела купаться и осталась сидеть с одеждой, а поплыл к буйкам. Оттуда увидел, что к Наташе подошли два парня. Она попыталась встать, но ей не дали и сели с двух сторон. Тогда я поплыл к берегу. Когда вышел, они увидели меня и побежали вверх по лестнице. У Наташи был след удара по лицу, из губ сочилась кровь. Она мне сказала, что они отобрали у нее сумочку с деньгами и документами, золотые сережки и часы.

— Ну вот как хорошо. А говорите, что петь не умеете. А здесь такая ария, что приятно послушать.

— Товарищ капитан, а может вы меня не будете перебивать, а то я могу сбиться.

— Нет Михаил Александрович – здесь я определяю, что мне надо знать, а что нет, что мусор, а что золото. У меня есть цель в расследовании и вас направляю, что мне надо знать и что вам следует сказать, пытаюсь выяснить для себя, что же произошло на самом деле. И это уже мое право, что вас спрашивать. Поэтому прошу не делать мне замечаний.

— Это не замечание, а просьба — сказал Миша посмотрев на капитан.

— Ваша просьба отклоняется – развел руки капитан – давайте что же произошло дальше.

Дальше я поднялся на набережную и увидел, что они побежали в разные стороны.

— Это их нормальное поведение – уточнил капитан – они всегда так делают, когда видят погоню.

— Я побежал за тем, у кого в руках увидел сумочку Наташи. Он бросил сумочку, но что-то успел вынуть из нее. Я его догнал, подсек, сбил с ног. Вокруг собралась толпа и я попросил его сдать милиции одного мужика. А сам побежал догонять второго.

Капитан почесал подбородок, посмотрел на Мишу и спросил:

— А вы уверены, что это были те самые парни, которые подходили к Наташе?

— Ну зеленоватая кепочка, синяя маечка.

— В таких у нас гуляет пол Ялты. Как вы определили, что это именно те, кто ограбили Наташу.

— Они убегали, я их догонял. В руках одного была сумочка Наташи. И он ее бросил.

— Вот это аргумент, но здесь могут быть варианты. Как правило они тут же сбрасывают добычу третьему и тот с ней уходит.

— Я третьего не видел.

— Это мы будем расследовать. Будем искать всех, кто может быть причастен к этому делу.

Опишите того, которого вы сбили с ног.

— Роста среднего наверно метр семьдесят пять. Ниже меня.

— А у вас какой? – уточнил капитан.

— Метр восемьдесят.

— Понятно. Дальше

— В зеленой кепочке, белой безрукавке, светлые брюки. Шатен, глаза – Миша задумался вспоминая – наверно серые. Но я не запомнил. Возраст, наверно лет двадцати пяти. Лицо круглое, глаза глубоко посажены, нос курносый слегка, подбородок, утопленный вниз. Больше ничего не помню. А он не у вас.

— Нет у нас. Ушел и его придется искать. Вы знали, что у них есть ножи?

— Да. Наташа мне крикнула мне, что у них есть ножи.

— А она их видела?

— Наверно. Спросите у нее.

— Она сказала, что ей угрожали ножом и все. А вы не испугались, что вас могут убить. Вы что супермен?

— Нет, в училище занимался боевым самбо. Отрабатывали приемы против ножа.

— а какое это училище?

Миша усмехнулся:

— А зачем вам это? В удостоверении личности все записано.

Капитан взял в руки удостоверение личности, прочитал, что начал бормотать по нос, потом посмотрел на Мишу и спросил:

— А специализация какая у вас.

— Командир группы специальной связи.

— Понятно. Опять секреты. Ладно. Что у нас было со вторым парнем?

— Дальше, я его догнал. Он кинул на асфальт золотые украшения, бывшие у него в кармане и сказал, что хочет уйти.

— Где эти золотые украшения?

— Я на них не обратил никакого внимания. Я видел нож в его руке и думал, что он может причинить много беды на набережной. А золото я видел какая-то женщина отдала вашему милиционеру.

— Да он сдал, все что ему дали. Но эта дама пока не пришла к нам. И вопрос остается открытым, так как свидетелей нет.

— А вы Наташе и другим потерпевшим покажите эти изделия и предъявите им этих парней.

Капитан усмехнулся:

— Вы случайно не институт МВД закончили? Заочно.

— Нет – усмехнулся Миша, понимая иронию капитана – я читал Шерлока Холмса, смотрел фильмы криминальной направленности.

— Да – усмехнулся капитан – у нас хорошая страна. Кухарка может управлять государством, а следствие могут вести дилетанты, посмотрев фильмы и почитав книги – и он рассмеялся своей остротой. Давайте дальше.

— А дальше почти все. Он попытался ударить меня ножом, а я взял его на прием и обезоружил. Свидетелей была масса.

Капитан рассмеялся:

— Когда много свидетелей, то тех, кто может сказать правду найти весьма сложно. Две бабули показали, что нож был у вас в руках, а он вас обезоружил. Трое наоборот. Вот и найди правду.

— Ладно, понял – разозлился Миша – а вопросы логики вам подвластны? Вы можете сказать, а зачем мне это нападать на постороннего человека среди толпы? Вы можете сказать зачем мне нож?

Внезапно зазвонил телефон, капитан сделал рукой жест, чтобы Миша замолчал и ответил:

— Капитан Ищенко слушает. А это вы Самуил Израилевич. Понятно. Чем можете нас порадовать?

Он слушал не перебивая и лишь в конце спросил:

— Вы уверены, что на ноже нет других отпечатков пальцев, кроме Гриднева? Понятно. Вы хотите снять отпечатки пальцев у Степанова. Он у меня. Ждем вас – и он положил трубку и потом сказал Мише – сейчас мы поучим тебя играть на пианино.

— А зачем, если на ноже отпечатки пальцев на ноже принадлежат Гридневу?

— Так положено – уныло сказал капитан – пробьют по картотеке, проверят может вы участвовали в других преступлениях и ваши отпечатки пальцев там засветились. Если не будет к вам претензий, то мы извинимся и передадим вас в военную комендатуру.

— А зачем в военную комендатуру – спросил Миша – мне утром надо быть в Феодосии. У меня корабль в море уходит.

— А нам какое дело до ваших проблем? У нас инструкция. Пусть они проверят. А может вы шпион или дезертир?

Миша тяжело вздохнул, понимая, что он ничего изменить не может. А что-то просить или требовать может быть использовано против него.

Через пять минут в кабине вошел невысокий лысоватый человек с чемоданчиком в руках:

— Разрешите Бронислав Семенович?

— Заходите Самуил Израилевич, я почти закончил. Вот ваш клиент. Давайте поучим его играть на пианино. А то он говорит, что петь арии не способен.

Самуил Израилевич открыл чемоданчик и стал извлекать из него подушечки, какие-то бумажки.

Сам процесс снятия отпечатков пальцев времени не занял. Да Миша видел в кино, как это делается. Испачкались только пальцы рук, но это была не беда. Ему хотелось скорее уйти с этого допроса, где выворачивают наизнанку душу.

Самуил Израилевич сложил все аккуратно в свой чемоданчик и вышел.

— Что вас еще интересует – спросил с вызовом Миша.

— Если будут вопросы, то я вас вызову. Если не будет, то за вами приедут из военной комендатуры.

— А сам я не могу туда дойти – спросил Миша – здесь наверно рядом?

— Не можете – улыбнулся капитан – не принято и встав направился к двери.

— Сергиенко забирай – скомандовал он.

Зашел сержант и скомандовал:

— Встать. Руки за спину. Вперед.

— А документы? – спросил Миша повернувшись в двери. И тут же получил сильнейший толчок в спину от Сергиенко – подследственный на разговаривать.

— Документы Степанов я передам в комендатуру. А они решат, что делать с вами, но это если у нас не будет к вам претензий – услышал Миша голос капитана.

Дверь в кабинет закрылась.

Мишу увели в ту же камеру.

14. Метаморфозы

Метаморфозы (др.-греч. μεταμόρφωσις «превращение») — превращение, преобразование чего-либо во что-то другое, качественное изменение и преобразование состояние предмета.

В военном санатории за столом в одном из элитных номеров за столом сидела Наташа и рыдала. Мать стояла над ней и пыталась успокоить. А отец ходил вдоль стола, чесал голову и не знал, как утешить жену и дочь.

— Ты все рассказала нам? – спросил наконец строго отец.

— Да все. Миша очень хороший человек папа и ему надо помочь – сквозь слезы попросила отца Наташа.

Отец был зеленой армейской рубашке с погонами генерал-полковника, на зеленых брюках были красные двойные лампасы.

— Наташенька, милиция разберется, что к чему, лучше нам в это дело не ввязываться, Тем более он гражданский человек.

— Как ты не понимаешь. Он мне не безразличен. Он спас меня.

— Как его фамилия? – нахмурился отец.

— Я не знаю — опять разревелась она.

— Ну вот она не знает с кем гуляет, с кем проводит время. А мы должны что-то делать – развел руки отец, глядя на мать.

— Илья Степанович! Ты, что старый совсем одурел от своей военной службы – вмешалась мать, скривив губы – нашей дочери плохо, ей нужна помощь. А ты рассказываешь ей про какую-то милицию. Парень спас от вооруженного преступника Наташу. Ее ограбили, угрожали ножом, чуть не убили. Он встал на ее защиту, а его за это посадили. А ты – она махнула рукой и тоже заплакала, всхлипывая и прикладывая к глазам носовой платок.

Генерал быстро заходил по комнате не зная, что предпринять. Он чувствовал себя виноватым и не представлял, что надо сделать, чтобы успокоить своих женщин. Он был боевой генерал, прошедший в пехоте войну с первого дня до окончания большой войны. Но с женскими слезами он не знал, что делать.

— Ладно, ладно – махнул он рукой — я сейчас пошлю Сережу разобраться что к чему. Пусть выяснит, что там происходит. Ну не мне же в форме и с этими погонами ехать в отдел милиции – он развел руки.

— А мог бы и сам съездить – всхлипнула жена – может это будущий зять, отец твоих внуков сейчас сидит в камере, ни за что? И его еще посадят за то, что он заступился за нашу Наташу – и обе они снова разрыдались.

Генерал только развел руки, а потом махнул и вышел.

В соседнем номере жил его адъютант капитан Нежин Сергей Петрович. Он читал какую-то книгу и когда вошел генерал, то сразу вскочил с дивана.

— Сережа дуй сейчас в этот отдел милиции, где допрашивали Наташу.

— Какой номер отдела милиции?

Генерал махнул рукой:

— От них сейчас ничего не добьешься. Они режут. Найди сам, куда отвезли сегодня преступников с набережной. Спроси у ментов – скажут или позвони 02.

— Понял сделаю Илья Степанович. Что там?

— Узнай все, что необходимо по этому делу, та фигурирует какой-то Михаил из Феодосии. Раскопай все данные по нему, кто он, что он, откуда и как. Поговори со следователем. Узнай кто здесь начальник горотдела милиции и сообщи мне, кстати найди телефон начальника крымского управления УВД и узнай его имя и отчество, фамилию и звание. Парню надо помочь. Это друг нашей Наташи. И я боюсь, что он может пострадать безвинно.

— Понял, сделаю Илья Степанович.

Через час ситуация в комнате была та же. Женщины рыдали, успокаивая друг друга, а генерал мерил комнату шагами. Постучал капитан и хотел войти, но генерал замотал руками, вытолкнул адъютанта назад в коридор и вышел вслед за ним вышел сам.

Тот хотел доложить в коридоре, но генерал замахал руками

— Пойдем к тебе.

Когда они вошли в комнату генерал предложил сесть за стол, и они сели.

— Ну что?

— Докладываю — открыл тетрадь капитан — этот Михаил — он усмехнулся — фамилия его Степанов, по отчеству Александрович. Лейтенант с войсковой части 26952. Я уточнил на флоте — это вертолетоносец «Севастополь». Сейчас корабль находится в Феодосии на испытании самолетов. Командир группы специальной связи. Год назад закончил ВВМУРЭ имени Попова.

— Что это за хрень с таким мудреным названием?

— Так у нас товарищ генерал в Петергофе.

— А начальник, там контр-адмирал Кудрявцев Григорий Капитонович. Помню, помню встречались на каких-то сборах. Мы его там не Капитонычем, а Капитанычем называли — рассмеялся генерал — и вообще, что за звание контр-адмирал, так и хочется сказать контра. То ли дело наши звания — генерал-майор, генерал-лейтенант. Красиво звучит. По-офицерски. Все понятно и нет проблем. Ладно продолжай — сказал генерал, увидев, что капитан хочет еще что-то сказать.

— Сам он из Калининграда. Отец капитан 2 ранга — помощник оперативного дежурного Балтийского флота, мать

— Не надо про мать. И так понятно — махнул рукой генерал. Про него что есть еще?

— Не женат, характеризуется положительно. запросил кадры флота, дали положительную характеристику.

— Что там произошло, по данным милиции?

— Грабеж. Ведет дело следователь капитан милиции Ищенко Бронислав Семенович. Вооруженные преступники Гриднев и еще один пока не задержанный до сих пор главные фигуранты дела. Гриднев выпущен месяц назад из лагеря, где сидел за грабеж. Грабили на пляже одиноких женщин — кольца, серьги, цепочки, часы, деньги. Милиция не могла их поймать уже месяц. По их данным у них восемь таких эпизодов, но возможно есть еще. Гриднев был вооружен ножом. Они ограбили Наташу. Этот лейтенант Степанов разоружил его и сдал в милицию.

— Так лейтенант молодец?

— Молодец.

— А за, что его посадили?

— Да не посадили — досадливо сказал адъютант — разбирались.

— Нет парня героя, который выполнил работу милиции, держать в камере с преступниками? Это что разбирательство?

— Понятно. Его уже выпустили.

— Так все нормально?

— Нет, его передали в комендатуру для разбирательства. Теперь, он там сидит.

Генерал задумался, потом встал:

— Фуражку мне. Едем в комендатуру.

— Да это здесь почти рядом. Можно пешком дойти.

— Тогда идем — генерал встал и пошел за фуражкой.

— В его номере была тишина. Супруга генерала прошла в умывальник и приводила себя в порядок, а Наташа сидела за столом.

Генерал посмотрел на нее, взял фуражку и направился к дверям:

— Пап ты куда?

Генерал посмотрел на нее улыбнулся и ответил:

— Я Наташенька еду выручать твоего Ромео.

— Я с тобой.

— Нет милая. Я сам. Приеду все доложу. Возможно привезу его с собой. А вы ждите здесь.

Генерал вышел. В коридоре в форме и фуражке его уже ждал адъютант.

15. Комендатура

Когда генерал-полковник Серебряков вошел в комендатуру в сопровождении адъютанта, дежурный по комендатуре чуть не проглотил ручку, которую держал у рта. Любят некоторые сосать ручки и видимо у дежурного была та же плохая привычка.

Генералов в полной форме, да еще с адъютантом эта комендатура не видела видимо со дня основания.

— Смирно!

Все находившиеся в комендатуре приняли стойку смирно

Он выскочил из своей комнаты:

— Товарищ генерал-полковник дежурный по комендатуре старший лейтенант Перепечко.

— Так старлей. Проводи меня к коменданту.

Когда генерал-полковник вошел в кабинет коменданта, коменданту чуть не стало плохо. Он никогда в своем кабинете не видел такого начальства.

— Товарищ генерал-полковник комендант города Ялта подполковник Семенченко.

— Садись подполковник, я к тебе по делу — сказал генерал усаживаясь в кресло коменданта, который сразу подвинулся и встал напротив

— Генерал-полковник Серебряков. Командующий округом — представился генерал.

Каким округом генерал не стал уточнять, да и не надо было это. Подполковник с замороженным взглядом смотрел на погоны генерала. Адъютант и дежурный по комендатуре остались стоять в дверях.

— Здесь подполковник Семенченко тебе сегодня передали из милиции лейтенанта Степанова. Что можешь об этом сказать?

— Прошу прощения товарищ генерал полковник. Я не в курсе. Я отъезжал — испугался подполковник.

Генерал усмехнулся, покачал головой, и усмехнулся.

— Ну вы даете

— Сейчас мои помощники доложат. Дежурный — он обратился, к стоящему соляным столбом — Глаголева ко мне. Быстро.

Через две минуты в кабинет влетел старший лейтенант в армейской форме и фуражке и сразу и обратился к сидевшему в кресле коменданта генерал-полковнику:

— Товарищ генерал-полковник. Помощник военного коменданта города Ялта старший лейтенант Глаголев. Прибыл по вашему приказанию.

— Доложите, что у нас там по лейтенанту Степанову, переданному вам сегодня милицией.

Старший лейтенант закрыл глаза видимо, что-то вспоминая и или думая, как лучше сформулировать ответ:

— Лейтенант Степанов, задержанный ранее милицией за участие в задержании опасного преступника, отправлен мной на автобусе к месту службы в Феодосию. Помощник коменданта Феодосии подтвердил его личность, документы у него в порядке. Я его посадил на автобус, и он уехал.

— Где теперь его искать?

Старший лейтенант замялся немного, а потом сказал:

— Я не знаю. Из неофициальных источников мне стало известно, что этот лейтенант служит на вертолетоносце «Севастополь» — он выдохнул и продолжил, видимо понимая, что утаивать уже поздно — командованием корабля он за что-то был арестован, и отправлен на гауптвахту в Феодосию на пять суток — так мне рассказал помощник коменданта. По просьбе лейтенанта, он был отпущен помощником коменданта, на один день в Ялту провожать свою девушку. Видимо были причины, чтобы принять такое неординарное решение.

Старший лейтенант посмотрел на генерала и увидел, что у генерала от изумления поднялись брови:

— Это что у вас на юге все, так сидят на гауптвахте? С отпуском, выходными, проводами девушек или еще какими-нибудь изысками? У меня в Ленинграде такого быть не может. А если узнаю, то эти коменданты или их помощники живо поедут служить туда, где Макар телят не пас.

У всех присутствующих стало скорбное выражение лица. Уехать из Ялты туда, где. В общем далеко от Ялты. На коменданта было страшно смотреть, но он решил защитить честь ялтинской комендатуры. А что делать в такой ситуации?

— Никак нет, у нас в Ялте тоже такого у нас не может – доложил комендант Ялты – я бы своим помощникам не позволил такого. Мы все же армейские и у нас армейская косточка. а у них там флотская комендатура. Флотские. И у них свои порядки и бардак.

— Ну ты Цицерон подполковник, приятно послушать. Бальзам на душу пролил за наших армейских. Ладно, понятно – махнул рукой генерал-полковник – спасибо за информацию. К вам претензий не имеется. Вы сделали все правильно.

Он встал и вышел из кабинета. За ним последовал его адъютант.

Когда они шли по набережной генерал снял фуражку платком вытер пот со лба, потом тулью фуражки.

— Жарко. Ты чего-нибудь понимаешь? Что за лейтенант? – спросил он у адъютанта.

Тот пожал плечами и улыбнулся.

— Ну орлы – продолжил генерал улыбувшись – сидя на гауптвахте уехать в Ялту провожать дочку генерал-лейтенанта, не зная этого, разоружить вооруженного преступника, которого милиция не могла взять целый месяц. Ха – он рассмеялся – я бы в своем полку в войну этого лейтенанта взял бы разведвзводом командовать минимум. Молодец лейтенант. Мне это нравится. Недаром Наталья там так рыдает – он опять усмехнулся, остановился, посмотрел на адъютанта и серьезно сказал – а знаешь, что? Я хочу видеть этого лейтенанта, который претендует на право стать моим зятем, и даже возможно отцом моих внуков. Хочу с ним познакомиться лично. У Натальи были конечно ухажеры из студентов. Но так она рыдает впервые из-за лейтенанта. Видимо все очень серьезно.

Адъютант посмотрел на генерал-лейтенанта и видимо подумал, что тот явно не в себе.

— Вызвать лейтенанта в санаторий?

— Нет таких зверюг лучше всего рассматривать в естественных условиях, прежде чем сделать вывод о нем. Продумай Сережа, с кем из флотского командования, мы можем обсудить вопрос посещения этого корабля в Феодосии или самой Феодосии.

— Так у нас здесь три дня, как командующий Черноморским флотом отдыхает со своей супругой. Я с его адъютантом познакомился. Хороший парень капитан-лейтенант Борзов Сергей.

— Во.... Это правильно, мне надо встретиться с этим командующим флотом, но в спокойной обстановке, чтобы Лидия Петровна и Наташа ничего не знали и не подозревали. Переговори-ка пожалуйста с этим Борзовым. Пусть доложит своему адмиралу, что я хочу с ним встретиться не в санатории, а на нейтральной территории. лучше в кафе или ресторане

В номере генерал доложил своим женщинам, что Михаил Степанов уже освобожден и уже в автобусе следует в Феодосию.

Наташа сразу надулась:

— Уехал и не попрощался даже. Вот так верь этим мужчинам.

— А он знал, где тебя искать? — начал оправдывать Мишу генерал — что он о вообще тебе знает? Расскажи-ка доченька милая моя, что ты ему о себе, обо мне или всех нас рассказала?

— Ну – подумала Наташа — я рассказала, что учусь в ЛГУ на филфаке, закончила третий курс. А больше ничего?

Генерал усмехнулся:

— И кто твой папа он знает?

— Нет, думаю не знает. Я ему даже фамилию нашу не называла.

— Адрес, телефон знает наши в Питере?

— Мы не успели обменяться – вдруг зарыдала Наташа – как мне теперь его найти?

— Ой – вздохнул генерал – не безделушка ты, если ты ему дорога, то сам тебя найдет.

— Как? Когда? – еще громче зарыдала Наташа – знаешь сколько женщин может за это время встретиться у него на пути?

— Если встретятся? Значит туда ему и дорога. Значит он тебя не достоин. Ты у нас бриллиант и тебя надо быть достойным.

— Он достоин я знаю. Это такой парень. Мне первый раз такой в жизни встретился с которым не просто хорошо, а очень спокойно.

Генерал тяжело вздохнул.

— Мать ты понимаешь, что говорит наша дочь? Она выросла что ли у нас. А мы этого не заметили?

— А ты что не видишь, что она вполне сформировавшаяся девушка со своими взглядами на жизнь и не всегда наше с тобой мнение будет для нее решающим. Ты себя помнишь в ее возрасте.

— Так я на фронте под Москвой в ее возрасте танки подбивал рвущиеся к Москве со своим взводом.

— А у нашей Наташеньки появился свой танк. Вот так

— Слушай мать. Ответь мне на вопрос. Объясни почему у нашего старшего сына Сережи так все просто. После школы в училище Верховного Совета, потом с ГСВГ, старлей, капитан. Далее в академию Фрунзе. Я даже не знаю, как он служит. А дочкой все так сложно? Непонятно.

— Да потому, что это девочка и она пока ты служил превратилась в девушку. А ты этого не заметил.

— Ладно с вами дискутировать – себе вреднее.

16. Встреча фронтовиков

В комнату постучал и зашел адъютант.

— Тебе чего Сергей – спросил генерал.

Тот подошел и тихо доложил тихо на ухо:

— Товарищ генерал-полковник, командующий Черноморским флотом адмирал Тихомиров Федор Григорьевич принял ваше предложение и собирается сейчас гулять по набережной. Предлагает вам составить ему компанию.

— Понял. Но надо переодеться наверно? Как ты думаешь? А то в форме светиться на набережной, не самое хорошее.

— Так точно адмирал будет в партикулярном платье.

— Тогда надо переодеться и генерал быстро прошел в спальню и начал быстро переоделся.

Когда он вышел супруга строго спросила:

— Ты куда намылился? Дочке плохо, а ты куда-то рванул.

— Я пошел по ее делу. Только тихо – шепнул генерал ей на ухо и выскочил из номера вслед за адъютантом.

На набережной было жарко они зашли в ресторан на набережной. Им сразу выделили отдельный, отгороженный от общего зала кабинет. Там они заказали коньячок и Илья Степанович рассказал адмиралу всю историю лейтенанта Степанова.

Командующий флотом покачал головой и рассмеялся:

— Накручу я хвосты командиру базы и командиру этого «Севастополя». Они что там совсем совесть потеряли?

— А зачем крутить хвосты? Хотя я тоже, если бы узнал о таком, накрутил бы своим хвосты. Но здесь иное Федор Григорьевич. Надо тоньше. Давай сначала по единой — за содружество видов и родов войск.

Они чокнулись и выпили.

Генерал продолжил:

— Здесь все сложнее — честь девушки замешана. Надо тоньше.

— Какой девушки – икнув спросил адмирал.

Генерал поморщился и ответил:

— Я тебе не говорил, но здесь честь моей дочери замешана. Поэтому я с тобой и встретился и разговариваю сейчас.

— Понял не дурак – встrepенулcя адмирал – давай рассказывай.

— Парень провожал мою дочь. Он заступился за ее честь, когда ее ограбили. Все кончилось нормально, ничего не случилось. Лейтенант-герой. он задержал и разоружил вооруженного ножом преступника

— Да — герой. У нас на флоте все такие?

— Да Бог с ним Федор Григорьевич. Я тебе предлагаю не обращать внимание на эти нарушения. Сам знаешь, как у нас из мухи любят слона раздувать – сказал генерал наливая адмиралу и себе коньяку из графинчика – у тебя, что в молодости не было такого?

— Такого не было — усмехнулся адмирал, поднимая свой бокал – давай выпьем

Они чокнулись и выпили.

— Другое было не хуже и даже интереснее — улыбнулся вспомнив что-то адмирал.

— Ну каждому свое. У нас с тобой война все же была в жизни — он развел руки и задумался видимо что-то вспоминая — а у них наверно свои проблемы. Ты где воевал?

— Я Илья Степанович здесь на Черноморском флоте воевал на торпедных катерах.

— Стоп, погодь малек — генерал почесал щёку — этот лейтенант рассказывал моей Натахе, что у него отец воевал тоже на торпедных катерах, но, по-моему, они сейчас на Балтике. Тебе знакома эта фамилия Степанов по службе?

— Степанов — задумался адмирал — весьма распространенная фамилия на флоте. У меня был в дивизионе служил командир катера Степанов Саня. А, как отчество этого лейтенанта?

— Александрович — усмехнулся генерал.

— Ха — сказал адмирал — не может быть. Мой Степанов Саня геройский был парень. Помню высадку в Новороссийске, его катер первым сквозь огонь подлетел прямо к причалам и высадил десант. Его ранило осколком снаряда в бедро, двух матросов убило. А он истекая кровью довел катер до базы. Мы тогда в Фальшивом Геленджике стояли на реке Мзынта. Его заслужено «Красной звездой» наградили, а надо было героя давать. Но не дали тогда разрядки на трех героев, только на двух, и мы подали, только тех, кто посмертно. Знаешь же, как было. Не мы диктовали, а геройские кадры.

— Знаю, помню я тоже не в тылу лаптем щи хлебал. Лихие нам достались годы — вздохнул генерал, что-то вспоминая свое — помянем наших ребят, не вернувшихся войны.

— Они встали и не чокаясь выпили.

Генерал поставил свой бокал, улыбнулся и весело сказал:

— А наш лейтенант Степанов тоже парень геройский. Надо бы тоже представить хотя бы «за отвагу». Все же безоружный пошел на нож ради моей дочки. Может все же сын твоего Степанова?

— Не знаю, надо будет узнать. Хотел бы я конечно своего Саню повидать — почесал ухо адмирал — потерял я его после войны. Его на Балтику перевели командиром дивизиона.

— Так видишь на Балтику, Калининград тоже в цвет.

— Да заинтриговал ты меня Илья Степанович. А может быть и тот лейтенант. Надо бы посмотреть на него, а вдруг похож?

— Я предлагаю вот, что сделать? — генерал заговорщически наклонился к адмиралу, потом посмотрел на адъютантов, сидящих за соседним столиком и продолжил — а если взять наших женщин — мою Лидию Петровну, Наташу и твою супругу — он посмотрел на адмирала.

— Ольгу Николаевну — подсказал адмирал улыбаясь

— Ну да Ольгу Николаевну — повторил генерал — всем вместе съездить в Феодосию и посмотреть на этого лейтенанта в естественной среде. Тем более, что если он сын твоего сослуживца, боевого товарища. Он же тебе тоже интересен.

Адмирал задумался, потом сказал:

— Согласен заинтриговал ты меня этим лейтенантом. Надо посмотреть. Но завтра я не могу — процедуры, а вот послезавтра корабле управления можем и в Феодосию. Они зайдут как раз в Ялту за мной. Мы в Пицунду собирались сходить. Мой Член военного Совета идет проверять базу. А зачем нам сама Феодосия? Можно прямо к борту этого корабля подойти. Посмотрим, что там и как. Заодно я проверю, как у них дела с испытаниями самолета. Давай покажем корабль нашим благоверным и твоей Наташе. Пусть посмотрит лейтенанта на службе думаю, что им все понравится

— А это возможно? Мы ничего не нарушим? Я никогда не был на военном корабле. Да и моим девушкам будет интересно все посмотреть. Я думаю, что и Наташе будет интересно увидеть своего спасителя, А то она там у меня рыдает.

— Давай нарушим все что можно? Или мы не орлы? — усмехнулся адмирал — давай еще по одной за успех задуманного. А знаешь, как во время войны мы на катере за водкой в Геленджик ходили. А Мишка Петров в Геленджик перед выходом убежал к своей любимой. А потом чуть не опоздал на выход. А это как минимум трибунал. Так он прибежал пешком через гору. Успел — адмирал тяжело вздохнул.

— Чего тяжело вздыхаешь Федор Григорьевич?

— Да не вернулся он потом из того похода. На катер успел, а их подбили у Новороссийска. Вот и вздыхаю. Знаешь, как тяжело друзей терять?

— Знаю — генерал посмотрел на адмирала почти трезвыми глазами — давай за них!

— Давай Илья Степанович. За наших ребят, оставшихся на той войне.

Они встали, и опять не чокаясь выпили.

Генерал посмотрел на адмирала и усмехнулся.

— А лейтенант у тебя боевой. Я бы его к себе взял.

— Не отдам — усмехнулся адмирал — он мой флотский. А если Санькин сын, то тем более не отдам.

Они сидели еще целый час и вспоминали войну, друзей и не было конца и края этим воспоминаниям.

Адъютанты сидели перед входом в кабинет за своим столиком, беседовали друг с другом, пили сок, и присматривали за своими начальниками, чтобы те не перебрали больше, чем можно. Иначе могут проблемы с женами.

Впереди была увлекательная поездка в Феодосию на корабле управления «Ангара»

17. Возвращение

Вечером Миша в доме Антонины Марковны с нетерпением ждал со службы возвращения Антона. Он чувствовал себя виноватым и был готов искупить вину любым способом. Он понимал, что кругом виноват и подвел Антона.

Антонина Марковна успокаивала его:

— Та не турбуйся так сынку. Антоша разумний хлопец. Вин шо-нибудь придумает.

— Да я понимаю и чувствую себя виноватым.

Она горько вздыхала и наливала ему уже пятый раз чаю.

— Попий чайок з моими булочками. Я для спекла з варенням, картоплею, капустою, грибами. Заспокойся милий, не терезай себе.

Миша вздыхал и уже который раз пил чай. Гора булочек на столе уменьшалась, но Антонина Марковна откуда-то с кухни приносила новые и сидя за столом с какой-то непонятной женской жалостью смотрела на Мишу.

После двенадцати часов пришел Антон. Увидев Мишу он всего лишь кивнул ему головой. Антонина Марковна сразу засуетилась и убежала на кухню.

— У мене там справ багато, а ви тут розбирайтеся сами. Ти Антон разумний хлопец, не ображай Мишу. Всяке буває в житті. А там де любов и дивчата дуже складно и не можна все миряти за звичними шаблонами.

— Его обидишь Антонина Марковна? — усмехнулся Антон — он сам кого хочешь обидит.

Антон повесил фуражку на вешалку и сел за стол напротив Миши. Помолчал минуту и потом сказал:

— Ну рассказывай свои небылицы и сказки. Слушаю внимательно.

— Ты Антон не думай плохого. Я без злого умысла.

Антон усмехнулся:

— Понимаю, что без умысла, но тогда, как это случилось? Как ты умудрился попасть в милицию, потом в комендатуру? Против тебя возбудили уголовное дело. Это как понять? Хорошо, что я тебе хоть отпускнуой сделал на всякий случай.

Миша тяжело вздохнул, понимая, что кругом виноват и начал рассказывать Антону все сначала с «Кометы», потом купание на нижней набережной в волне, потом купание на пляже, как ограбили Наташу и как он наказал бандитов.

— Говоришь с ножом? На набережной?

— Ну да. А как бы ты поступил Антон?

Антон задумался, потрогал пальцем бровь, кашлянул и потом сказал:

— Я не знаю. Но наверно также, как и ты. А чего эти менты к тебе тогда прицепились? Ты же выполнил их работу, задержал вооруженных преступников.

— Не преступников, а преступника. Второй сбежал – опустил голову Миша.

Лицо его пылало. Ему было стыдно. Стыдно перед Антоном.

— А с Наташей что? – спросил Антон.

— Я ее видел только в милиции и то мельком. Руки за спиной, мордой в стенку держал меня сержант.

— Серьезно тебя прищучили. Но я так не понял, что же там произошло? Как ты из героя, задержавшего преступника, превратился в уголовного? У нас на пляжах тоже воруют и тоже грабят с ножами. Есть такое. Ловим. И тех, кто помог поощряем всячески. Не каждый выйдет против преступника, вооруженного ножом с голыми руками.

Антон руками взялся за голову:

— Я сам не понимаю, как? Помог милиционеру посадить этого Гриднева в машину. А он говорит садись рядом и Наташу посадил надо в отделение подъехать. Я что сел. И Наташа села. А когда приехали меня скрутили и в камеру к преступникам, а Наташу на допрос. Потом он мне объяснил, что какие-то бабки, ничего не видевшие скорее всего сказали, что это я был вооружен ножом, а тот меня обезоружил. Свидетели.

— А, ну теперь понятно. Синдром старушки у нас это называется – он усмехнулся – ничего толком не видели, были где-то рядом и что-то слышали, но думают, что видели и сами додумывают, что там могло случиться и потом всем рассказывают. А побыть свидетелем, им даже очень интересно. Сажаят, слушают, пишут бумаги и даже дают подписать. Это интереснее, чем просто на скамейке перед домом сидеть. Хорошо, что разобрались за один день, а могли бы и неделю продержаться.

— Я это понял там в камере – усмехнулся Миша – но сделать уже ничего не мог.

— А что потом?

— А потом все просто. Пришел следователь и сказал, что на ноже моих отпечатков пальцев нет. Извинился, поблагодарил, сказал, что обязательно напишут в мою войсковую часть благодарственное письмо за задержку вооруженного преступника.

— Час от часу не легче – скривил лицо Антон и как ты на корабле будешь объяснять, как ты вместо гауптвахты оказался в Ялте? – он усмехнулся.

— Не знаю – опустил голову Антон – я попросил ничего не писать.

— Но он сказал, что могут даже представить к награде.

— Ладно – усмехнулся снова Антон — будем вместе выпутываться, раз вместе залезли. Но ты Мишка ходячее ЧП. Что не делаешь хорошее, а получается только хуже. Ладно давай дальше.

— Он сказал, что разобрался со всеми показаниями и свидетелями и меня теперь передают в комендатуру. приехал помощник коменданта. Я попросил, что раз я не виновен – пусть просто отпустят. Но он сказал, что у них инструкция, как действовать в таких случаях.

— Ну да и у нас есть такая инструкция – кивнул головой Антон.

— Хлопчики, а я вам чайку принесла з пирожками. Попий чайку Антон и станешь видразу не таким злим – с улыбкой вошла Антонина Марковна с подносом.

Антон усмехнулся. Встал прошел по комнате:

— Видишь Миша сколько у тебя заступников? Что делать. Ладно давай по чайку. А крепче нет ничего?

— Так я Шампанское купил для тебя думаю, что последний день – сказал с заискивающей улыбкой Миша.

— Ну что последний день – это ты прав. Вот твои записка об арестовании и продаттестат. Все заполнено и подписано комендантом – с этими словами он положил на стол бумаги – бери, бери все больше не могу. Что смог для тебя сделал. Ты уж извини. Хотел продлить тебе трое суток, но в этой обстановке это смерти подобно уже для меня. Сам понимаешь. Еще неизвестно чем все это кончиться. Хотя если честно надоела эта комендантская работа хуже горькой редьки. Если отправят в дивизию может будет и лучше. Я же только прикомандированный к комендатуре.

— Спасибо Антон, за то, что ты сделал – сказал Миша вставая — для меня дорого стоит. Спасибо тебе огромное. Видишь и наверно любовь свою нашел. Правда потерял, но знаю где искать и найду.

— Антонина Марковна, а у вас фужеры есть? – спросил Антон, садясь за стол.

Антонина Марковна убежала в свою комнату, смахивая на ходу слезу.

Утром Миша проводил Антона в комендатуру и пошел на рынок покупать фрукты для друзей с корабля. Он шел по Феодосии и ловил себя на мысли. Что позавчера еще ходил по этим улицам вместе с Наташей.

— Наташа, Наташа, Наташа – думал он – имя какое родное стало.

Он помнил ее глаза, овал лица, голос звучащий, как ручеек, неподражаемую улыбку и ямочки на щеках. Миша не понимал, как за несколько дней Наташа стала для него родным человеком.

— Ничего в отпуск в Питер в ЛГУ на филфак на Университетскую набережную и там обязательно ее найду. Наташа Серебрякова – очень красивая фамилия. Мне нравится – подумал Миша и улыбнулся сам себе.

На рынке он закупил овощи, там же в магазине купил вина. Все по списку. Он понимал, что донести все это до баркаса нереально и попросил шатавшегося без дела парня за рубль помочь донести до ворот бригады.

Катер должен с «Севастополя» был прийти к причалу еще через, но на причале собрались представители промышленности и офицеры штаба, идущие на корабль.

Миша попросил постеречь все его богатства знакомого из представителей промышленности, а сам побежал на узел связи извиниться, что не зашел к Володе Белову.

Они постояли, поговорили. Миша не стал рассказывать свои приключения.

Когда пришел баркас Володя помог Мише загрузить его «колониальные товары».

На прощание они обнялись и баркас отвалил от стенки.

На корабле на трапе Мишу встретили его друзья. По рации, через своих связистов он предупредил Саню Орлова.

18. Смотр

Ст. 280 Смотры служат для проверки боевой готовности, состояния корабля и его личного состава. Смотры могут назначаться заранее (плановые) или могут проводиться внезапно. Корабельный устав ВМФ.

Встреча была бурной. Ребята разбирали бутылки с вином. Пробовали виноград, хурму, яблоки и груши.

Потом собрались в каюте. Все смотрели с упоением на помидоры, огурцы. Для всех сидевших на корабле это было деликатесом.

Внезапно по корабельной трансляции раздалась команда, поданная старпомом:

— Команде приготовиться к построению на полетной палубе.

Офицеры, бросив все побежали на построение. Опаздывать нельзя ни на секунду. Старпом контролирует.

На полетной палубе по обоим бортам построилась вся команда вертолетноосца. Длинные шеренги матросов в белых робах и темно-синих беретах, изредка разрывающиеся офицерами в черных брюках, синих куртках и черных пилотках.

Старпом доложил вышедшему командиру. Командир был озабочен, он подошёл к микрофону, слегка нагнул его головку к своему рту и сказал:

— Товарища офицеры и матросы. Сегодня на корабль прибывает командующий флотом. Прибудет он через час. Поэтому объявляю большую приборку на корабле. Оперативный дежурный флотом сказал, что он будет не один. Нам надо показать корабль с самой лучшей стороны. Самолет поставить на самолетную площадку и быть готовыми показать. По команде корабль к осмотру прошу всех быть на своих местах. Старший помощник у вас объявления есть? – спросил командир старпома, стоявшего немного сзади.

— Офицеров прошу остаться после построения.

— Тогда инструктируйте и начинайте приборку – скомандовал командир.

После построения старший помощник построил офицеров. Он вышел перед строем, а потом внезапно увидев с трою лицо Степанова изменился в лице.

Да и сложно было Мишу не заметить, он стоял в первой шеренге офицеров, рядом со своим другом Саней Орловым и внутренне радовался, что снова стоит в строю друзей.

Старпом, увидевший Мишу, уже изменившимся голосом спросил:

— Всё, прибыли Степанов с гауптвахты.

— Так точно прибыл. Первым баркасом – сказал Миша, глядя в глаза старпому, остановившемуся перед ним.

— И как там гауптвахта? Посидели за решеткой?

— А я понять не мог товарищ капитан 3 ранга, где у нас гауптвахта на берегу или на корабле? Где лучше, а где хуже? – ответил Миша – а так ничего, все нормально, все понял, все осознал. На построения постараюсь более не опаздывать.

Офицеры рассмеялись. А лицо старпома стало багроветь:

— Жаль вам не добавил комендант за ваш длинный язык еще суток пять. Но наверно это даже хорошо. Знаете, как мне из-за вас попало от командира. Эти летуны – он усмехнулся видимо что-то вспоминая – к нему петицию за петицией, культпоход за культпоходом, один за другим. И герой, и летчики, и с фирмы Яковлева спецы. Мол не справляемся мы без Степанова. Самолет не летает, без такого нужного им специалиста. Была бы моя воля разложил бы вас на палубе и просто высек. А нельзя, а жаль.

Миша опустил глаза, чтобы не ответить что-нибудь острое. А очень хотелось, что он сам бы с удовольствием бы высек старпома.

Старпом видимо хотел тоже сказать, что-то сказать едкое, но еще раз осмотрев строй и увидев в нем врача, он сразу отказался от этой мысли.

— Ладно потом разберемся с вами. А пока главное для всех офицеров – он поднял голову, оглядывая весь строй – это показ корабля командующему флотом и сопровождающим его лицам. Сейчас все по заведованиям. Привести все в порядок. Вычистить, чтобы нигде не было не грязинки, ни ржавщинки, ни мусора. Чтобы все блестело и пахло. В галюнах обязательно заведующим побрызгать одеколоном для лучшего запаха. Всю медь надраить, чтобы блестела как у коты яйца. Боцман!

– Я здесь – выскочил из-за строя офицеров старший боцман мичман Грязный.

— Ты главный на баке, что бы ни одного грязного конца, испачканного кранца. Шлюпки проверь и закрой чистым брезентом. Есть у тебя такой. Что бы рында блестела и сияла, все медные леера. Трап проверь. Фалрепных матросов подготовьте с помощником. Новые маты на трап постелите.

— Так точно есть. Все сделаю.

— Надеюсь на тебя. Теперь командир БЧ-6.

— Слушаю товарищ капитан 3 ранга – ответил из строя толстенький майор Изволин.

— Вы здесь на полетной палубе все приведите в порядок. Помойте, надрайте, вылижите хоть языком, но чтобы главному ни одного замечания не сделал. Понятно.

— Так точно – вытер пот со лба майор Изволин.

— Когда командующий будет подходить объявим построение. Офицеры в желтых рубашках с галстуками и в белых фуражках, матросы в робах с красными боевыми номерами. Жаль времени у нас мало. Проверить бы всех матросов, чтобы на всех были парадные робы с красными боевыми номерами, береты были бы со звездочками. И чтобы не один разгильдяй не попался командующему на глаза.

У матросов на корабле было три комплекта роб. Первый смотровой – это белое рабочее платье с красными боевыми номерами, нашитыми на кармане, подписанное фамилией и номером военного билета, набитого по шаблону черной краской на изнанке робы и брюк, второй комплект повседневный тоже белое рабочее платье, но уже с черными боевыми номерами, тоже аккуратно подписанное и третий комплект рабочего платья, но уже темно-синий для грязных работ.

Старпом еще раз оглядел строй офицеров. Ему казалось, что чем больше он указаний выдаст, тем лучше корабль будет подготовлен к смотру.

— Все проверить лично, если кто-то где-то что-то не сделает, то поедет вслед за Степановым на гауптвахту. Благо дорожка, проторенная уже.

— Разрешите я сразу на гауптвахту без построения и приборки, давно на берегу не был. Хоть так пройти по земле – пошутил улыбаясь из строя лейтенант Жилин из РТС.

Офицеры сдержанно заулыбались.

— Жилин вы здесь на корабле у меня будете сидя на трубе кукарекать петухом и то я вас не отправлю на гауптвахту – со злостью сказал старпом – я вам прыти поубавлю здесь без гауптвахты, чтобы вы из строя не высказывали с своими дурацкими высказываниями. Всем все понятно? – спросил он оглядывая строй – ну тогда по местам.

— Стой, стой старпом – закричал замполит – у тебя что у одного объявления, Давай хоть партии слово сказать.

И офицеры уже было рванувшимся из строя остановились и снова вернулись в строй.

Замполит подбоченясь вышел из строя.

Замполита на корабле офицеры называли «хлястик». Это, прозвище он получил потому, что потому каждый раз выходя на построение у него сверху над кителем, шинелью или курткой торчала вверх вешалочка.

Вот и сейчас было похоже, что замполита только, что сняли с крючка.

— Товарищи офицеры – начал тихим и медленным голосом замполит — обязательно проверьте чтобы во всех матросских кубриках был свежие боевые листки, желательны сегодняшние, ну крайний срок вчерашние. Не перепутайте дату, чтобы не висели завтрашние или за будущий год. Напоминаю вам, что боевой листок должен быть боевитым и отражать самые злободневные моменты жизни наших флотских коллективов.

— Алексей Петрович – давайте быстрее. А то они ничего не успеют сделать – тихо сказал на ухо замполиту старпом.

— Что вы меня перебиваете – взвизгнул замполит – вы болтаете по полчаса непонятно, о чем, а когда заходит речь о партийной работе, вы почему-то считаете, что это второстепенное дело. Мол это не надо?

— Да нет Алексей Петрович. Вы извините – стал оправдываться старпом – но уже через сорок пять минут прибудет командующий и если мы их здесь будем долго инструктировать, то они ничего не успеют сделать.

— Вот вы меня перебиваете, сбиваете с мысли. Я бы давно закончил уже. А так приходится тратить из-за вас время на ненужные ни вам, ни мне препирательства.

— Продолжайте, продолжайте Алексей Петрович. Но пожалуйста только скорее – сказал старпом замполиту и отвернувшись в сторону произнес одними губами, что-то такое нелicenseприятное для замполита.

— Меня тут перебивали, и я сбился с того, что хотел вам сказать. О чем мы говорили Степанов? Замполит почесал лоб.

— О боевых листках, товарищ капитан 2 ранга – напомнил замполиту Миша.

— А! Ну да. Боевые листки должны быть боевитыми и злободневными. Они должны иметь выходные данные сегодня, ну край вчера. Все. Напрягайте ваших редакторов. Поднимайте комсомольскую общественность, ищите нужные мысли и решения.

На старпома было страшно смотреть. Лицо его покраснело, как тогда, когда выражало высшую степень недовольства и раздражения. Он стоял за спиной замполита и беззвучно шевелил губами, видимо высказывая про себя замполиту все что он думает о нем и его инструктаже. Но партия есть партия и ругаться с замполитом бесполезно, все равно будешь виноват.

Замполит продолжал:

— Теперь стенгазеты. Вывесить надо новые с сегодняшним числом. С юмором и обязательно с достижениями достигнутыми комсомольцами и коммунистами. Должны быть положительные примеры. Это мое прямое указание. С командующим будет обязательно, и сам товарищ Член.

В строю офицеров раздалось хихиканье.

Замполит поднял голову:

— Кто смеялся над моим инструктажем? Кто издевательски смеет, как будто дело партии его не касается?

Стой замер. Сейчас замполит найдет виновного и обрушит на него всю порцию злости.

— Степанов кто смелся?

— Я слушал вас товарищ капитан 2 ранга и не обратил внимания.

— Орлов кто смеялся?

Старпом только качал головой.

— Я не слышал. По-моему, чайка кричала с кормы.

— Чайка? Может быть и чайка – успокоился замполит.

— На чем я остановился Степанов?

— На том что ожидается прибытие товарища Члена

— Да, да правильно ожидается прибытие товарища Члена военного Совета. Он проверит все и если, что будет не так мы обрушим на негодеёв всю силу партийной дубинки – прямо на темечко провинившимся.

Членом на флоте называли начальника главного политуправления флота, который еще видимо для повышения статуса обязательно именовался еще по должности — членом Военного совета флота. И в разговорной речи первую должность упускали, а вторую произносили. Но на флоте, для краткости, его стали именовать просто членом, в разговорах между собой или, когда надо было сказать о нем. Но замполит из-за волнения и остроты момента забылся и назвал своего прямого начальника просто Членом.

— У меня все – он поднял голову и посмотрел на офицеров и вдруг взъелся на улыбающегося в первом строю Степанова.

— Степанов у вас на лице за похабная улыбка? Вам что-то не понравилось в моем выступлении? Что я сказал смешного?

— Ничего смешного, товарищ капитан 2 ранга – ответил Миша – я не улыбался, я слушал вас внимательно.

Ладно слушал он. Знаем вашу ехидную улыбку. Скоро перестанете улыбаться, когда я пойду вас проверять. А я пойду и обязательно вас персонально проверю, как там у ваших радистов и сигнальщиков стенгазета и боевые листки в кубриках. Я вас отучу улыбаться, когда партия говорит важные слова.

— Не везет так не везет. Прямо не знаю, что сделать, чтобы сломать это невезение – подумал Миша.

— Алексей Петрович вы все? – спросил старпом.

— Да теперь все — сказал с гордым видом замполит и отошел немного в сторону.

— Алексей Петрович, ну какая же за полчаса стенгазета? Ладно боевой листок. Вы представляете сколько надо людей оторвать от приборки и приготовления корабля к показу?

— А вы что считаете партийную работу не нужной товарищ капитан 3 ранга – спросил старпома нахохлившись замполит.

— Нет что вы – сразу открестился от вольнодумства старпом – это очень нужная работа. Но уже осталось до прибытия менее полчаса, а офицерам надо проверить объекты, проинструктировать подчиненных и привести себя в порядок, переодеться.

— Так что вы их держите так долго? – усмехнулся замполит – я буду вынужден сигнализировать в политотдел о том, как вы неумело проводите работу на корабле.

— Старпом мотанул головой, скривил рот и скомандовал:

— По местам. Выполнять все, что сказали я и замполит. Разойдись.

Офицеры рванули и вдруг замполит, что-то вспомнив очень важное закричал:

— Командирам боевых частей и политработникам остаться в строю.

Старпом схватился за голову.

Миша, что было мочи побежал готовить СКПВ и сигнальный мостик. Они находились на маршруте показа. Там уже драили швабрами палубу, протирали пыль, наводили порядок на боевых постах.

Он по ГГС связался с командным пунктом связи и попросил на связь редактора стенгазеты старшину второй статьи Полового.

Половой обладал уникальным подчерком и очень хорошо рисовал. Заодно он вел журнал суточных планов командира боевой части связи и был штатным писарем. Мише даже порой казалось, что боевой частью командует не командир БЧ, а Гриша Половой

— Гриша – трагическим голосом начал Миша – замполит срочно требует повесить свежие боевые листки и новую стенгазету.

— Сделаем – спокойно ответил старшина.

— Когда же ты успеешь?

— Сейчас перебедем на старых даты и все. Старые закрасим красиво.

— Замполит увидит будет кричать и ругаться. Говорит, что член его приедет.

— Ничего он не увидит. Мы возьмем прошлогодние – он усмехнулся — и сделаем так, что не одна экспертиза не установит.

— Ну давай. Я надеюсь на тебя. Но у тебя времени уже меньше получаса.

— Успеет Михаил Александрович – спокойно ответил Половой и отключился.

Из всех матросов Мишу по имени отчеству, а не «товарищ лейтенант» называл только Половой и

сам Миша был не против.

Теперь он вызвал старшину 2 статьи Дьяконова.

— Василий я тебя уважаю, но надо постараться. Сюда командующий придет точно и будет здесь смотреть как осуществляется управление самолетами.

— Да все будет нормально. У нас всегда будет порядок. А сигнальные свой мостик три дня назад покрасили, отдраили рыбины и снова пролачили. У них все блестит

Спокойствие старшин удивило и успокоило Мишу. И он начал вспоминать маршрут показа. Сначала из каюты командира ходовая рубка, потом носовой сигнальный мостик, потом СКПВ и кормовой сигнальный мостик, потом коридоры правого борта и кают-компания офицеров, потом медицинский блок находящийся на левом борту и нижний ангар вертолетов. Потом на подъемнике их поднимают на полетную палубу и далее осмотр заканчивают в каюте командира.

Но что-то может изменится и командующий может приказать повести его по незапланированному маршруту. При внеплановых смотрах, можно ждать любых внезапностей и вводных.

Миша посмотрел на берег. Там же где-то должны быть Антонина Марковна, Антон и многие другие интересные люди, с которыми его свела судьба. Вчера утром там была Наташа с которой они направились в Ялту.

От воспоминания о Наташе у Миши потеплело в груди. Но потом мысли о грядущем смотре командующего флота вытеснили все. Надо готовиться, надо готовить все и всех.

Миша пошел в сигнальную рубку, там сидел старшина команды сигнальщиков мичман Егоров.

— Здравствуй Саша – подал руку мичману Миша.

— Здравствуйте Михаил Александрович – ответил мичман – как гауптвахта?

Миша усмехнулся:

— Да так ничего.

— Я бы тоже хотел бы сесть – сознался мичман Егоров.

— Что там с командующим? Не знаешь?

— Почему не знаю. Все знаю. Вон смотрите. Видите, мачты показались. Это заходит на рейд корабль управления «Ангара» — бывшая яхта немецкого адмирала Денница, а сейчас правительственная яхта.

«Ангара» знал весь флот. Командующий и даже главком ВМФ выходили периодически на ней в море, а летом она моталась между Севастополем и другими элитными санаториями Крыма и Кавказа, развозя высокопоставленных начальников. Служивший на ней командиром группы специальной связи однокашник Миша Василий Егоров как-то по случаю рассказывал, что ходили даже в Румынию и Болгарию с их руководителями.

Нет Миша не завидовал Василию, но если бы ему предложили служить на белом пароходе с голубой каемочкой (как называли ватерлинию) он наверно не отказался бы.

— Черт пора переодеваться. Скажи в КПС и на ходовой, что яхта под флагом командующего флота – сказал, разглядев в бинокль на мачте выпел комфлота с тремя большими звездами на красном фоне.

— Я уже доложил на ходовой – улыбаясь сказал Родионов.

— А в КПС?

— Тоже передал. Все уже побежали переодеваться в первый срок.

— Я тоже побежал – сказал Миша.

19. Встреча

Когда он прибежал в каюту, то по трансляции прошла команда:

— Команде приготовиться в построению на полетной палубе. Офицерам и мичманам желтые рубашки, галстуки, фуражки; матросам и старшинам рабочее платье первого срока, бескозырки.

Миша, успевший надеть желтую рубашку и застегнувший на ней галстук, схватил фуражку и побежал на верхнюю палубу.

Не успел выскочить, как его поймал за рукав командир:

— Степанов бегом в КПС. Выйди на связь с «Ангарой» и запроси в какую форму одет комфлота и кто его сопровождает? Понял.

— Так точно.

— Одна нога здесь другая там.

Миша побежал в КПС.

В КПСе он схватил трубку УКВ связи и вызвал «Ангару» по каналу закрытой связи.

— Слушаю «Ангара» — последовал немедленно ответ в динамике на пульте комплекса.

— Родионова можно на связь.

— Родионов на связи.

Миша обрадовался, что однокашника не надо искать.

— Вася, это Степанов на связи. В какой форме комфлота? У нас тут переполох. Не знают в чем офицеров построить.

Василий усмехнулся и ответил:

— Желтая рубашка, галстук, фуражка. Но адъютант несет в руках черную тужурку. Черт его знает может наденет.

— Так, а кто его сопровождает?

— Какой-то армейский генерал-полковник в их форме с лампасами, наш «член» и видимо их жены. Мы их в Ялте забрали, а «член» сел еще в Севастополе со своей женой.

— Понятно Вася спасибо. С меня мускат игристый.

— Ловлю на слове – раздался из динамика знакомый голос – В Севастополе в «Нептуне» рассчитываешься. Не забудь.

— Не забуду – бросил Миша трубку и побежал на палубу докладывать командиру.

— Выскочив на палубу он увидел, что Ангара становится на якорь.

Экипаж «Севастополя» стоял построенный по правому борту в четыре шеренги.

Командир стоял у тяжелой двери и видимо ждал Степанова.

— Ну что сказали? Я бегу на трап встречать. Беги за мной.

— Комфлота в желтой рубашке и фуражке – побежал Миша за командиром – но адъютант в руках имеет черную тужурку. С ним следует какой-то армейский генерал-полковник, наш Член военного совета и видимо жены.

— Ну обрадовал – остановился командир, почесал за ухом – если главком наденет черную тужурку, и мы также должны быть одеты. Беги ко мне в каюту и передай вестовому, чтобы срочно мою тужурку принес на трап. И передай старпому, что бы готов переодеть офицеров и мичманов.

Миша побежал в каюту командира и передал приказание вестовому. Тот схватил тужурку командира и понесся вниз. А Миша побежал за ним на полетную палубу.

Он быстро окинул рейд и увидел, что нескольких кабельтовых «Ангара» уже встала на якорь и там спускали катер для комфлота и сопровождающих лиц.

Миша подбежал к возглавляющим строй старпому и замполиту.

— Товарищ капитан 3 ранга – обратился он к старпому – командир просил передать, чтобы вы были готовы дать команду переодеть офицеров и мичманов в черные тужурки.

— Степанов. Знаешь, что делали с гонцами, приносящими плохую весть в Золотой орде?

— Не знаю товарищ капитан 3 ранга. Разрешите встать в строй.

Старпом повернулся к Мише и четко выговорил:

— Гонцам, приносящим плохую весть, ломали позвоночник.

— А я при чем? – сказал Миша.

— А кто виноват — в тон ему, ответил старпом – ты принес плохую весть. Значит тебе и ломаем позвоночник. Ты объясни мне, как я успею переодеть офицеров и мичманов в тужурки?

— Степанов, а Член военного совета тоже идет? – спросил замполит.

— Так точно идет передали с «Ангары».

— Вы успели выпустить стенгазету и боевые листки?

Старпом поморщился, как будто у него заболел зуб и отвернулся в сторону, чтобы замполит этого

не увидел.

— Так точно успели — сказал наобум Миша.

— Ну смотрите товарищ лейтенант, если вы меня обманываете, то партийная дубинка неминуемо обрушится на вашу неразумную голову. И вам станет сразу ой как больно. Но если успели, то хорошо, учтите, что я поведу члена военного Совет смотреть стенгазету именно в ваш кубрик.

— Зам становись в строй. Катер отвалил от «Ангары». Идет к нам.

Миша выдохнул воздух и побежал занимать свое место. В строю он не увидел Полового и спросил старшину команды радистов мичмана Сергеева:

— Где у на Половой?

— Он рисует газету и боевые листки. Просил передать, что все сделает.

Миша встал в строй и внезапно по стою передали:

— Старпом приказал офицерам и мичманам быть готовыми бежать в каюту и надевать черные тужурки и снова на построение. Задача успеть, если будет команда.

Стоявший недалеко штурман Орлов улыбался во весь рот. Увидев Мишу он сказал:

— Миха тут у нас бесплатный концерт художественной самодеятельности. Представляешь, что будет, если главком придет в черной тужурке?

— Я бы, если бы был на месте командира дергаться не стал. Получил бы замечание, что что-то не так. Ведь главком не убьет, не зарежет.

— зарежет. Знаешь, как они за должности свои держаться. Да не дай Господь одно замечание.

По корабельной трансляции раздалась команда:

— По правому борту встать к борту.

Офицеры приложили руки к фуражкам, отдавая воинскую честь.

— В желтой рубашке идет. Значит не надо бежать переодеваться – сказал тихо Саша Орлов.

Было видно, как катер командующего с кормы заходит к правому трапу. В Кормовом отсеке стояли отдавая честь два адмирала, и генерал-полковник в зеленой рубашке и брюках с ярко красными лампасами и отдавали честь флагу корабля. Рядом с ними стояли женщины в цветастых платьях. Крючковые в белых форменках стояли как древние рыцари с крючками в носу и на корме катера наклонив длинные крючки вперед.

— Красиво лампасы смотрятся. Ой красиво. Были бы сейчас казаки, я бы не на флот пошел, а именно в казаки – тихо сказал Саша Орлов, отдавая честь, подходившему катеру.

— В казаки всех не брали, а только потомственных — заметил стоявший во второй шеренге Жилин.

— А я и есть потомственный казак – сказал Саша Орлов – мои предки со станицы Беломечетинской Всевеликого войска Донского. Жаль, что служба казачья кончилась в 1918 году.

— Не в 1918 — поправил Миша, увлекавшийся историей – а в 1945 году, когда закончилась война. Казаки участвовали в параде на Красной площади, а потом их упразднили.

Мише внезапно показалось, что среди женщин, он увидел знакомую фигурку Наташи в белом платье.

— Теперь Наташа будет видаться во всех женщинах – подумал он – показалось.

По трансляции горнист заиграл горном «Захождение»:

— Та-та-та. Та-та-та – разносилось на весь рейд.

Миша подумал, что наверно горн слышен и в Феодосии.

Катер скрылся уже, под правым бортом и снизу раздалась громкая команда «Смирна!»

Командующий ступил на трап корабля. Миша представлял, как его за руки поддержали фалрепные матросы. Видимо сейчас командир докладывает командующему. Сколько раз Мише приходилось стоя вахтенным офицером у трапа участвовать в этом ритуале встречи.

Тут же на рее, вместо вымпела длинного корабля (называемого матросами – «рубль») взлетел большой вымпел командующего флотом.

— Кругом скомандовал старпом. Перестроиться в две шеренги по обеим бортам. БЧ-5 и БЧ-6 побежали на другой борт, где было их место построения.

Старпом вышел на середину между двух строев, на самолетной площадке. Рядом с ним стоял замполит и трансляторщик БЧ-4 рядом с микрофоном.

Старпом подошел к микрофону и дунул в него, потом поняв, что микрофон работает скомандовал:

— Подравнялись. Вид бравый. Улыбки на ширину приклада. Бескозырки и фуражки на два пальца

над правой бровью один палец на левой. Поправили. У кого ботинки не блестят, как яйца у кота почистить о брюки сзади и потом отряхнуть их.

Все стали поправлять фуражки и чистить ботинки о свои брюки.

— Смирна – скомандовал старпом, увидев, как тяжелая дверь выхода на полетную палубу открылась и в не вошел сначала адъютант с черной тужуркой в руках, придерживавший дверь, а за ним появился и сам командующий флотом. Вслед за ним на палубу вышли вице-адмирал, член военного Совета, потом высокий генерал-лейтенант, а за ним появились женщины, аккуратно переступавшие через высокий комингс двери.

Ветер развевал их платья, и они придерживали их. Но так они стояли вроде как бы за строем, Миша только увидел мимоходом и стал смотреть сразу вперед на комфлот, выполняя команды.

— Равнение на середину – скомандовал старпом и направился навстречу командующему флотом. Когда он подошел на расстояние в метра три он остановился. Остановился и командующий флотом. Старпом доложил:

— Товарищ адмирал личный состав вертолетоносца «Севастополь» для смотра построен. Старший помощник командира корабля капитан 3 ранга Вертицкий.

Командующий флотом пожал старпому руку и обойдя оба строя, направился к микрофону.

Старпом и командир шли за ним немного сзади.

— Здравствуйте товарищи черноморцы – обратился он к экипажу.

— Здрав. желаем товарищ адмирал – прокатилось по рейду.

— Поздравляю вас с благополучным началом испытания нового самолета!

Урааа, Урааа, Урааа – разнесло опять на весь рейд.

Когда звуки затихли командующий флотом что-то спросил командира, а потом обратился по трансляции к экипажу.

Я к вам прибыл на корабль с гостями, прошу показать ваш корабль с лучшей стороны. Командуйте командир.

— Корабль к смотри изготовить. Разойдись!

И матросы, и офицеры с мичманами понеслись во все люки двери. Раздался топот сотен ног, лязганье открываемых люков и тяжелых дверей.

Миша постарался пройти подальше от стоящих гостей, которые отошли от двери подальше. Боковым зрением он увидел, что замполит подошел вице-адмиралу и что-то ему докладывает, а тот о чем-то его спрашивает. Он не успел ничего заметить, как толпа матросов занесла его в продольный коридор правого борта.

— По правому борту в нос, по левому в корму – вспомнил он выписку из корабельных правил – по правому борту вверх, по левому вниз.

Он бежал на СКПВ, который должен был представлять на маршруте показа. Перед ним бежали матросы, старшины, мичмана офицеры. Хлопали двери, люки, гремели по трапам тяжелые яловые и хромовые ботинки.

На СКПВ был уже старшина Дьяконов.

— Чисто? – спросил Миша.

— Вроде все нормально.

Миша подошел к радиостанциям, открыл ящик металлического стола на котором они стояли и чуть не упал. В ящике лежали ушитая белая форменка и альбом старшины.

— Дьяконов ты меня убить хочешь? Или, хочешь, чтобы меня комфлот убил или разжаловал в старшины? – спросил строго Миша.

— Сейчас уберу – смутился Дьяконов

— Он быстро отвинтил несколько гаек с кофердама под столом, снял металлическую крышку и забросил туда форменку и альбом. Потом закрыл крышку и завинтил.

— Все убрано. Извините товарищ лейтенант, забегался. Совсем забыл

— Да нашел бы их комфлот и я не знаю, что мне бы сделали. Форменка форменкой, а вот фотографии у тебя наверно огого. Во всяком случае гауптвахта показалась бы мне санаторием, а могут ведь и звездочки снять.

Дьяконов стоял перед Мишей с виноватым видом.

Миша тяжело вздохнул:

— Ладно проехали. Что сделано, то сделано. Видимо они пошли уже. Надо быть готовым встречать. Еще раз вспомни, нигде больше нет проблем.

— Вроде нигде. Хотя после этого все может быть. Сейчас проверю.

— Давай проверяй.

Миша понимал, что ругаться на Дьяконова сейчас бесполезно. Надо делать то, что можно делать, а что нельзя уже не сделаешь. И его охватила какая-то апатия.

По корабельной трансляции раздалась команда дежурного по кораблю:

— Корабль к осмотру.

Миша посмотрел на Дьяконова. Дьяконов посмотрел на Мишу.

— Ну что двери открыть. Ждем проверяющих. У меня все нормально по форме одежды?

Дьяконов критически осмотрел Мишу:

— Так если присматриваться и придирааться, то чехол на фуражке можно было бы простирнуть. Ботинки не совсем свежие. Я вам сейчас дам щетку.

— Давай быстрее – сказал Миша – я же с берега сегодня и времени привести форму в порядок не было. Сразу наехало.

— Понятно – с этим словами Дьяконов вытащил из какого-то ящика под монитором станции РЛС черную щетку и гуталин – только быстро, а то могут прийти к нам.

Миша быстро намазал ботинки гуталином и стал наяривать щеткой.

— Бархотки нет?

— Нет. Не выдавали пока.

— Понятно для таких случаев надо бы иметь.

Ботинки Миши приняли сверкающий вид.

По коридору прогрохотал тяжелыми яловыми ботинками молодой матрос. Он на секунду остановился, посмотрел на открытую дверь за которой стояли Миша и Дьяконов:

— Идут, товарищ лейтенант.

И тут же хлопнула тяжелая дверь и он скрылся на сигнальном мостике.

Миша посмотрел на Дьяконова, тот внезапно, видимо даже для самого себя, быстро перекрестился и принял стойку смиренно.

В проеме двери появился замполит, показал Мише кулак и крикнул в сторону трапа:

— Товарищ командующий. Вот наш стартовый командный пункт вертолетов. Отсюда осуществляется управление вертолетами и самолётом.

В коридоре послышались шаги многих ног. Замполит посторонился и в проеме двери показался командующий флотом с тремя большими звездами на погонах.

— Смирно – закричал Миша и строевым шагом направился навстречу ему.

За пару шагов он остановился и громко доложил:

— Товарищ адмирал! Стартовый командный пункт вертолетов к смотру готов. Командир группы специальной связи лейтенант Степанов и отступив в сторону, пропустил командующего.

Командующий прошел к фонарь СКПВ. За ним последовала группа офицеров, какой-то высокий генерал-полковник с красными лампасами на зеленых брюках и несколько женщин в цветастых платьях. И среди них Миша внезапно увидел Наталью. Она шла последней. Он хотел бежать за командующим, но при виде Натальи ноги него сразу же онемели.

Они стояли, как околдованные и смотрели друг на друга.

— Товарищ лейтенант. Где вы там потерялись – раздался резкий голос командующего.

— Я иду – ответил Миша и стал проталкиваться в фонарь СКПВ.

Перед ним все расступались. Он увидел Дьяконова, стоявшего в глубине и СКПВ, который старался на глаза командующего не попадаться. Видимо выполнял основной флотский закон – подальше от начальства и поближе к камбузу.

Миша выскочил из темноты в СКПВ и увидел, как в фонаре теснятся командующий какой-то вице-адмирал и тот высокий генерал-полковник.

Почувствовал несильный удар по ноге и увидел в общей толпе сопровождающих старпома, который сделал гневное лицо.

— Где ты пропал? Чучело? Встречай комфлота.

— Как твоя фамилия лейтенант — спросил командующий, протиснувшегося к нему лейтенанта.

— Лейтенант Степанов – молодцевато и громко ответил Миша.

Он увидел, как генерал-полковник, стоявший сбоку, толкнул командующего в бок. Тот сел в кресло руководителя полетов, повернулся к Мише и тихо спросил:

— Степанов, а скажи-ка нам, твой батя не воевал на Черноморском флоте, на торпедных катерах.

Он внимательно посмотрел Мише в глаза. Миша покраснел. Не ожидал он такого каверзного вопроса об отце.

— Так точно воевал – ответил, придя немного в себя, Миша.

— Офицером воевал? – продолжал насесть комфлот.

— Так точно командиром катера. Он Каспийское училище закончил и его отправили служить на торпедные катера.

— Судя по всему, я его знаю, если конечно его зовут Александром?

— Так точно Александр Гаврилович. И он мне говорил, что вас знает. Гордиться что его командир стал командующим флотом

Он увидел, как генерал-полковник снова слегка толкнул командующего сзади.

— Так товарищ Степанов, передай своему отцу, что его бывший командир звена хочет его обязательно видеть в Севастополе. Как только будет в Крыму – пусть сразу мне позвонит. Мой адъютант даст тебе телефон. И я его лично встречу.

Командующий потер видимо вспотевшие руки.

— Ну что Илья Степанович – обратился он к генерал-полковнику – а пойдем смотреть самолет? Видишь выкатили на палубу. А то лейтенанта мы вроде так расстроили, что он того и гляди упадет.

Миша посмотрел в иллюминатор и увидел, как техники в летних светло-голубых комбинезонах закрепляют самолет на самолетной площадке.

Командующий встал. Все тут же перед ним расступились. Командующий увидел, стоявшего по стойке смирно командира.

— Командир, а ты в свете полетов самолета с палубы вашего корабля не думаешь, что у вас теперь здесь на стартовый командный пункт вертолетов, а стартовый командный пункт авиации. Устарело название. Надо бы сменить.

— Так точно устарело. Мы это исправим – ответил откуда-то из-за толпы сопровождающих командир – Степанов смените название на входе и впредь называть стартовый командный пункт авиации.

Командующий посмотрел на Мишу, пожал ему руку, и направился на выход.

Вслед за ним Мише руку пожал вице-адмирал, стоявший рядом и побежавший сразу за командующим, последним пожал ему руку генерал-полковник, который почему-то сам ему представился:

— Генерал-полковник Серебряков Илья Степанович. Отец Наташи. Спасибо тебе лейтенант за дочь.

Мишу бросило в жар.

- Откуда он все знает?

Понимая, что лейтенант сейчас занят, команду смирно выходившему из поста командующему прокричал старшина Дьяконов.

— Вольно – раздался из-за дверей голос командующего и потом он внезапно сказал — Борзов ты слышал. Дать лейтенанту Степанову мой домашний телефон. Выполняйте.

— Так точно товарищ командующий, сделаю – ответил невысокий капитан-лейтенант.

Миша обратил внимание, что за спиной генерал-полковника стоит моложавая светловолосая женщина и очень внимательно смотрит на него. А потом вдруг она тоже протянула ему руку, а когда он ее пожал, она сказала улыбувшись:

— Лидия Петровна Серебрякова. Я мама Наташи. Мне очень приятно видеть вас и познакомиться.

Миша машинально пожал ей руку, но что говорит не слышал и не воспринимал. За спиной Лидии Петровны стояла сама Наташа.

— Ладно Лидия Петровна. Пойдем, самолет смотреть. Наташа ты с нами.

— Я вас догоню – крикнула Наташа.

Внезапно к Мише подошел какой-то капитан-лейтенант, заслонивший от него Наташу. Он что-то говорил ему, но он не воспринимал. Он видел только Наташу, которая критически и довольно улыбалась.

Адъютант командующего сунул ему в руку какую-то бумажку,

- Не потеряй. Телефон командующего

Миша машинально положил ее в карман брюк.

Когда он с Наташей остались на СКПВ вдвоем, не считая старшины Дьяконова. Миша протянул Наташе руки.

— Так вот ты какой лейтенант Степанов? — сказала она, слегка наклонив в бое голову и посмотрев на него вроде с укором – а я действительно поверила, что ты простой инженер с ЛИТМО.

Миша вздохнул тяжело. Врать он не привык, но его была не его тайна.

— Наташенька милая прости меня пожалуйста. Так было надо. Это был не мой секрет, и я не имел права его разглашать. Я мог сильно подвести товарища. Кстати я тоже думал, что тебе военные не нравятся.

Она усмехнулась:

— С таким папой, разве военные могут не нравиться. Вся жизнь по гарнизонам среди военной формы. Родилась в Забайкалье, потом Германия, потом Москва – папа в академии Фрунзе учился, потом Самара, потом Закавказье, потом Питер. Только и успевали вещи собирать и переезжать. Сейчас вроде успокоились, но надолго ли. Мама говорит, что папу могут в Москву теперь назначить – она тяжело вздохнула и потом четко выделяя каждое слово произнесла - ну как можно не любить военных, когда у мой любимый человек такой brave флотский офицер. Я обожаю тебя и всех флотских офицеров, с того момента как увидела тебя в офицерской форме.

Мишу от этих слов бросило в жар. Он не ожидал, что Наташа признается ему первой. Он думал, что надо подарить цветы и потом встав на колени преподнести обручальное кольцо и сказать – будьте моей женой. А здесь все так просто.

- Я тебя никогда Мишенька не брошу. Я всегда буду тебя ждать. Я всегда буду самым близким твоим другом. Теперь твои проблемы – это мои проблемы.

Она признавалась в любви впервые в жизни. Она не ожидала этого от самой себя. Внутренне она ругала себя за это, но понимала, что потерять Мишу второй раз она просто не сможет, не переживет.

Миша внезапно прижал ее и почувствовал биение ее маленького сердечка.

Ему хотелось говорить ей о своей любви, но он не мог найти слов. Объятия были важнее и главнее любых слов.

Дьяконов тактично ушел в глубину боевого поста и отвернулся вроде как занимаясь своими делами.

- Наташенька милая я тоже не хочу потерять тебя.

Он остановился, но она не отстраняясь вдруг сказала:

- Жалко, что времени нет и мне надо догонять родителей. Но ты не теряйся. Не вздумай. Я тебя все равно найду. Ты теперь мой и больше ничей.

И потом вдруг резко отстранившись, пока Миша искал слова сказала с улыбкой, держа его за руки:

— Ну нам с тобой все же очень повезло Миша, что ты в Севастополе служишь, а не где-то на крайней точке. Какая красивая игра слов в Севастополе, на «Севастополе».

Миша горько усмехнулся:

— Сейчас в Николаеве уже строят настоящие авианосцы «Азов», «Брест», «Смоленск». Одни уйдут на Северный флот, другие на Тихоокеанский. Так, что скорее всего в Севастополе и на «Севастополе» я долго не засижусь. Флот строиться уходит в океаны.

- Миша где будешь ты, там буду с тобой и я. Ты не смотри, что я генеральская дочка. Я знаю, что такое военная служба и какой должна быть офицерская жена.

У Миши запершило в горле.

- Ну вот она все сказала за меня – подумал он – какие еще надо сказать ей слова? Что люблю? Что хочу быть с ней?

Наташа увидев смущение Миши спросила, пристально глядя ему в глаза:

- Миша может у тебя другое мнение? Может я тебе не нравлюсь? Может у тебя есть девушка?

- Нет милая Наташа – быстро заговорил он – с тех пор, как мы познакомились я думаю только о тебе, вернее о нас вместе. Я тебе благодарен, что ты все мне сказала и со своей стороны хочу тебя заверить, что я горжусь, что меня любит такая девушка как ты, и хочу до конца жизни быть только с тобой.

Она опять прижалась к его телу, обняв руками и подняв верх голову нашла его губы.

Дьяконов что-то уронил, и они сразу отстранились друг от друга.

- Товарищ лейтенант извините. Отвертка упала. Я не хотел.

Наташа засмеялась и Миша с удовольствием слушал ее смех, напомиравший ему звон колокольчиков.

— Миша, а пойдем на полетную палубу вместе. Ты мне корабль покажешь – предложила Наташа и посмотрела Мише в глаза.

— Мне нельзя Наташа – пожал плечами Миша - я офицер и у нас смотр. Я обязан быть здесь на СКПВ – но потом что-то вспомнив добавил – на СКПА.

— Но ведь посмотрели тебя уже.

Миша развел руками и горько усмехнулся:

— Наташенька такие наши морские порядки. Вот дадут отбой осмотра, когда вас поведут обедать в салон командира, тогда я смогу отойти от места.

— Ну хоть проводи меня до полетной палубы – лукаво посмотрела на Мишу Наташа – а то я потеряюсь. А здесь моряки сам знаешь, как опасно. Или нет?

Миша беспомощно посмотрел на Дьяконова. Тот улыбался:

— Конечно, проводите товарищ лейтенант девушку. Сюда уже не поднимутся. А вы быстро туда и назад до дверей.

— Пойдем — сказал Миша Наташе.

Он взял ее за руку, и она просияв пошла вслед за ним.

— А хочешь с сигнального мостика посмотреть сверху на полетную палубу? – спросил внезапно он.

— Хочу. С тобой я все хочу – ответила она.

И они вышли на сигнальный мостик. Сигнальный мостик как бы нависал над полетной палубой. На мостике находились несколько сигнальщиков. Они стояли на бортах. Из сигнальной рубки выглянул старшина команды сигнальщиков, увидев Мишу он приветливо махнул рукой.

На полетной палубе стоял недавно выкаченных из верхнего ангара самолет. Вокруг самолета стояла толпа прибывших. Миша сразу заметил Наташиных маму и папу, стоявших впереди. О самолете, что-то рассказывал командир БЧ-6 майор Петрук.

Потом он повел всех осматривать самолетную площадку. Было видно, что всем смотр понравился. Даже суровый всегда командующий флотом, был явно доволен.

Генерал-полковник посмотрел наверх и увидев Мишу с Наташей – приветливо помахал им рукой.

Наташа помахала ему в ответ.

Миша обратил внимание, что мама Наташи как-то странно смотрит на них.

Внезапно он увидел, что его заметил старпом и машет ему кулаком.

— Пойдем Наташа – как можно спокойнее сказал Миша – мне нельзя здесь находиться. Я провожу тебя до полетной палубы.

Она посмотрела на него и согласилась. Когда со света, они вошли в пустой коридор, Наташа повернулась, и Миша почувствовал, как ее руки обвили его тело, она прижалась к нему всем телом. Он почувствовал ее губы на своих. Они слились в долгом поцелуе.

Когда они оторвались друг от друга, то Наташа сказала:

— Я очень боялась и боюсь потерять тебя.

— Я тоже. Но я не мог в Ялте – он улыбнулся — помощник коменданта меня лично отвез на автовокзал и отправил меня в Феодосию. Увидеться с тобой я никак не мог, даже если бы очень захотел.

— Я это понимаю. Я понимаю мой милый, что ты не можешь, мне всего рассказать. Я чувствую здесь какую-то недоговоренность. Но обещаешь мне, когда будет возможность мне все рассказать?

— Да конечно обязательно расскажу, а если будет возможность с тобой попасть в Феодосию, то познакомлю тебя со своими друзьями Антоном и Антониной Марковной.

— А почему ты не можешь попасть в Феодосию? Что случилось?

— У нас нет схода на берег. Командование объявило, что там холера.

— Какая холера?

— Не знаю – ответил Миша – нам объявили и нет никакого схода на берег. И мы не сходим уже третий месяц.

— А ты как туда попал? – спросил Наташа снова прижимаясь к нему.

— Вот это и есть моя тайна, о которой я сейчас не могу говорить – он ласково погладил ее волосы – но я обязательно тебе потом расскажу. И потом я бы нашел тебя в Ленинграде.

— Где, как? Я очень хочу стать твоей. Твоим другом, твоей любимой, твоей женой, матерью твоих

детей.

Миша от таких признаний только сильнее покраснел у него опять помутилось в голове.

— Я бы в отпуске пришел бы в твой универ, на твой факультет и ждал бы пока ты не выйдешь – он улыбнулся и посмотрел ей в глаза.

— Да так наверно можно – сделал она серьезное лицо – но это очень долгий путь. Я бы вся извелась.

Где-то рядом хлопнула закрываясь тяжелая дверь или люк.

Наташа отстранилась.

Миша вздохнул:

— Пойдем быстрее, а то наверно тебя потеряли родители.

— Да я знаю, что надо идти, но я не могу ничего с собой поделывать. Мне очень хочется целовать тебя в губы, ласкать тебя, гладить тебя чувствовать биение твоего сердца.

Миша заулыбался и обняв ее еще раз поцеловал.

- Разве можно отказать в желаниях девушке? – думал он - это может сделать кто угодно, но только не морской офицер.

На трапе где-то рядом послышался какой-то шум, и Миша оторвавшись от губ Наташи, увидел на трапе голову замполита.

— Я ничего не видел Степанов, но вы явно занимаетесь не тем, чем можно и нужно заниматься. Я пошел найти потерявшуюся на корабле девушку и нашел случайно здесь вас. Идемте со мной – галантно предложил он Наташе – меня зовут Алексей Петрович. А вас?

— Меня зовут Наташа – ответила она и пожав Мише руку, пошла за замполитом – и улыбнувшись добавила. Для вас Наталья Ильинична.

— А ты Степанов смотри – погрозил замполит - сейчас мы с членом пойдем посмотреть твои кубрики. Если что не так, то я тебя потом на комитете комсомола разберу на запчасти.

— С каким членом? – удивилось остановившись Наташа, не понимая флотского сленга.

Замполит смутился и начал выкручиваться:

— Членом военного Совета флота, вице-адмиралом. Он с вами приехал.

Она весело побежала вперед и за ней с трудом поспевал замполит.

Миша стоял счастливый. Он чувствовал на своих губах сладость ее губ, ее помады и думал, что теперь его точно накажут еще раз. Замполит все видел так не простит, и старпом тоже.

Радовало только, что по возвращении сиз Феодосии они уходят на боевую службу менять в Средиземном море однотипный вертолетоносец «Кронштадт», который ждет там «Севастополь» и проклинает все несвоевременные испытания самолетов. И пока «Севастополь» не вернется «Кронштадт» будет ждать его в Средиземном море.

Старшина Дьяконов, при прибытии Миши на СКПВ вежливо спросил?

— Товарищ лейтенант. Это ваша знакомая? Красивая. Мне очень понравилась.

— Я сам знаю, что красивая – ответил Миша – красивее нет.

— Ну не скажите, вот у меня ждет со службы в Перми Ксения. Очень красивая – он пожал плечами — я сам себе завидую.

Миша не стал с ним спорить. Он понимал, что для каждого мужчины есть своя самая красивая девушка, красивее которой нет и быть не может.

Осмотр корабля закончился лишь через час.

— По трансляции раздалась команда отбоя.

Три раза пикнули колокола громкого боя и раздалась команда дежурного:

— От мест отойти. Команде руки мыть. Приготовиться к обеду.

Генерал-полковник заинтересовался и спросил у комфлота:

— Федор Григорьевич ну вас все забюрократизировано. Ужас. Руки мыть. Еще в туалет сходить.

Так вы матросов совсем отучите думать, что они должны делать.

Адмирал усмехнулся:

— Ну не все так у нас плохо Илья Степанович. Традиции есть традиции, и их надо соблюдать. Команда руки мыть, связана с недостатком питьевой воды в системе корабля и поэтому, когда подается эта команда, то все члены экипажа идут мыть руки, лицо, потому что знают, что в это время подадут воду. А в другое время вода есть в бачках, но ее ограниченное количество.

— Да надо же как все сложно водоплавающие – ответил генерал – а как с туалетом? Там же тоже нужна вода.

— С туалетом проще, туда подается забортная вода и она есть все время. Сложнее с помывкой, я имею ввиду с баней. На кораблях этого проекта подается холодная вода и отдельно пар. Есть смеситель, но его надо настроить. Дается только с опытом. Но можно или паром ошпариться, или с непривычки под холодную воду угодить. Все приходит с опытом. Извините, а как у вас в боевых условиях обстоит с помывкой?

Генерал смутился:

— Так моемся по возможности. Делаем в палатке баню, подаем туда воду.

— А откуда подаете?

— С речки или машина приходит с цистерной.

— Понятно, а у нас кругом море и взять холодную воду неоткуда. Море кругом. Испарителей хватает ненадолго и ненамного. Вот у нас на торпедных катерах была беда. Туалета нет совсем. И если приспичило пардон – он оглянулся на женщин.

Они стояли и делали вид, что не слушают, хотя конечно эти вопросы были им весьма интересно и уши их как локаторы направлялись видимо в интересующую их сторону.

— И как вы выходили из положения, когда вдруг – спросил заинтересовавшийся генерал.

— Просто. Ходили за борт с кормы.

— А если по большому возникла нужда?

— Тогда беда – адмирал развел руки – приходилось на полном ходу, когда катер идет на редане, а сзади бурун выше палубы, вылезать за борт и делать свое дело. В буруном заодно так подмывало хорошо, что бумажка была не нужна.

— Вы преувеличиваете Федор Григорьевич – вдруг сказал, молчавший до этого член Военного Совета – сейчас на новых ракетных катерах и кораблях есть хорошие гальюны.

— Я преувеличиваю? – засмеялся адмирал – да знаешь Семен Васильевич, сколько раз я сидел за бортом в позе ковбоя, держась за леер одной рукой, а другой снимая и надевая штаны. Вот в войну с нами ходил один орел из штаба и ему приспичило на переходе. Ночь, прожектора, где-то самолеты чужие гудят. Затемнение полное. Напряженка страшная, ждем встречи с немецкими катерами. А этот прыщ, вдруг говорит – хочу по-большому. Мочи терпеть нет. Я с мостика уйти не могу и показать, что как. Показывал ему старшина-минер, как это делают на торпедном катере. Этот штабной прыщ залез, ка ему показали, за леера, а штаны снять не смог, так всю кучу наложил в штаны, а снизу его подмыло и намочило. А потом от него несло страшно, что невозможно было стоять рядом. Переодеться то не во что. Постирали его форму как это мы делаем на флоте.

- А как вы делаете – заинтересовался генерал.

Командующий флотом усмехнулся и потом сказал:

- Привязываются брюки покрепче, чтобы не оторвало концом и выбрасываются за борт. А там на скорости катера стираются сами.

- Чем привязываются? – заинтересовалась жена генерала.

Командующий смутился понимая двусмысленность своей фразы:

- Ну концом – это трос такой на флоте, мы называем концами. Ну как еще назвать?

- А понятно – сказала разочарована генеральша – а я не поняла.

Жена комфлота посмотрела на нее с видимым превосходством.

А командующий чтобы уйти поскорее от нежелательных ассоциаций и расспросов закончил:

Не буду фамилию его называть. Известный был в те годы человек и начальник, потом адмирал и в немалых чинах. А надо же, как.

Генерал улыбаясь помахал головой, представляя, как это было. Остальные смущенно замолчали.

— Ладно есть еще одна еще одна традиция- продолжил комфлота — и чтобы исполнить ее, нам придется ненадолго оторваться от наших дам. Замполит бери, пока наших дам на себя, пока они не слышат и организуй им помывку рук и всего, что необходимо перед обедом, и туалет, чтобы без приключений и проблем. А мы пока пройдем к командиру в салон и подождем их там – комфлота потер руки.

Замполит предложил дамам пройти с ним помыть руки и посетить перед обедом интересные места.

Когда они ушли, командующий посмотрел лукаво на командира и вдруг спросил:

— Помывка рук помывкой, а скажи-ка командир, а чем сегодня командир руки моет?

Генерал недоуменно посмотрел на командующего, не понимая смысл сказанного.

Командир же все понял и услужливо ответил, сохраняя собственное достоинство:

— Командир руки моет армянским коньяком пять звездочек, есть водка посольская.

— Ну пойдем по рюмочке перед обедом коньяка для аппетита примем- сказал командующий хлопнув командира по плечу.

Командир зашел в каюту, открыл ключом навесную полку на постелью. Потом отодвинул в сторону дверцу и засветилась цветомузыка и включился видимо магнитофон:

— Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил! Выпил рюмку, выпил две – зашумело в голове -раздалась знакомая мелодия.

В баре на ярко красном сукне стояли бутылки, многократно отражающиеся в разноцветном освещении и множестве зеркал, там находящихся.

Командующий оценивающе осмотрел бар:

— Хорошая вещь командир. Заценил. Где достал?

— В заводе сделали корабельные умельцы. Когда самолетную палубу ставили товарищ командующий.

Командир достал бутылку армянского коньяка, несколько металлических бокалов и быстро стал в них разливать коньяк. Потом достал из бара шоколадку, раскрыл ее и разломил на множество частей и положил на тумбочку, стоявшую рядом с койкой.

— Ну приятного аппетита – предложил командующий

Все присутствующие подняли бокалы, чокнулись и выпили. Закусили шоколадками.

— А теперь можно к столу – предложил командир.

— Закрой сначала свое великолепие – засмеялся командующий – и напряги своих умельцев сделать такой же бар своему командующему. А то как-то некрасиво получается у командира «Севастополя» есть, а у командующего флотом нет.

— Сделаем товарищ командующий. Приглашаю к столу.

Все прошли в салон. Через пару минут замполит привел женщин, оживленно делящихся между собой впечатлениями.

Посредине большого помещения был накрыт стол на котором стояло множество закусок, дымились аппетитные тарелки с флотским борщом. Перед каждым местом стоял бокал с морсом видимо бывшим в холодильнике от чего бокалы начали отпотевать.

Сели командующий с супругой, член Военного совета с супругой, генерал-полковник с супругой и Наташей и командир.

Замполит, потолкавшийся недолго в дверях убежал обедать в кают-компанию офицеров.

В дверях стояли кок и вестовой как в идеально белой одежде и высоком колпаке, а вестовой в белой форменке и белых брюках.

Разговор при обеде шел о корабле. Женщины восторгались кораблем, чистотой, самолетом, видом команды. Командующий снисходительно улыбался.

Внезапно Наташа спросил командира:

— Товарищ командир наверно интересно стоять в Феодосии?

— Да конечно очень интересный, исторический город?

— Ваши матросы и офицеры наверняка посетили галерею Айвазовского, музей Грина, Генуэзскую крепость? Наверняка такой, как вы командир организовал экскурсии?

— Да, конечно, безусловно — покрывлся потом и краской командир.

— Все смотрели с недоумением на Наталью и командира.

Наталья улыбнулась и внезапно сказала:

— А вот один матрос, я его остановила сказал, что у вас третий месяц нет сходов на берег, потому, что в Феодосии им объявили, — она сделала паузу и потом торжествующе сказала — что свирепствует холера.

Мама под столом надавила Наташе на ногу, но остановить ее было уже невозможно. Она боролась, как настоящая женщина за свое счастье, за своего Мишу.

— Это правда товарищ командир, что экипаж не увольняется третий месяц потому, что под видом

холеры, вы боретесь за то, чтобы как бы чего не случилось? Это так? – Наташа хищно улыбнулась – извините если я не права.

На командира страшно было смотреть. Он сразу покраснел, вспотел. Пытался, что-то сказать, потом махнул рукой и закашлялся.

Все молчали.

Наконец молчание нарушил командующий флотом, обращаясь к Члену Военного Совета:

— Семен Васильевич – проверь-ка эти слухи и разберись, что к чему. Если имеют место нарушения, то внеси свой партийный вклад в наведение уставного порядка на этом корабле. Что-то здесь не так. Вижу сам. Блеска нет в глазах у моряков и офицеров. Заставить рапортовать можно заставить, а вот радоваться не получится, если так здесь.

И потом обращаясь уже к вестовому, вдруг спросил:

— Вы были в Феодосии.

— Никак нет. Не был – опустил голову матрос.

— А вы? – обратился командующий к коку.

— Так точно. Был. Сходил на катере за зеленью для салона командира.

— А в галерее, музеях, крепости?

— Никак нет не был.

— А зелень, фрукты, овощи вы в кают компанию офицеров на матросские камбуза закупаете – спросил Член Военного Совета.

Командир помолчал, потом сказал, что надо уточнить у старшего помощника и у помощника командира.

— Давайте товарищ командир отпустим наших женщин и генерала, тем более, что все поели, а сюда пригласим замполита, старпома и помощника по снабжению – сказал Член Военного Совета.

Командир сидел не жив не мертв.

Женщин и генерала проводили на палубу, где они гуляли и смотрели на чаек, на берег.

Наташа старалась найти домик, где они жили с Леной. К ней подошла мама:

— Зря ты так Наташенька с командиром. Это их дела. Пусть решают сами.

— Нет мама – это теперь и мое дело, раз мой Мишенька, служит на этом корабле. Я никому не позволю над ним издеваться.

Генерал, стоя сзади лишь посмеивался, а когда жена, возмущенная отошла в сторону, он сказал ей:

— Что получила? Наташка права на все сто. Это ее дело. Ты мать понять не можешь, что дочка выросла.

Наташа тем временем попросила матроса пригласить на полетную палубу лейтенанта Степанова.

— Какого Степанова? – недоуменно спросил матрос.

— Лейтенанта Степанова – попросила Наташа – ну он на СКПВ корабль представлял.

— А с БЧ-4, который с гауптвахты сегодня утром вернулся? У нас сейчас адмиральский час наверно спит.

— Что такое адмиральский час? – заинтересовался генерал.

— В 13 часов у нас обед, а потом сон до 15 часов.

— Так это же не час получается, а почти два – улыбнулся генерал.

— Так час-то не простой, а адмиральский – поднял палец вверх матрос – а адмиральский не может быть меньше двух часов – убеждал он своих собеседников. Это же не просто так?

— Ну да – согласился с ним генерал – если адмиральский, то не может быть меньше двух часов – и отпустил матроса за Мишей.

Походил по палубе, посмотрел издали на Феодосию и потом как бы для себя сказал:

— Если есть час адмиральский, то почему не может быть в армии генеральского часа? Надо будет подумать. Только теперь жалеть начинаю, что не пошел в моряки. Сейчас бы дрых, все позабыв. Берегут водоплавающие свои нервные клетки.

Миша конечно не спал. Он с левой автоматной площадки наблюдал за женщинами и Наташей, но не рисковал лишний раз засветиться перед глазами ее родителей. Уж очень строгим ему показался этот генерал-полковник. И это Наташин отец.

Когда его наконец нашел матрос, он спустился с площадки и подбежал к Наташе.

Когда она увидела его, лицо ее засветилось красивой улыбкой. Миша подбежал к ней, и они стояли, держась за руки и смотрели друг на друга.

Генерал сказал жене:

— Посмотри на ребят. Я радуюсь за них. Помнишь нас с тобой.

— Сравнил. Мы это мы.

— Да я тогда был уже не лейтенантом, а аж целым капитаном, повоевавшим, видевшим смерть. Но я не забуду твои глаза, твою улыбку – и он поцеловал жену в щеку и обнял.

Через некоторое время вышли замполит с Членом Военного Совета и предложил женщинам и генералу:

— Командующий флотом приглашает всех гостей на катере посетить галерею Айвазовского.

— А можно Миша пойдет с нами? — спросила Наташа замполита.

Тот посмотрел на Мишу и замялся.

Миша сам ответил Наташе:

— Наташенька у меня дел полно. Я на корабле не был целых пять дней. Запустил. Ты уж извини меня. Буду в отпуске нагуляемся по Питеру. Я приеду. Обязательно приеду

— Расскажи-ка милый мне, как это ты пять суток на гауптвахте сидел? – спросила Наташа хитро улыбнувшись.

— Откуда ты знаешь? – спросил Миша удивившись.

— Знаю — вздохнула тяжело Наташа – если бы отец не служил, а я бы не знала, что такое служба. Я бы просто сейчас забрала тебя с собой, обратилась бы к командующему флотом и уверена, что бы он мне не отказал. Но я понимаю, что у вас все не так просто. Служба есть служба и я умею ждать. Я прошу одного, не пропадай пожалуйста, звони мне и скорее приезжай в Ленинград. Я буду ждать тебя. Помни, что в Ленинграде есть человек, которому ты не безразличен и который ждет тебя и считает минутки до встречи.

И она прижалась к Мише и поцеловала его в губы.

— Вот здесь мой адрес, телефон домашний – она незаметно достала из своей сумочки бумажку и протянула ее Мише – ты не, о чем плохом, обо мне не думай. Просто я вдруг почувствовала, что не могу без тебя, что ты мне стал очень дорог. Это я в Ялте поняла, когда нас вместе окатило водой, когда ты бросился на вооруженного преступника, когда тебя забрали в милицию, и я боялась, что тебя посадят.

— Наташенька пойдём — тронула мама за плечо Наташи – там катер скоро уйдет.

Миша пошел провожать Наташу до трапа.

На торпедной палубе, он взял ее руку в свою, и потом, когда она пошла з мамой продолжая смотреть на него, руки их расцепились.

Когда все сели в командирский катер, катер отошел от борта, Миша вышел на правый борт и смотрел вслед катеру, не понимая сам себя. Глазами скал Наташу, которая махала ему рукой.

Внезапно, сзади раздался голос старпома:

— А ты Степанов, не так прост, как мне казалось с первого взгляда, кто тебе этот генерал и его дочь?

— Миша вздохнул и вяло ответил:

— Пока никто. А там посмотрим.

— Это ты командующему доложил, что на корабле нет сходов и увольнений на берег?

— Нет я ничего никому не докладывал.

— Эта твоя Наташа доложила, а ей видимо ты сказал.

— А что в этом плохого. Я же сказал, ка вы нам объявили, что холера, поэтому сходов нет.

Старпом помолчал, потом махнул рукой:

— Служи, но не переслужи Степанов, штанишки не порви широко шагая. Сначала доктор придурок пришел на корабль, служить не дает, теперь еще этот Степанов – он пожал плечами – от кого еще, что можно ждать? Как порядок наводить в такой обстановке? Лучше уйти в монастырь, чем командовать этим дурдомом.

Он еще постоял, потянулся, посмотрел на часы:

— Еще час сна. Пойдем спать Степанов. А то ты наверно на гауптвахте не выспался.

— Не выспался — ответил Миша.

Старпом отдраил тяжелую дверь и пошел в каюту. По дороге старпом встретил хмурого зама

— Что проверили зам твои стенгазеты и боевые листки?

— Нет не успели. И слава Богу. А вот дерьма тебе и мне явно переложили наши гости.

— Да уж и не говори.

— Беда в том, что я-то крайним оказался в этой истории с холерой. Член потребовал, чтобы ежедневно организовывать днем после полетов экскурсии в Феодосию, а вечером сход мичманов и офицеров и увольнение старшин и матросов. Во теперь мы потанцуем.

— Неужели это все наш Степанов?

— Да что ты к нему привязался? Не трогай лишний раз этого парня. У него хорошее прикрытие. Слышал, его отец воевал лично с комфлотом. А это очень много даже значит. Личное общение. А еще этот генерал непонятный, может стать судья по всему его тестем. Надо списать этого Степанова с корабля при первой возможности.

— Согласен – улыбнулся зам – пусть с другими воюет.

— А еще с ним я бы и доктора списал.

— А доктор тебе чего?

— Не могу его видеть – признался старпом – аппетит портит каждый день. Рыболовную леску срезал из своей санчасти, она в аккурат под моей каютой.

— Да что ты за ерунду говоришь? Зачем это ему надо?

— А больше никому. Никто на корабле меня так ненавидит, как он. Мешает гнида командовать кораблем и все – закончил старпом.

— Значит спишем обоих. Скоро на новые авианосцы будут набирать экипажи. Мы их туда и отправим – выдохнул замполит идею – при первой возможности. Пойдем лучше поспим немного – ударил замполит старпома дружески по плечу — восстановим себе потерянные нервные клетки.

Старпом вздохнул и направился вслед за замом к себе в каюту.

В каюте Мишу ждали друзья-ленинградцы.

— Это что была за девушка – спросил Орлов.

— Фея – ответил улыбаясь Миша, вспоминая ее улыбку и лицо – другой такой нет больше.

— Открываем бутылку и разливаем. Все разговоры потом, тем более, что Миша видимо ничего нам говорить не хочет – скомандовал Орлов, беря в руки «Мускат Игрисный», привезенный Мишей с берега.

Все весело зашумели.

Через минуту граненые стаканы с мускатом игристым встретились над столом:

— За тебя Мишка. Будь счастлив. Мы уже женаты и у нас есть дети, а ты один у нас пока не охваченный женским вниманием. Пусть и тебе повезет и у тебя будет хорошая добрая, любимая жена и много детей. За тебя Миша!

Happy end

Happy end (англ) – счастливый конец, благополучный исход, счастливый финал

Через месяц испытания самолета закончились и вертолетоносец «Севастополь» вернулся в Севастополь. А еще через две недели вышел на полгода в Средиземное море на боевую службу менять вертолетоносец «Кронштадт».

Спустя полгода, ранней весной, поздно вечером в квартиру Серебряковых в дверь позвонили.

- Кого это к нам так поздно несет? – спросил жену Илья Степанович.

Та недоуменно лишь пожала плечами.

- Я открою – раздался голос Наташи, идущей из своей комнаты по коридору к дверям.

Она не спрашивая открыла высокую дверь и обмерла.

На пороге в черной шинели и шапке улыбающийся и загорелый старший лейтенант Степанов с большим букетом красных роз в руках.

- Это тебе. Извини, что так поздно. Я прямо с поезда – сказал улыбаясь он.

Она беспомощно облокотилась на косяк двери, боясь упасть. Слезы капли из ее глаз.

- Кто это к нам пришел? - раздался голос Лидии Петровны, вышедшей в коридор – Наташа что ты так долго?

И увидев Мишу на ее глаза, тоже навернулись слезы.

- Проходи в квартиру сынок – еле вымолвила она.

Миша вошел в квартиру.

- Наташа, Лидия Петровна – сказал Миша – меня назначили сразу после боевой службы на гвардейский авианосец «Азов» с повышением и оттуда направили в Ленинград на учебу на целых три месяца. Я здесь буду целых три месяца.

- Ура! – закричала Наташа прыгая на Мишу и повиснув у него на шее, стала покрывать лицо поцелуями – на целых три месяца вместе с тобой мой дорогой. Урааа! Мамочка, ты слышала он мой, на целых три месяца. Это же так много.

Мама глядя на них усмехнулась. Было видно, что Миша стесняется при ней обнять Наташу и расцеловать. Она тоже растерялась и не знала, что сделать и сказать. Обойдя обнимающихся молодых людей, она подошла к двери и закрыла ее.

- Не кричите так громко, а то соседей напугаете.

На шум в коридор вышел генерал и сразу поняв всю ситуацию, скомандовал:

- Дамы быстро на кухню, накрывать все самое лучшее на стол. Гость голоден и это видно невооруженным взглядом. Надо немедленно поставить цветы в вазу, а то от радости забудете, и они завянут. Помните, что у нас долгожданный гость и мы не должны ударить в грязь лицом. Не опозорьте пожалуйста мои генеральские седины - и пожав Мише руку, улыбнулся, обнял его и стал помогать снимать шинель.

Сняв шинель генерал взял Мишу за плечи:

- Повернись-ка сынку, покажи свою гвардейскую статью – поправил гвардейский значок - молодец. Хорошая замена подросла нам в армии. Весьма рад.

И Миша заулыбался и зардел от этой похвалы генерала. А внутренне он понял, что приехал не куда-то, а к себе домой и что заканчивается его холостяцкая жизнь.

- Снимай ботинки. Вот тебе твои тапочки – достал из шкафчика новые тапочки - а потом обняв Мишу за плечи, повел в свою комнату.

Миша хотел сказать, что у него есть свои тапочки, но не стал перечить генералу. Он вдруг понял, что пришел к себе домой.

Рассказ 2. ВРАЧ ПОНЕВОЛЕ ИЛИ РЕКТОРОМАНОСКОПИЯ

Ректороманоскопия — это метод эндоскопического исследования прямой кишки и нижнего участка сигмовидной кишки. Она позволяет осмотреть нижний отдел кишечника на протяжении 20—25 см. с помощью специального визуального устройства

Миша Степанов, командир группы специальной связи с гвардейского авианосца «Азов» никогда не знал, что означает эта ректороманоскопия и зачем она проводится. Предполагал, что это что-то из области медицины, но объяснить бы не смог. Все что касалось здоровья, его практически не интересовало. О каком здоровье можно говорить в двадцать три года? Он здоров как бык. Только вернулся со сборов по

офицерскому многоборью с Севастополя.

Нет, конечно он любил в училище, полежать в санчасти, не бегать по утрам на физзарядку, спать вместо семи до восьми часов и получать усиленное питание. А еще общаться поближе с молоденькими медсестричками, дежурившими в санчасти. Но это было главным, то что привлекало его в проблемах со здоровьем.

Если где-то припекала какая-то простуда или другая проблема со здоровьем, то у него были на корабле хорошие друзья врачи Игорь Муратов – хирург и Коля Платов - терапевт с одного с ним корабля. И он им доверял свое здоровье без всяких проблем.

Сегодня он должен был смениться с дежурства по связи на узле связи бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей и с нетерпением смотрел на специальные часы, висевшие над столом дежурного по связи.

- Когда же придёт Серега Варламов – командир группы специальной связи с крейсера «Адмирал Эссен» - думал он, с волнением глядя на часы – неужели хватит совести прийти после 10 часов. А ведь я его предупреждал и просил не опаздывать. Вот телепень и уже не первый раз опаздывает. Он что думает, что если придет в десять часов, то автоматически сразу примет дежурство? А так никогда не получается.

На кораблях Военно-морского флота смена с дежурства и вахты считались священными. Если смена в десять часов, то сменяемый, должен ровно в десять часов закрыть за собой дверь. А передача дежурства составляет минимум полчаса, поэтому сменяющий должен приходиться на дежурство минимум за полчаса до заступления. Не спеша надо все досконально принять, разобраться со всеми проблемами и ровно в 10 часов доложить начальнику узла связи капитан-лейтенанту Федорчуку.

Капитан-лейтенант Федорчук был высокого роста и плотного телосложения. Черноволосый, вытянутое лицо, длинный нос. Всегда требовал при приеме-сдаче сначала докладывал, тот, кто принял дежурство и лишь потом тот, кто сдал.

- Это хлопцы, как на войне. Ты не принял еще, а его уже убили. А так юридически дежурный есть всегда. Раз принял – значит уже дежурный.

- А если в промежутке между докладами убьют того, кто уже принял или обоих убьют, тогда как быть? – спросил как-то дотошливый старший лейтенант Саша Музыченко со «Свирепого».

- А вот как. Отвечаю. Тот, кто сдавал, еще не сдал, потому как его доклад второй – значит юридически он дежурный. А если обоих убьют сразу, то я сам заступлю. Вот так молодые. Думаете старого волка перехитрить. Не получится.

- А если убьют сразу двоих и заодно с ними начальника узла связи? В одном же помещении находятся – продолжал допытываться старлей.

- Тебе Музыченко за дежурство двойка. Начальника узла связи никогда не убьют. На мне слишком много материальных ценностей. Заступишь завтра исправляться, чтобы глупые вопросы больше не задавал – покраснел начальник узла связи.

Больше никто и никогда глупых вопросов Федорчуку не задавал, все докладывали, так как он требовал. Хотя случай с Музыченко передавали из поколения в поколение.

Миша сегодня очень спешил. Была суббота и он планировал съездить в гости к своим друзьям врачам, которые осуществляли медицинское обеспечение пионерского лагеря в поселке Верхняя Корениха. Нет, суббота на кораблях ВМФ конечно рабочий день, но после суточного дежурства он рассчитывал на законный отдых. Хотя понимал, что здесь все весьма проблематично и расплывчато. Что-то не понравиться командиру дивизиона гвардии капитан-лейтенанту Волкову и придется сидеть с подчиненными или устранять замечания по приборке. Но Михаил все же рассчитывал на снисхождение своего начальника

Надо сказать, что этот пионерский лагерь принадлежал бригаде строящихся и ремонтирующихся кораблей и для его обеспечения выделялись офицеры с кораблей бригады и прежде всего для обеспечения медицинского наблюдения и помощи корабельные врачи. И на этот раз жребий обеспечения в лагере пал именно на его друзей Игоря Муратова и Колю Платова.

Они оба уехали в пионерский лагерь со своими беременными женами.

Все складывалось нормально. Варламов пришел вовремя. У Федорчука вопросов по смене дежурства не оказалось, так как он куда-то спешил.

Одна из флотских заповедей говорит о том, что сход и отдых флотский офицер должен планировать и готовить заранее. Иначе может все отмениться и пропасть. Поэтому продумано должно

быть все до, мелочей. На любой вопрос, даже самый каверзный должен быть готов заранее подготовленный и мотивированный ответ.

- А покажи это – и Степанов доставал именно то, что просили показать.

- А это как?

- А вот смотри как - следовал заранее подготовленный ответ.

- Все понятно Варламов?

- Так точно.

- Вопросы, связанные с отработками по связи посмотрел?

- Так точно. Все понятно.

- Радиовахты все открыты? Радиоданные все выданы радистам?

- Проверил, замечаний нет.

- Странно. Видимо Степанов куда-то намылился, раз у тебя нет вопросов – задумчиво сказал Федорчук – Куда собрался Степанов? По бабам? Не надорвись. Береги себя хлопчик. Тебе еще надо донести свое богатство до будущей жены, ничего не расплескав по пути.

- Я не я не по этому делу сегодня. Все с чем иду принесу назад.

- По водке, что ли? А с виду и не скажешь. На пьянку идешь? – усмехнулся Федорчук – не зарекайся друг мой Миша. Все может быть под воздействием водки. Наши хохлушки знаешь какие охочие до нашего брата морского офицера. Попадешься – порвут на запчасти.

- Нет я не пьянствовать – уклончиво ответил Миша - я к друзьям собираюсь в Верхнюю Корениху.

- В лагерь что ли? Смотри Михаил, там все начальство сегодня будет. Открытие лагеря. Не попадайся лишний раз им на глаза. Помни, что основной принцип солдата – подальше от начальства, поближе к кухне. Начпо будет там со своими политбойцами и политбойцами. Меня уже проинструктировали. Я обеспечиваю его связью. Тоже туда поеду, вместо своего огородика. Машка опять ругаться будет, а что поделаешь?

В мыслях Миша никак не пересекался с начпо и его окружением и поэтому к словам Федорчука отнесся весьма снисходительно.

- У вас там свои заморочки, а у нас свои с врачами свои. И наши заморочки, ни при каких обстоятельствах не пересекаются с вашими – подумал он, но в слух сказал – улыбнувшись – постараюсь не пересечься. И не расплескать.

Федорчук улыбнулся, но ничего не сказал.

Выйдя от Федорчука, Миша пожал руку однокашнику по училищу Сереге Варламову

- Спасибо, что принял быстро. Будь Серега. Помни в 12.40 отработки по радиоканалам с узлом связи флота. Не подкачай, а то будут проблемы и у тебя, и у Федорчука.

- Давай Миша, забирай своих ржавых матросов и дуй к себе. Свободен, как Куба.

Ржавыми матросами на флоте называли иногда матросов с гвардейских кораблей, за их гвардейские ленточки. Видимо те, кому эти ленточки не достались, просто банально завидовали.

Михаил отвел свой расчет матросов-радистов в казарму, пожал всем руки на прощанье и поблагодарив за службу, пошел просить добро на сход у командира дивизиона.

- Заходи Птицын – сказал Волков, наливая себе в стакан чаю из электрического чайника – отдежурил?

Волков иногда называл Птициным Степанова, что считалось вполне в норме. Как правило, всех Уткиных, Гусевых, Орловых, Степановых, Курицыных, Зябликовых и прочих с птичьими фамилиями на флоте называли Птицыными. Такое обобщающее обращение, на которое, как правило, не обижались. Степанов на своего начальника тоже не обижался, тем более, что сейчас ему нужно было получить разрешение на сход.

- Так точно отдежурил. Замечаний нет. Матросы все в казарме.

- И что Федорчук ничего плохого тебе не сказал?

- Нет, не сказал. У меня замечаний по дежурству не было.

- Ай молодца Миша. Займись-ка тогда уважаемый Степанов сейчас большой приборкой. Важный этап нашей деятельности.

- Евгений Евгеньевич у меня мичмана уже занимают. Я их проинструктирую. Можно я на сход, а то ночь не спал. Отдохнуть положено.

- Ты, что Степанов Белоснежка без семи гномов. Когда флотский офицер из-за того, что не

выспался проситься отдохнуть. Не прилично это. Звучит как гафф (в царском флоте неприличные выражения, употребленные в обществе, называли таким словом).

- Евгений Евгеньевич. Меня наши врачи пригласили в лагерь в Большую Корениху. А катер идет только в 11:30 и потом в 17:00. Не успею вернуться.

На флоте было принято обращаться к офицерам по имени отчеству, а не по званию. И флотские офицеры бравировали этим, считая, что и это отличает их от армейских офицеров. А быть похожим на армейского офицера или как их презрительно называли «сапогом» считалось не приличным.

Степанов посмотрел на часы:

- Да маловато у тебя времени. Ладно, Степанов помни мою доброту. Иди отдыхай. Положен отдых не буду тебя отрывать от него. Иди.

- Понял. Да если что я для вас – воодушевленный Миша был готов расцеловать своего комдива.

- Ладно, ладно давай иди. Не опозорь гвардию и быть на месте в 24 ноль-ноль. Потом я уйду к семье на ночь, а ты останешься за меня. Надо же хотя бы иногда жену навещать и детей воспитывать. Как думаешь, надо?

- Так точно надо Евгений Евгеньевич. Все сделаю. Буду к нулям часов.

- Смотри не опоздай на катер и туда и самое главное обратно - и Волков пожал руку Михаилу.

Михаил выскочил из кабинета начальника и побежал искать своего мичмана Мишу Синесвитенко.

- Миша ты смотри приборку не завали, потом увольнение – инструктировал он на бегу своего подчиненного – я буду к нулям. Понял. Мне очень надо. Меня ждут.

- Та шо тут не понять. Усе понятно. Усе буде нормально. Да не хвилюйтесь. Видпочивайте и усе буде добре.

Миша улыбнулся. Ему нравилось спокойное, рассудительное малороссийское наречение его мичмана.

- Смотри Миша не подведи - и пожав руку мичману Миша выскочил из КПП и понесся рысью к гостинице.

- Да будьте впевнени, пока я тут усе буде нормально – донеслось вслед.

В гостинице стояла в шкафчике припасенная для этого случая бутылка «Рижского бальзама», привезенная им из отпуска.

- То-то порадуются друзья. Экзотика – думал он, укладывая бутылку в дипломат – надо заскочить по пути в продтовары, и взять с собой еще помидорчиков, огурчиков и консервов купить. Неудобно в гости приходиться тс пустыми руками.

Надел новую наглаженную рубаху и брюки, наглаженные с вечера, поменял чехол на фуражке. Прежде чем выйти из номера посмотрел на себя в зеркало.

- Красавец – подумал он – и почему только девки, не влюбляются и не падают штабелями? Ну да ладно без них даже лучше пока. Недаром в царском флоте мичманам запрещали жениться, считали, что это отрицательно влияет на службу. Сейчас главное успеть на катер, а то все пойдет насмарку.

Шумно выдохнув, он положил на всякий случай в дипломат еще щетки для брюк и ботинок, и в последний момент закинул туда же плавки.

Искупаться очень хотелось. А то с этой службой, так лето и не началось. Ни разу не купался еще. А щетки для брюк и ботинок очень нужная вещь в Николаеве. Пыльно здесь и грязно. Лето и пыли везде полно.

По пути на той же улице он заскочил в продовольственный магазин и купил пару банок завтрака туриста, свежих помидорчиков, огурчиков и баночку латышских шпрот.

На катер он не опоздал. Успел заскочить в последний момент, когда причальный матрос отдавал чалки, то есть сбрасывал швартовые концы с береговых кнехтов.

- Успел - подумал он, ища себе место на палубе. Теперь на тот берег. А там два километра по тропинке к лагерю.

Он сел на какой-то люк, на котором уже сидели видимо местные жители

Вокруг все мужчины снимали свои рубашки, подставив солнцу свои загорелые и без того спины. Женщины, собравшись в кучи по интересам, шумно обсуждали свои вопросы.

По верхней палубе зачем-то включили песню Софии Ротару, и пароходик под лихую мелодию, звучащую на всю реку направился к пристани на противоположном берегу.

- Червону руту не шукай вечерами – неслоь на всю реку.

Внезапно сзади раздался дружный женский смех.

- Добрый хлопец, напевно не п`яница. Напевно к наре`ченной йиде? – стали обсуждать Мишу, стоявшие за его спиной две симпатичные девушки с озорными глазами – ты гля Настена а вин каблучки немае на правий руци. Хлопец неодруженный напевно? А як то может быть?

Миша подумал:

- Почему неодруженный, друзей вроде много, а вот насчет каблучка. Вроде каблучки есть на получботинках.

- Ни, ци морякы не неодруженные, - донеслось до него - вони у кожном порту по дружини мають и каблучкы не надягають, шоб нас дивчин дурить – засмеялась в ответ ей вторая

Миша понимал, что они обсуждают его, стремятся обратить на себя внимание. Будь ситуация немного другая он бы согласился с ними познакомиться и немного пофлиртовать. Но он спешил к друзьям, которые ждали его.

- Ти подивися Свитланко. Вин ще е глухий и тупий. Не чує, що про нього балакають. А може вин специалист по хлопчикам, раз дивчин не помечает?

- Може. Кажуть, що в мори вони там без жинок кидаются на все що шевелиться. Кажуть, що писля моря для них и старушка подарунок – и они обе опять громко засмеялись.

В принципе все, то что они говорили на украинском языке, было ему понятно. Он вжался в свой люк, хотел спрятаться за спинами людей и боялся повернуться к ним лицом, а они радовались этому и открыто издевались над ним. Лицо Миши пылало ярким огнем. И пожилые люди, глядя на это прятали свои улыбки.

Наконец пароходик громко гуднув причалил к хлипкому причалу, песня Софии Ротару резко замолкла и народ, хватая свои пожитки, стал сходить на берег по деревянному трапу, установленному матросами. Матрос в тельняшке у трапа поддерживал сходящих, протягивал им руки. Мужчинам протягивал только руки, женщин обязательно брал за талию и легко переносил на причал. Они смеялись, но особенно не противились. Уходя вверх по тропинке те девушки, которые обсуждали Мишу бросали на него такие призывные взгляды, что Мишу в жар бросало.

- Пидемо хлопец з нами, ти що боишся нас, чи как? – прокричала одна.

Миша совсем смешался и припустил поскорее вдоль берега.

- А хлопец цей боягузливий дарма що офецер – донеслось до него.

Пожилый мужчина рассказал Миша, что к пионерскому лагерю надо идти вдоль реки и он со своим черным дипломатом, в котором была закуска и «Рижский бальзам» направился по узкой тропинке, вдоль реки к видневшимся вдалеке постройкам, скрывавшимся в буйной зелени.

На берегу Южного Буга было много народа, многие из которых купались и загорали. Лето и солнце загоняло даже самых стойких в реку.

Пройдя километра два, Миша добрался практически до лагеря и увидел на узкой песчаной полосе, шедшей вдоль берега, беременных жен своих друзей Таню Муратову и Олю Платову в цветастых купальниках и с выпирающими животами. Они приветствовали радостно Мишу.

- А наши мужчины, вон на лодочке. Посмотри Миша – показала Таня в сторону лодочки, отошедшей с которой прыгал поочередно в воду два мужчины.

Игорь и Коля, а это были именно они, изображали чудеса ныряния с этой маленькой лодочки и иногда забирались на огромную морскую бочку, находившийся метрах в ста от берега с которой прыгали в воду.

Увидев Мишу, они радостно приветствовали его:

- Миша раздевайся и плыви к нам – кричал Игорь, делая стойку на руках на бочке.

- Цирк приехал – громко сказала Оля – выпили с утра, вот и кувыркаются теперь.

- А где здесь можно переодеться – спросил Миша Таню, которая зашла в реку намочить ноги.

- А вон кусты, иди туда и переодевайся – показала Оля – скоро начнется открытие лагеря и всякие торжественные мероприятия. Ждут большого начальства, но мы на отшибе, надеемся, что нас никто не потревожит.

Миша быстро переоделся и через пару минут саженьками плыл к лодочке. Прохладная вода приятно охладила тело. Игорь и Коля погребли навстречу к берегу, и когда Миша залезал в лодочку, она внезапно наклонилась на один борт, набрала воды и утонула.

- А что будем делать – спросил Игорь, плавая кругами вокруг места затопления.

Миша нырнул. Лодочка утонула на глубине метра три, рядом с берегом.

- Нужна длинная веревка, чтобы ее не унесло течением – сказал вынырнув он - и за веревку можно вытащить лодку из воды. Так мы ее втроем не поднимем.

- А вот веревка – закричала Оля, показывая на какую-то хорошую веревку, привязанную к дереву, стоявшему у воды.

Миша подплыл, проверил веревку и взяв свободный конец поплыл к месту затопления лодочки. Подплыв к месту затопления, он нырнул. Лодку нашел быстро и привязал веревку морским узлом за какое-то кольцо в носовой части. Потом вынырнул и закричал:

- Сейчас вытащим. Поплыли к берегу. И все дружно поплыли к берегу.

Втроем, плюс жены, они как бурлаки начали вытаскивать лодочку. Когда она уже показалась из воды, Михаил обратил внимание на тонкую девичью фигурку, бегущую от пионерского лагеря.

- Николай Алексеевич, Игорь Александрович – кричала девушка в белом халате – звонили от дежурного и передали, что сейчас к нам придет начпо проверять санчасть. Пойдемте скорее. Сказали, чтобы вы представляли.

- Кое-как вытащив лодочку на песок, схватив свои вещи все побежали, в сторону одиноко стоявшего домика, где была санчасть.

- Только начпо нам и не хватало – проговорил Игорь на ходу, пытаясь надеть штаны.

В санчасти оба врача переглянулись между собой, и Игорь обратился к Миша.

- Миша, понимаешь мы с Колей – начал неуверенно Игорь – долго ждали тебя, и выпили с утра уже грамм по сто, так для здоровья. У нас бутылка коньяка стояла. Праздник все же открытие лагеря. Не удержались. Посидели с девочками, немного. Нам же в строю было не стоять. А от коньяка запах сильный. Начпо обязательно унюхает. Вон у него нос длинный какой. И сам знаешь, как он к пьянству относиться. А здесь детский лагерь. Не подумали. Выручай.

О том, что начпо бригады резко отрицательно относиться к пьянству Миша слышал. Самое простое было, это исключение из партии или комсомола за подобные провинности.

- А что я должен делать? – улыбнулся Миша.

Он себе даже представить не мог, что он может спасти от наказания врачей. Нет он сочувствовал им, но не представлял, что он связист может сделать.

- Миша выручай, а то нас с Колей из партии попрут минимум, а могут и с должности снять и разжаловать могут – продолжил напряженно Игорь – здесь же дети, а здесь вдруг обнаружили пьяные врачи. Конечно мы не пьяные, а просто немного выпили, но кто потом разбираться будет?

Оба смотрели на Мишу просящими взглядами.

- И чего вы смотрите на меня, как на икону? – удивился Миша – я то что могу для вас сделать. Я бы и рад, но – он улыбнулся

- Так ты ж самый трезвый из всех. Ты же не пил? Так одень, белый халат, колпак и встреть начпо, вместо нас – предложил Игорь, протягивая белый халат.

Миша тоскливо посмотрел в окно на другой берег, тяжело вздохнул. Попастся в такой нехорошей истории очень даже можно. Легко. Поймают и..... Свежо было в памяти, как он сдавал в училище математику за своего друга Колю Ильина. Поймали. Колю отчислили на флот, а Мишу спасло только то, что он был отличником. Но летний отпуск пришлось провести в училище, вместо побережья Черного моря. А здесь действительно можно напороться на очень крупные неприятности. Да и скорее так оно и будет. Но и друзей вроде тоже надо выручать. Миша стоял и думал, смотрел на противоположный берег, где за поворотом реки виднелся Черноморский судостроительный завод, а в достроечном бассейне были видны антенны гвардейского авианосца «Азова».

- Сам погибай, а товарища выручай – вспомнил он один из армейских заветов.

Он посмотрел на друзей их жен, молящих его своими глазами, их животы с будущими врачами, как он считал.

- Да чёрт с вами, была не была. Давайте ваш халат – внезапно для самого себя принял решение Миша.

- Миша познакомься это Ирочка наша медсестра, если, что она тебе поможет. Она тоже не пила и в медицине разбирается хорошо, медучилище закончила с отличием, если ты боишься, она всегда тебе поможет.

Миша посмотрел на медсестру, стоявшую у стола в халатике и улыбающуюся ему.

- То, что с отличием закончила медуху здорово поможет, если поймут. А если начпо запомнит его в лицо что будет? Что тогда? Как служить дальше? Могут попреть с флота – пронеслось в Мишиной голове и вдруг опять вспыхнуло огромным плакатом - сам погибай, а товарища выручай!

Игорь помог на форму надеть халат на форму.

- Ты смотри, твои инженерные молоточки, как наши змеюги на погонах сквозь халат выглядят – успокаивающе сказал Миша Коля.

Медицинская сестра в белом медицинском халатике и высоком колпаке, приколотом к волосам блестящими заколками со стройными ножками в туфлях на высоких каблуках, ее улыбка и ямочки на щеках сразу понравились Миша.

Видимо ей тоже была ситуация смешной и она виновато улыбалась.

Игорь и Коля наверняка рассказывали ей о Миша, ибо она посматривала на него с какой-то непонятной хитринкой.

- Конечно, помогу чем смогу и подскажу, если, что надо будет сделать – кокетливо сказала она.

- Ладно, уговорили - решился Миша, махнув на все рукой – давайте колпак еще на всякий случай и эту не трубочку, а как ее этот приборчик, которым врачи слушают легкие. Нагляднее будет. И желательно очки, чтобы не запомнил.

- Фонендоскоп называется – сказал Игорь.

- Очки есть только солнечные – тихо сказал Таня.

- Давайте солнечные.

Когда на голову был надет медицинский колпак, на глаза солнечные широкие круглые и женские очки, а на шее повешен фонендоскоп, Миша посмотрел на себя в зеркало.

- Да ты смотри. Настоящий врач. Никто не отличит – сказал Игорь.

- Ой, уже идут – пискнула медсестра Ирочка, посмотрев окно.

Все дружно побежали в комнату, где был размещен изолятор.

- Мой дипломат возьмите. Там закуска и «Рижский бальзам» - прокричал Миша Коле.

Коля вернулся и схватив дипломат скрылся за дверь.

- А как фамилия моя, если что? – уже от дверей прокричал Миша.

Ответом была тишина. Дверь за последним Игорем закрылась и в санчасти наступила тишина.

- Ладно, будем выпутываться сами – подумал Миша.

Они с Ирочкой вышли из домика санчасти и направились навстречу группе офицеров, двигавшихся к санчасти. Впереди шел начпо широко размахивая руками. Сам он был низкого роста, черненький и с недовольным лицом.

Миша перешел на строевой шаг и хотел представиться начпо, но тот остановил его движением руки:

- Доктор, что у вас там за безобразие? В урне валяются пищевые отходы. Жара, дети, может быть отравление. Вы с огнем играете.

- Разберемся и уберем товарищ капитан 1 ранга – твердо ответил Миша.

- Раньше надо было разбираться. Сидите в санчасти и ничего не делаете. Что за очки вы нацепили.

- Глаза болят, слезятся. Это вынужденное. Прошу простить.

- Вы реку проверили? Анализы воды взяли на всякие там кишечные инфекции.

- Так точно врачи сделали это. Уже отправлено на исследование в лабораторию – внезапно подскочил к начпо какой-то невысокий тоже капитан 2 ранга со значком «за дальний поход» на черной тужурке.

Миша внутренне поаплодировал Игорю и Коле.

- Молодцы ничего не скажешь.

- А где Игорь? – вдруг спросил Мишу этот капитан 2 ранга, видимо, не узнав его и приняв за Колю.

- Он поехал в лабораторию. Срочно просили приехать – начал врать Миша.

- А они по субботам работают?

- Да у них круглосуточная сменная работа.

Начпо услышав их разговор вмешался:

- Вот видите, гражданская лаборатория работает круглосуточно потому как им не все равно, что в городе твориться. А у вас бардак товарищ капитан 2 ранга. Надо лагерь открывать, а анализы не взяты,

пищевые отходы в урне валяются – он махнул рукой и направился в домик санчасти.

Все последовали за ним.

В маленьком помещении стало сразу тесно.

Широкие окна через шторы пропускали летний солнечный цвет, отчего в комнате было светло.

На стене висел большой плакат:

- Запрещается лекарю ничего ни брать с матросов и с солдат больных и раненых, под страхом возвращения того, что возьмет и лишения своего жалования Петр Первый.

Рядом висел второй плакат:

- ...Ежели лекарь своим небрежением и явным презерством к больным поступит, отчего бедствие случится, то оный яко злоторец, наказан будет, яко бы своими руками его убил, или какой уд отсек. Буде же леностию учинит, то знатным вычетом наказан будет, по важности и вине, смотря в суде Петр Великий.

- Правильно все написано – сказал начпо - доктор вы где?

- Я здесь – Миша протиснулся к столу врача, за которым уже сидел начпо, сняв фуражку и положив ее на стол.

Его узкое лицо, маленький усики и сваливающийся на лоб черный чуб делал его похожим на Гитлера. Невольно найдя это сходство, Миша улыбнулся, сам того не желая.

- Вы чего лыбитесь доктор? – грубо спросил начпо – я сказал что-то смешное? Какое ваше звание?

- Старший лейтенант медицинской службы – ответил Миша.

- Понятно. Сразу видно, что старший лейтенант. Что закончили?

- Военно-медицинскую академию имени Кирова в позапрошлом году – ответил Миша, помня данные своих друзей.

- Это хорошо – проявил осведомленность в медицинских делах начпо – а интернатуру проходили?

По какой специализации?

- Так точно в Севастопольском госпитале по терапии.

- С какого корабля – продолжал допрос начпо.

- С «Азова» - ответил Миша и почувствовал, как кто-то стиснул его правую руку.

Но ему было некогда посмотреть, кто это сжимает его руку.

Начпо продолжил:

- Тогда вы гвардии старший лейтенант оказывается? Гордиться надо, что служите на гвардейском корабле. А почему сразу не представляетесь по полной форме?

Миша не успел ответить, как начпо спросил:

- Что такое уд? – показал начпо на последний плакат.

- Уд рука, – по-старославянски – машинально ответил Михаил.

- Это правильно сказано. Всем бы кто делает, что-то не так, руки надо поотрезать, а кое что еще. А там, что у вас? – начпо показал на закрытую дверь.

Миша не смог бы ответить на этот вопрос, но вперед вышла медсестра и ласково сказала тоненьким голосом:

- Там, процедурная у нас.

Начпо сразу заулыбался.

- А там что? – начпо показал на дверь, где скрывались врачи и их жены.

- Там палата для больных – ответила так же с улыбкой медсестра – сейчас больных нет, и мы ее обеззараживаем на всякий случай. Туда заходить сейчас нельзя.

- Вот чувствуется медицина, чистота, белые халаты, порядок, приятно посмотреть – сказал, вставая перед медсестрой, начпо – мы, пожалуй, пойдём дальше. В санчасти порядок у нас. Доктор, прошу вас нас сопровождать дальше. Посмотрим столовую туалеты.

И вся группа офицеров, пропустив вперед начпо, направилась на выход.

Миша посмотрел, кто сжимал его руку и увидел улыбающееся лицо Федорчука:

- Степанов с тобой не умрешь нормальной смертью – тихо прошептал он на ухо – ну ты даешь.

Почему я не знал, что ты еще по совместительству корабельный врач? Расскажи, кому не поверят. Потом зайдешь и изложишь свою версию произошедшего.

Миша тяжело вздохнул и опустил глаза.

- Ладно, товарищ врач, - усмехнулся Федорчук - пойдёмте за начпо, а то рассердиться. Что врач

стрелял торпедой слышал на флоте я этот анекдот, но чтобы связист за врача аппендикс вырезал, никогда не слышал. Но теперь буду знать и рассказывать друзьям. А когда выйду на пенсию, куплю себе бryль (соломенная украинская шляпа) и удочку и по вечерам в тихой украинской ночи начну писать были и байки про флотскую службу. И запомни Степанов мои первые воспоминания, будут о тебе - и рассмеявшись, он вышел на улицу.

Степанов пошел вслед за ним.

- Федорчук что вы рогогочите, как верблюд в зоопарке? – встретил его начпо.

- Да доктор хороший анекдот рассказал про врачей – ответил пряча улыбку Федорчук.

- Расскажите и мы все вместе посмеемся.

- Нет, товарищ капитан 1 ранга анекдот не совсем приличный. А здесь дама – ответил Федорчук.

- Доктора всегда любят неприличные анекдоты рассказывать. Похабники да и только. Ладно, потом расскажите наедине. Я хорошие анекдоты тоже люблю. Доктор, а вы хулиган оказывается – усмехнулся начпо – но мне такие ребята очень нравятся. Пойдемте дальше товарищи смотреть, что у вас тут и где.

Капитан 2 ранга со знаком «за дальний поход» побежал впереди начпо, что-то объясняя.

Миша пошел за ними. Отойдя он оглянулся. На ступеньках санчасти стояла Ирочка и помахала ему рукой.

Возле столовой к Миша тихо подошел начальник лагеря, тот самый капитан 2 ранга:

- А вы же не Платов. Не так ли?

Первая мысли Миши была:

- Валюшь, как швед под Полтавой.

Но он быстро взял себя в руки и ответил:

- Они с Игорем вдвоем поехали в лабораторию. А меня прислали с корабля на это время подменить их. Гвардии старший лейтенант Степанов – представился он начальнику лагеря.

- Молодцы ребята. Хорошее замещение. Ничего не могу сказать плохого в адрес врачей. Но впредь по таким вопросам прошу предупреждать меня заранее. Мы все же военная организация.

- Да там сложный случай по профилю Николая, и они должны еще заехать и сделать операцию матросу. Мы хотели к вам подойти, но приехал начпо, и не успели, да и не хотели вас отвлекать – напропалую врал Миша.

Начальник лагеря покачал головой и пожал руку у локтя Миша.

- Работай старший лейтенант. Если что сразу ко мне. Ты надолго или как?

- Или как.

- В смысле или как? – нахмурился капитан 2 ранга.

- Я только на подмену на один день. И так сюда направили самых лучших, а там тоже кто-то должен. Скоро переезд на корабль и меня начмед направляет в Севастополь с заказами – вздохнул Миша щуря глаза от яркого солнца.

Не привык он так откровенно врать, и от этого ему было плохо. Но здесь был вынужден спасать друзей и себя заодно.

Капдва тоже вздохнул махнул рукой:

- Делайте как знаете, но что бы у меня здесь постоянно был врач, будете убывать сообщите мне, особенно когда появятся Муратов и Платов – он махнул рукой и побежал догонять начпо.

Когда обход был закончен, и все остановились перед административным зданием, начпо подвел итоги осмотра лагеря.

- Пока все нормально, но вы мне смотрите товарищи офицеры. Помните, что здесь дети. Питание, санитария – он посмотрел на Мишу и продолжил – это не маловажный фактор.

Миша кивнул ему головой.

- Спасибо товарищи. Приглашаю всех присутствующих в столовую на обед сегодня – и потом вдруг посмотрев на Мишу тихо сказал – а вы доктор пока никуда не уходите, мне надо поговорить с вами отдельно.

Миша так и обомлел. Он рассчитывал, что его мучения закончились, а здесь вдруг начпо хочет с ним поговорить еще о чем-то.

Переговариваясь между собой офицеры и обслуживающий персонал разошлись. На небольшой площади, где свежей белой краской были выведены полосы и написано видимо, чтобы никто не перепутал где должен первый строиться отряд, где второй отряд и так далее. На флагштоке, в середине площади

висел и развевался на ветру большой красный флаг.

Внезапно начпо подошел к Миша, взял его за локоть правой руки и тихо сказал:

- Доктор пройдемте в санчасть. У меня есть проблема, по которой хотелось бы переговорить с вами отдельно, так сказать тет на тет.

Миша посмотрел в сторону начальника лагеря, видимо ожидавшего начпо. Начпо поймал его взгляд и увидел жавшего его начальника пионерского лагеря.

- Денис Александрович вы идите и занимайтесь своими делами, - он сделал серьезное лицо - а мы с доктором пройдем еще раз в санчасть – он посмотрел в сторону стоявшего у флагшток, а я потом вас найду.

И удерживая Мишу за руку, он повел его в сторону к санчасти.

Миша совсем не хотелось туда идти. Ноги были, как ватные, мысли разнообразные будоражили голову.

- Вот и завалились. Что теперь будет? Видимо он все понял, какой я лжедоктор. Ох дурак, что согласился. Дурак, что поехал. Надо было пойти вечером с ребятами в «Каравеллу» и оторваться потом с Зочкой. Нет, захотелось новенького – думал Миша, занимаясь самоедством из-за неопределённости с возвращением в санчасть – нет Наташеньке изменять нельзя.

Он вспомнил об учебе в Ленинграде и на душе стало легче. Казалось его Наташенька сквозь расстояние как-бы говорит ему – не садись не пенек, не ешь пирожок.

Белый халат начинал ему жечь тело даже сквозь форму, а трубка фонендоскопа стала угрожающе нагреваться.

- Вы сами, откуда будете доктор – ласково спрашивал Мишу начпо.

- Из Ленинграда – машинально ответил Миша, покраснев, как красная девица.

- Хороший у вас доктор город, можно вам только позавидовать. Музеи, театры, город революции – вздохнул он – а я вот представьте себе, там не был ни разу. Надо обязательно съездить в отпуск. Я сам из Казани, татарин. У нас тоже красивый город и древний. Древнее даже Москвы.

Миша недоверчиво посмотрел на начпо и тот увидев его недоверчивый взгляд быстро продолжил:

- Казань была впервые в записях упомянута 1004 или 1005 году, а Москва только в 1137. Более чем на сто лет Казань старше Москвы. Тогда была не Татария, а Булгария и жители назывались не татарами, а булгарами.

- А почему название такое Казань.

Начпо усмехнулся:

- Как и по названиям многих наших советских городов версий много. На мой взгляд одна из наиболее достоверных, что один из шаманов сказал одному татарскому князю Хасану, что надо построить большой город, там, где он найдет большой казан с кипящей водой и врытый в землю. Князь объезжая свои угодья обнаружил такой котел или казан по-татарски на берегу озера Кабан. Там он и приказал заложить город. По поводу названия очень много версий. По чувашки — это название нашей столицы звучит как Хузанг, у нас Казан, а у вас русских Казань. Лучше скажите мне уважаемый доктор, как вас по имени и отчеству? Так будет удобнее обращаться. Все же я планирую стать вашим пациентом – мягко улыбаясь, спросил начпо.

У Миши засосало под ложечкой.

- Пациентом. Вот это точно завал и стараясь держать в порядке свое алевшее красным знаменем лицо, он тихо произнес свое настоящее имя – Михаил Александрович.

Сказал и ему совсем стало плохо:

- Надо было назвать имя Миши Морозова, а он не знает его отчество. Но что было сказано, то сказано. Слово не воробей.

Он оглянулся назад, как бы ища поддержки, и увидел стоявшего у флагштока капитан-лейтенанта Федорчука – вертевшего рукой около виска. Это придало Миша силу и уверенность в себе:

- Врать так врать. Будь, что будет. Назад дороги нет. Надо идти ко дну, как надлежит делать флотскому офицеру, с высоко поднятой головой.

Рядом что-то говорил начпо про Казань и про татарский народ и обычаи, но Миша было не до него:

- Конечно, надо идти ко дну с высоко поднятой головой. А как иначе, ведь не ноги же вверх поднимать?

Миша улыбнулся, представив себе эту картину, и стал еще спокойнее.

Начпо рассказывал про взаимоотношения Золотой орды и Казани, увидев Мишину улыбку на лице, он вдруг спросил:

- Вы меня не слушаете Михаил Александрович? Вам неинтересно.

- Что вы очень интересно – попытался оправдаться Миша.

- Зовите меня пока просто Ринат Сахипович – сказал, улыбнувшись начпо – так на чем я остановился? А ну да рассказывал про монгольского хана Улу-Магомеда.

И он продолжил свой рассказ.

Паника у Миши закончилась. Он успокоился и единственное, что его волновало, то что в санчасти скорее всего идет продолжение празднования и их приход будет началом разоблачения.

Но видимо медсестричка Ирочка увидела их в окно и выскочив на крыльцо, всплеснула руками и быстро убежала во внутрь санчасти.

- У вас там паника? – спросил, улыбаясь и щурясь от яркого солнца начпо.

Теплый ветер обдувал Мишино лицо. Яркий румянец исчез:

- Посещение начальства, особенно такого как вы всегда вызывает панику уважаемый Ринат Сахипович – вы же сами понимаете, даже когда все хорошо, всегда можно найти недостатки. Так собственно, что вас беспокоит. О чем будет наш разговор.

Алиев внимательно посмотрел на Мишу и тихо сказал:

- Доктор меня уже третий день беспокоит живот. Мне хотелось, чтобы вы меня посмотрели. Может ничего тяжелого, может это в голове. Но неприятно.

- А какие боли – заинтересовался Миша – постоянные или проходящие.

- Не понял? – ответил начпо.

Они уже подошли к домику санчасти и поднимались на крыльцо. Ирочка выскочила их встречать и увидев начпо покраснела.

Ее стройные ножки и хорошая фигура видимо не оставили начпо без участия.

- Вы женаты Михаил Александрович – спросил тихо он видимо, чтобы Ирочка не слышала.

- Холост Ринат Сахипович.

- О, как я вам завидую. Молодость. Как бы мне хотелось быть на вашем месте.

- На месте врача? – уточнил, тоже улыбнувшись, Миша.

- Нет. Это слишком сложно. На месте молодого человека, носящего погоны только старшего лейтенанта, у которого все впереди, а рядом такая прекрасная медсестричка – криво и хитровато усмехнулся начпо и обратившись к Ирочке спросил, протянув ей руку:

- Как вас зовут прекрасное дитя?

- Ирочка – пропела девушка и протянула начпо ладонью вниз, свою тоненькую руку на которой были видны в свете солнца даже синие венки.

Начпо тоже вдруг покраснел и взяв ее руку, наклонил вниз голову и поцеловал ее.

- Ирочка я сейчас буду осматривать Рината Сахиповича. Будьте любезны приготовьте наш топчан.

Ирочка недоуменно посмотрела на Мишу:

- Что осматривать?

- У Рината Сахиповича болит живот и мне надо его осмотреть.

Ирочка сделала книксен и быстро скрылась за дверью санчасти.

- Ринат Сахипович расскажите мне о ваших болях, пока Ирочка там все приготовит все к осмотру - попросил Миша.

- У вас курить здесь можно? - спросил начпо.

- Да на крыльце можно. В санчасти нельзя сами понимаете – разрешил Миша – вот урна для окурков

- Курите – предложил начпо, протягивая Миша пачку каких-то заграничных сигарет с картинками и надписями.

Начпо прикурил.

- Спасибо я не курю, - ответил Миша - кстати и вам не советую. На первом курсе мы занимались анатомической практикой – вспомнил он рассказы Игоря Муратова – мы молодые слушатели, разрезая трупы, видели лёгкие курильщиков. Страшно рассказывать – он покачал головой - стенки легких черные или темнокоричневые, никаких альвиол не видно и везде какая-то слизь. Ужас. Не представляю, как можно жить с таким, просто страшно подумать. А влияние на печень, почки, сердце и сосуды – продолжал

- Спасибо доктор за хороший проникновенный рассказ. Вы меня почти убедили – сказал, закашлявшись начпо и резко потушил в урне окурок. Я думаю, что брошу, обязательно брошу. Кстати, как вы смотрите прочитать лекцию перед офицерами политработниками наших кораблей?

- Лекцию можно. Но лучше если эту лекцию прочитает сам наш начмед – и внезапно резко потускнел, вспомнив, что начмед сам курит – нет лучше, если старший лейтенант Игорь Муратов – поправился он и добавил, чтобы увеличить пользу от своего предложения – Он, как раз работает над этой проблемой и у него много материалов.

- Ну Муратов, так Муратов – ответил начпо – но как вы мне сказали тоже доходчиво.

Миша стало веселее, что он тоже подложил свинью Игорю, и он улыбнулся, представив, как тот будет переживать эту новость.

На крыльцо вышла Ирочка и доложила:

- Михаил Николаевич все готово.

- Не понял - вдруг резко встряхнулся начпо – а почему Николаевич, а не Александрович?

- Штирлиц никогда не был так близко к провалу – подумал Миша и продолжил вслух – у нас доктор Платов Николаевич и Ирочка иногда нас путает. Мы же всего несколько дней здесь работаем вместе и подумал – главное не переборщить с оправданиями, ибо это может вызвать подозрения.

- Аааа. Понятно – протянул начпо, разрешив раздумья Миши и помахал указательным пальцем Ирочке – ты стрекоза не путай начальников, а то обидеться могут.

Ирочка улыбнулась и извинилась:

- Простите Михаил Александрович. Волнуюсь, не каждый день у нас такие гости.

Начпо тоже улыбнулся ей и прошел в санчасть мимо пропустившего его Миши.

- Проходите сюда Ринат Сахапович – пригласила начпо вовнутрь Ирочка - вот кушетка – показала она на небольшой топчан, накрытый белой простыней и синей резиновой салфеткой в ногах - раздевайтесь по пояс и ложитесь сюда – командовала она - а Михаил Александрович сейчас руки помоеет и выйдет к нам, - и она направилась в сторону процедурной комнаты.

Миша, посмотрев на нее, усмехнулся, увидев, что начпо начинает снимать желтую рубашку и направился вслед за Ирочкой.

- Начальница. Всех здесь наверно в ручках держит. Но как хороша – подумал начпо – где мои двадцать лет? – и тяжело вздохнул

Закрыв плотно дверь, Ирочка начала быстро говорить:

- Михаил Александрович. Игорь Александрович проинструктировал, что нам с вами делать. Да не смотрите так на меня, как пчела на мёд, а то я расту, как Снегурочка. Я сама переживаю больше вас – капризно сказала она – мойте руки, слушайте внимательно и запоминайте. И не перепутайте, а то все может полететь, и мы все сгорим, как турки под Полтавой – почему-то сказал она, перепутав турок со шведами.

Миша усмехнулся и стал мыть руки.

- Ногти надо стричь минимум раз в неделю. Для врача это обязательно. И заусеницы удалять.

- Но я же не врач – сказал Миша.

- Сейчас вы врач и от того, как вы сумеете сыграть эту роль, зависит благополучие ваших друзей.

- Так вот слушайте внимательно не перебивайте, а то я сама могу ошибиться или хуже того сбиться.

- Сейчас вы ему измерите давление тонометром.

- Я не умею – взъерошился Миша.

- Ничего сложно – отрезала она – любая санитарка умеет.

- Я не санитарка. Я флотский офицер связист – продолжал упорствовать Миша.

- Измерять давление должен уметь любой человек. Наденете ему резиновый манжет выше сгиба руки. Понажимаете грушу, накачивая воздух вовнутрь. Потом там есть такой металлический клапан, поворачивается влево и тихо, тихо спустите воздух. Много не накачивайте. Контролируйте. Вам же мерили давление? – подозрительно посмотрел она на Мишу.

- Конечно мерили и не раз. Каждый раз на комиссии измеряли. А как измерять-то? Что делать? Я не понял? Я в этом приборе вашем не разбираюсь.

- Вам измерять ничего не надо. Вам надо только сказать, что давление 135 на 82 и немного повышенное. Он что проверит вас? Спросите, какое у него давление нормальное. Нет ли гипертонии?

Понятно. Если измеренное ниже, то нехорошо. Спросите, не перенервничал ли он? Предложите выпить корвалол. Я вам подам. Если ниже ваших цифр, то предложите в столовой выпить просто кофе.

- А если он не знает свое давление – спросил Миша.

- Если не знает, то поучите его. Вы же врач. Скажите, что каждый нормальный офицер, тем более в его возрасте, обязательно должен знать свое давление –

Она всплеснула руками, как это может не знать:

- Главное не мельтешуйте – как говорила наша старшая медсестра. Пациент не должен даже понять, что вы что-то не знаете или не умеете. Делайте все с озабоченным улыбчивым благожелательным лицом. Нет, я лучше вам повязку надену, а то вы еще начнете смеяться, так лучше будет - и она быстро достав белую повязку, завязала Миша сзади, прикрыв нос и рот.

Миша помыл руки и искал взглядом полотенце.

Ирина быстро подала ему чистое, накрахмаленное, вафельное полотенце.

- Делаете так – говорила она, пока Миша вытирал руки - проходите в кабинет. Просите начпо сесть за стол и измеряете давление. Потом поднимаете его и стоя слушаете его легкие.

- А это обязательно?

- Обязательно – отрезала Ирочка – это психология. Надо расположить пациента к себе.

- Понятно – пробурчал Миша – а что делать с его животом.

- Выслушали его. Спереди, сзади. В районе сердца. Скажите, что есть некоторые перебои. Возможно от жары. Посоветуйте обратиться во флотскую поликлинику к кардиологу. Не забудете?

- Нет – твердо сказал Миша – но я не понял, что делать с его животом.

- Я вам говорю все по порядку, как сказал делать Игорь Александрович. Николай Николаевич тоже сказал, что именно так.

- Хорошо слушаю вас внимательно – вздохнул Миша, а сам подумал – и зачем ему все это надо?

Лучше бы его не отпустил комдив. Так было бы проще. Но что есть, то есть и надо работать. Это же не шутки, а целый начпо, который может растоптать и испортить всю дальнейшую жизнь.

- Так вот, потом вы ему предлагаете лечь, и показать где болит, как симптомы. Пусть покажет на себе.

- А если он не ляжет?

- А куда он денется? Ляжет как миленький. Он же пациент и не он диктует в медицинском учреждении, что и как делать. Это он там начпо, начальник для всех – усмехнулась она – а у нас он просто больной и все. Вот так.

- Все равно неприятно – ответил Миша – я не знаю, что делать дальше.

- Дальше все просто – ответила она – надо понажимать ему на живот.

- Как правильно нажимать?

Она подумала, усмехнулась, потом быстро расстегнула свой халат и распахнула его.

Под халатом у Иришки ничего не было кроме узеньких розовых трусиков, с небольшими кружавчиками по низу и верху. На Мишу глянули небольшие аппетитные девичьи грудки, со слегка вздувшимися розовыми сосками и слегка выпуклый слегка загоревший животик.

- Будем тренироваться на натуре – сказала она, усмехнувшись – давайте руку и она взяв Мишину руку стала показывать куда и как надо правильно надавливать. Так правильно.

- Куда вы смотрите – вдруг спросила она – вы что ни разу не видели женских грудей? Смотрите на живот и на руку.

- Ни разу – вдруг сознался неожиданно для себя Миша.

Ирина усмехнулась:

- Надо с вами отдельный ликбез провести, а то вы так и умрете не узнав главное в этой жизни. Вы хоть поняли, что и где надо нажимать.

- Да понял. И не перепутайте. Пальпировать Ниже живота не надо. Там у мужчин уже не живот – и она усмехнулась. А кое-что другое, предназначенное для нас женщин. Вы чего так вспотели – она промокнула полотенцем Мишин лоб. Нам с вами очень повезло, что начпо не женщина, а то бы вас вообще заклинило на первом скачке. Давайте быстрее, а то он наверно устал ждать.

- А что делать, что говорить дальше? – запаниковал Миша.

- Дальше все просто. Попросите его одеться. Потом посадите его на стул перед собой.

- Запоминайте латинские названия, которыми его надо забить, чтобы он не рыпался и ничего даже

не заподозрил. Задний проход по латыни – анус. Прямая кишка – ректум, вот здесь желудок, вентрикулус, - она ткнула Мишу в живот - кишечник - интестинум, здесь почки – ренес, печень – хепар. Скажите, что надо обязательное обследование в госпитале и надо сделать ректороманоскопию на предмет воспаления.

- А что это?

- Это телевизор в задний проход вставляют и смотрят, нет ли там воспаления. Прибор специальный. У нас в наших условиях таких нет, а вот в госпитале в гастроэнтерологическом отделении есть. У нас можно только что-то сделать, если он съел что-то не то. Тогда мы готовы ему клизму поставить. У нас есть такая – и она показала на большую грушу, висящую на специальном крючке на какой-то высокой подставке – а вот если он согласится, то я ему с таким удовольствием вкачу лошадиную дозу. Ну, хватит рассуждать Михаил Александрович. Пошли. Он ждет и нервничает – подтолкнула она Мишу к двери, застёгивая одной рукой свой халатик.

- А если я перепутаю, что-нибудь? – остановился у двери Миша.

- Ничего страшного. Бывает, что и настоящие врачи путают. Главное путать, а не поправляться и не заикаться. Остальное сойдет.

Они вошли в кабинет. Впереди шел Миша за ним на своих тувельках на невысоких каблуках шла Ирочка.

- Где вы так долго, товарищ старший лейтенант – раздраженно спросил начпо, приподняв голову – я тут чуть не уснул у вас.

- Да это по технологии так надо. Вы должны полежать и успокоиться, понимаете главное успокоить организм. Там процессы, которые происходят не сразу не односекундно успокаиваются, а требуется время. Мы дали возможность вам отдохнуть немного. Надеюсь, что вас это не сильно разволновало? Теперь можно приступать к осмотру.

Вы так убедительно говорите доктор, что я вам даже верю – улыбнулся начпо.

- Ринат Сахапович тихонько встаньте и садитесь на стул – Миша показал, куда по его мнению, должен был сесть начпо.

Начпо сел перед ним.

Миша взял танометр:

- Ринат Сахапович. Сейчас мы измерим ваше давление.

Начпо положил руку на стол, и Миша надел на руку начпо манжету танометра, потом вставил в уши фонендоскоп и положил слуховую мембрану на руку в район сгиба, так как делали врачи, когда меряли давление ему, и взяв в руки грушу и прикрутив клапан на ней начал накачивать.

Когда почувствовал, что накачено достаточно и стрелка прибора ушла за 160 атмосфер он начал тихо спускать воздух.

- 135 на 82. Ринат Сахапович – это для вас нормально?

- У меня обычно 120 с лишним на 70.

- Повышенное давление. Но хорошо, что ненамного – развел руками Миша – вы наверно на открытии лагеря перенервничали и солнце еще печет.

- Да есть наверно.

- Сердце не болит?

- Так сжимает слегка – проговорил начпо, видимо прислушиваясь к своим ощущениям.

- Ирочка. Корвалолу пожалуйста дайте Ринату Сахаповичу. Только примете после осмотра. А теперь вставайте я вас послушаю. Нутес – произнес Миша, видимо вспомнив, как в каком-то рассказе или фильме говорил врач при осмотре больного.

Нет он уже не боялся. Боязнь прошла. Он боялся рассмеяться, настолько комичным и нереальным ему все это казалось. И если бы не Ирочкина повязка начпо наверно увидел бы Мишину улыбку.

Начпо встал, повернулся к Миша спиной, а Миша начал через фонендоскоп слушать его.

- Дышите, не дышите.

Миша ничего не слышал и не распознавал. Но делал свое дело, играл свою роль. Он тяжело вздохнул, что-то пробормотал.

- Плохо доктор – спросил озабоченно начпо.

- Не очень хорошо Ринат Сахапович. Скажу вам честно. Хрипы в легких небольшие, но видимо это последствия вашего курения. Надо бросать.

- Я брошу, обязательно брошу.

- Нутес. Теперь ложитесь Ринат Сахапович на спинку – Миша показал в сторону кушетки.

Ирочка стояла рядом и озабоченно смотрела в сторону начпо.

Наступал самый ответственный период осмотра

- Покажите пальцами Ринат Сахапович где у вас болит и постарайтесь охарактеризовать как болит.

Начпо показал на животе, где у него болит, и Миша стал пальпировать пальцами и рукой его живот, так как учила Ирочка на своем слегка загорелом животике.

- Здесь болит, здесь болит?

После того, как осмотр был закончен, он спросил начпо:

- Ринат Сахапович. Вы гепатитом болели, корью, свинкой?

- ММММ – замялся начпо – корью, свинкой болел в детстве. Напомните что такое гепатит?

Миша в детстве переболел гепатитом и поэтому ориентировался немного:

- Болезнь Боткина называют или желтуха.

- Нет, не болел.

- Я внимательно посмотрел ваши ректум, венстрикилис, интертинум, ренес, хепард – называл Миша лихорадочно вспоминая, что ему наговорила Ирочка и естественно путался – вроде все нормально.

- А что это такое?

- А – как бы очнулся Миша – это по латыни желудок, печень, почки, поджелудочная.

- Понятно – проговорил тихо начпо – я всегда уважал врачей за их академические знания. Хранить такое в голове просто нереально.

- ММММ – промычал опять Миша – значит так уважаемый Ринат Сахапович. Делаем выводы. Пальпирование очевидных проблем не нашло. Однако это не значит, что их нет. Боли есть и это говорит, что не все нормально в организме. Значит надо проверяться. Надо проверить ваши ректум и анус.

- Что это доктор?

- Это прямую кишку и заднее отверстие. Надо сделать вам – Миша лихорадочно вспоминал слово, сказанное Иришкой – ректороманоскопию – наконец вспомнил он, - но она делается только стационарных условиях госпиталя. Вам обязательно надо лечь на обследование.

Он внимательно посмотрел в глаза начпо.

Тот помолчал немного и потом сказал:

- Это все так сложно.

- Нет не сложно. Но если затянуть, а болезнь все же есть, то могут быть и последствия.

- А это ректорскопия, или как ее вы там назвали.

- Ректороманоскопия – поправил Миша.

- Ну да. Это больно.

- Да нет вы что? Это нормально. Вам через заднее проходное отверстие введут специальный прибор в толстую кишку и посмотрят все ли у вас там нормально.

- Как посмотрят?

- Ну там есть телевизионная камера с освещением – фантазировал Миша и все видно, что хорошо, а что не очень. Но есть другой вариант, что ваш живот болит от того, что вы съели что-то некачественное. В этом случае мы можем вам поставить клизму. Ирочка несите клизму.

Начпо, что-то промычал невнятное.

Показалась Ирочка с подставкой и на ней болтающийся огромной клизмой.

Начпо увидел ее, его глаза сузились:

- А вы знаете доктор, у меня все прошло. Вдруг отпустило и он виновато улыбнулся - Пожалуй, я лучше пойду.

Тогда вставайте, одевайтесь – тяжело вздохнул Миша, уж очень ему хотелось сделать начпо клизму - а я пока вам скажу то, что должен вам сказать любой врач, в такой ситуации. Мойте перед едой тщательно руки, мойте овощи, прежде чем есть. Не пейте воду, из-под крана, а кипятите ее. Поменьше острого и жирного снова фантазировал Миша - и все же проверьтесь в госпитале. Мало ли что?

- Доктор, а вы не могли бы осмотреть дома мою Галию Хасановну? – спросил начпо, надевая галстук.

- Да я завтра уезжаю в командировку в Севастополь в интернатуру, лучше, если посмотрит начмед лично. Майор Козенко весьма грамотный специалист.

- Лучше вы, когда приедете с вашей интернатуры. У вас руки хорошие и академические знания

видны сразу.

- А что у нее? – осторожно спросил Миша

Начпо надел фуражку, перед зеркалом поправил ее приложив посредине руку:

- Есть проблемы у нее. Вы приедете и сразу ко мне, и тогда мы подробно поговорим с вами по этому вопросу – сказал начпо и направился на улицу. За ним двинулась Ирочка, поставив подставку с клизмой у стола.

На крыльце начпо распрощался с Мишай, поцеловал руку заалевшей Ирочке и быстро пошел в сторону столовой.

Миша посмотрел ему в след, как он идет и разлетаются в стороны его широкие снизу брюки. Потом усмехнулся и вошел в санчасть.

Там в кабинете держась за животы, хохотали в голос Игорь, Николай и их жены.

- Миша ты сделал самую большую в жизни ошибку, что не пошел учиться в нашу медицинскую академию. Из тебя получился бы классный врач.

- Еще не поздно – сказал Николай – пиши рапорт на учебу в академию и еще шесть лет в Питере. У нас учились офицеры.

- Не, не дай Господь – рассмеялся Миша – мне сегодняшнего приема хватило на всю жизнь.

- Тогда накрываем столы – скомандовал Игорь – теперь если у меня, что-то будет со здоровьем, то я буду обращаться только к тебе. Начпо понравились твои руки, и он доверяет тебе самое дорогое, что у него есть – свою жену

Все присутствующие громко рассмеялись.

- Я против жены начпо - вдруг сказал Ирочка – а руки у Миши действительно хорошие. Он ведь первой осмотрел меня, и я почувствовала тепло его рук на своем животике и не только. Настоящий врач

Все посмотрели на нее и опять рассмеялись.

- Накрываем на стол. Праздник продолжается.

И через пять минут стол в изоляторе был накрыт.

Молодые были все, веселые и самое интересное, что ничего не боялись. Вся жизнь была впереди и можно было с оптимизмом смотреть в будущее. Впереди молодых офицеров ждали далекие моря и океаны, приключения, шторма, а пока можно немного расслабиться и повеселиться, так как делали они.

Из лагеря Миша уходил поздно вечером, спеша к последнему трамвайчику и даже не мог представить, что может быть, если начпо, не дай Господь, увидит его с погонями не врача, а корабельного офицера.

Перед уходом Ирочка смотрела на Мишу даже с какой-то жалостью и предложила приехать даже с ночевкой, места в санчасти полно и есть где ночевать.

Миша глубоко вздохнул, и искренне пожалел, что не отпросился на ночь. Ирочка пошла провожать его, и они долго целовались на пристани в ожидании трамвайчика

Пионерский лагерь вдали светился веселыми огоньками, а где-то раздавалась громкая музыка.

Уже, когда трамвайчик пошел через реку, Миша пытался отыскать на берегу фигурку Ирочки, махавшей ему вслед. Потом берег превратился в череду горевших огоньков и где-то там был домик врачей, где оставались его друзья Игорь и Николай.

Миша с умилением вспоминал слегка загорелый животик и розовые соски груди Ирочки и думал, что обязательно вернется в пионерский лагерь. Но потом вспомнив Наташу, сам себе скомандовал - забыть Ирочку. И потом старался ее не вспоминать.

Бог Мишу хранил почему-то и начпо больше не увидел его в общей массе офицеров с «Азова», скорее всего, просто не различил в огромном большинстве лиц.

В пионерский лагерь на всякий случай Миша больше не попал, так как уехал в командировку в Севастополь. А туда к нему прилетела срочно его Наташа и он старался забыть пионерский лагерь.

Но воспоминания о Мишиных медицинских подвигах, долго потом ходили по «Азову» и некоторые офицеры подначивали Мишу:

- Миша, ты знаешь, живот чего-то болит. Ты не помотришь? – и громко хохотали.

